

АКАДЕМИЯ НАУК  
СССР

*Советское*  
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3  
1975



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
• НАУКА •

# Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ — ИЮНЬ

3

1975

ЖУРНАЛ  
ОСНОВАН  
В 1965  
ГОДУ

МОСКВА

## СОДЕРЖАНИЕ

*К 30-летию великой победы над фашистскими захватчиками*

Всемирно-историческое значение победы над фашизмом . . . . .	3
<i>Е. А. Болтин.</i> Великий подвиг советского народа	9
<i>А. И. Недорезов.</i> Советско-чехословацкие отношения в 1945—1948 гг. . . . .	23
<i>Л. Б. Валев.</i> Победы Красной Армии под Сталинградом и на Орловско-Курской дуге и подъем антифашистской борьбы в Болгарии . . . . .	30
<i>Йозеф Грозиенчик</i> (ЧССР). Интернациональный характер Словацкого национального восстания 1944 года . . . . .	38
<i>Ф. Э. Боржемский.</i> Из записок хрониста 1-й армии Войска Польского . . . . .	44
<i>Ю. Богданов, Г. Ильина, В. Хорев.</i> Общие тенденции развития антифашистской литературы (Болгария, Польша, Чехословакия, Югославия) . . . . .	49
<i>И. В. Шабловская.</i> Концепция человека в славянской поэзии Сопротивления . . . . .	59
<i>В. Тихомирова.</i> Антифашистская тема в современной польской поэзии . . . . .	66

*Проблемы истории и языкознания*

<i>С. Гринберг.</i> Основные тенденции и особенности развития фабричной промышленности в Болгарии в начале XX века (1900—1912 гг.) . . . . .	70
<i>Мария Тодорова</i> (НРБ). «Синие книги» как источник по истории Балкан и Турции в 1814—1856 гг. . . . .	84
<i>Ф. Т. Жилко.</i> Некоторые вопросы картографирования в национальных атласах славянских языков . . . . .	92

## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Н. Сидорцов. Д. Б. Мельцар, П. З. Савачкин. Беларусь і Балгарыя—дружба, супрацоўніцтва, братэрства . . . . .	102
В. А. Борис. J. Kozik. Ukraiński ruch narodowy w Galicji w latach 1830—1848 . . . . .	104
А. С. Мильников. J. Petráň. Nevolnické povstání 1775 . . . . .	105
Ю. Ф. Иванов. А. И. Озолин. Бюргерская оппозиция в гуситском движении . . . . .	107
О. М. Малевич. С. В. Никольский. Карел Чапек — фантаст и сатирик . . . . .	109
И. К. Горский. Монографический очерк жизни и деятельности Крашевского . . . . .	111
С. В. Никольский. Первая советская монография о Й. Юнгмане . . . . .	113
И. Калиганов. Боню Ангелов. Страници из историята на старобългарската литература . . . . .	115
И. П. Березовский. Т. П. Рудая. Иван Франко — дослідник слов'янського фольклору . . . . .	116
Л. Софронова. Изучение эмблемы в польском литературоведении. . . . .	117
Тодор Бояджиев (НРБ). Л. Андрейчин. Езикови тревоги . . . . .	119

## Библиография

Книги о современном положении, истории, культуре и языках зарубежных славянских народов, вышедшие в Советском Союзе в 1974 г. . . . .	122
Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1974 г. (продолжение) . . . . .	126
Содержание иностранных журналов . . . . .	133

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИЦ, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубликовский пер., д. 30 а. Телефон 290-27-40



## *К 30-летию великой победы над фашистскими захватчиками*

### ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ

*Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, раскрывая историческое значение великой победы советского народа над фашистскими захватчиками, подчеркивал:*

Праздник Победы над гитлеровской Германией навсегда останется одним из самых ярких и незабываемых дней в истории нашего социалистического государства, нашей борьбы за торжество коммунизма...

Разгром гитлеровской Германии означал победу прогресса над реакцией, гуманизма над варварством, победу социализма над мракобесием империализма. Эта победа открыла дорогу для подъема революционной борьбы рабочего класса, невиданного размаха национально-освободительного движения и краха позорной колониальной системы...

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз положило начало новой фазе второй мировой войны. Для советского народа это было начало Великой Отечественной войны против фашистских захватчиков.

С первых дней военных операций на советско-германском фронте было ясно, что именно здесь решается исход второй мировой войны. Правительство Англии, стоявшей перед угрозой вторжения, правительство США, обеспокоенное усилением фашистской Германии и милитаристской Японии, заявили о своей готовности бороться вместе с Советским Союзом. Сложилась антигитлеровская коалиция, объединившая народы и государства для общей борьбы с фашистскими захватчиками.

Победа далась нашему народу нелегко. Столь жестокой войны, какую перенес Советский Союз, не выпадало на долю ни одному народу...

Историческая победа советского народа, сокрушившего фашизм, — это прежде всего убедительное свидетельство могучей жизненной силы нашего социалистического строя...

Общественная система социализма, ее экономические и организационные возможности, идейное и политическое единство советского общества, советский патриотизм и пролетарский интернационализм, дружба народов СССР, их сплоченность вокруг Коммунистической партии, беспримерный героизм и мужество Советской Армии — вот главные факторы, определившие победу советского народа в Великой Отечественной войне.

Великим вождем, организатором и полководцем советского народа в этой войне была наша славная Коммунистическая партия. Весь свой организационный гений, всю силу могучего содружества народов СССР, всю накопленную годами народную энергию, упорство, выносливость и могучую волю наша партия направила к единой цели — на разгром фашизма...

Советский народ, руководимый партией, сделал все, чтобы наши Вооруженные Силы стали непобедимыми. И наша Советская Армия, ее солдаты и матросы, сержанты и старшины, ее офицеры, генералы и адмиралы полностью оправдали надежды и доверие нашего народа!..



Победа над фашизмом на фронте ковалась также упорным трудом миллионов советских рабочих, крестьян, интеллигенции в тылу. Исход борьбы решался не только на полях сражений, но и в развернувшейся по всей стране великой битве за металл, за боевую технику, за хлеб...

Советский народ и его Вооруженные Силы с честью выполнили свою великую освободительную миссию. Они оказали братскую помощь народам Европы и Азии в их борьбе за свободу и национальную независимость, помогли и германскому народу освободиться от фашизма.

*Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 1.  
М., 1970, стр. 118, 120, 122—123,  
124, 128—130, 133, 139*



*Говоря об освободительной миссии Советского Союза в годы второй мировой войны и борьбе болгарского народа против фашизма, Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного Совета НРБ Т. Живков указывал:*

Мы славим победу Советского Союза над самым сильным и страшным врагом как победу нового мира над старым, как торжество социалистического общественного и государственного строя, социалистической идеологии.

Наш первый долг, отмечая день Девятого мая, вспомнить с глубокой благодарностью о бессмертном и величавом подвиге советского народа и его могучей и несокрушимой армии, о великой Коммунистической партии Советского Союза — вдохновительнице и организаторе этой исторической победы! Вечная память и слава миллионам известных и неизвестных героев, павших в борьбе за освобождение народов от фашизма!

Мы ценим активный вклад всех народов антигитлеровской коалиции в победу над фашистской Германией и милитаристской Японией. Но никто не может отрицать, что Советский Союз был ведущей силой в этой коалиции. Советский Союз вынес на своих плечах главную тяжесть войны, сыграл решающую роль в победе. Советский Союз не только защитил свою свободу и национальную независимость, но и помог другим народам избавиться от фашистского ига. Это придало войне подчеркнуто освободительный характер. Это самая освободительная война в истории человечества.

*Т. Живков. Приветствие по случаю 20-летия  
Победы. «Работническо дело», 9 V 1965*

Растущая сила и размах борьбы народа за освобождение, успех вооруженного восстания Девятого сентября стали возможны благодаря великим победам Советской Армии над немецким фашизмом и благоприятной обстановке, сложившейся в результате ее наступления на Балканах. Славными победами во второй мировой войне и разгромом немецкого фашизма Советская Армия выполнила свою великую роль освободительницы народов, в том числе и нашего народа.

*Т. Живков. Избранные статьи и речи,  
т. II. М., 1965, стр. 764*

Когда фашистские полчища нагрянули на советскую землю, болгарский народ встретил нападение как удар в свое сердце, как угрозу своему собственному существованию... Несмотря на то, что национальная независимость страны формально не была поцрана, в Болгарии развернулась мощная борьба за социальное и национальное освобождение, в которую постепенно были вовлечены широкие массы рабочих, трудового крестьянства, народной интеллигенции... Болгарские коммунисты, болгарские комсомольцы, подпольщики — деятели движения Сопротивления, партизаны и их помощники жили, боролись, умирали и побеждали с чувством, что они являются бойцами великой Красной Армии, с сознанием, что защита Советского Союза является защитой завтрашней социалистической Болгарии, защитой будущего мира.

Поэтому, когда советские бойцы вступили в Болгарию в незабываемом сентябре 1944 года, их встреча с болгарским народом была не просто встречей старой Болгарии со старой Россией, это была встреча Советского Союза со свергнувшей иго капитала социалистической Болгарией.

Девятое сентября 1944 года стало не только первым днем нового социального строя в Болгарии, но и первым днем осуществленной вековой мечты болгарского народа жить и развиваться в самой тесной дружбе, плечом к плечу со своим братом — русским народом, со свободными народами Советского Союза.

*Т. Живков. Единство на основе марксизма-ленинизма.  
Речи, доклады, статьи. София,  
1969, стр. 492—493*



*Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек, характеризуя роль Советского Союза в освобождении польского народа от гитлеровской оккупации и значение польско-советского боевого содружества, говорил:*

Боевые подвиги Польской Армии, сформированной в Советском Союзе, открыли наиболее короткий и прямой путь к независимости, кровью скрепили польско-советское братство по оружию, в значительной степени способствовали освобождению страны от гитлеровской оккупации. Созданная в СССР Польская Армия стала важной политической силой, из ее рядов вышли многие деятели польского народного государства...

Освободительная борьба нашего народа увенчалась победой благодаря объединению ее с борьбой народов Советского Союза — решающей силы в разгроме гитлеризма.

С этой трибуны я обращаюсь от имени съезда и от имени всех поляков к делегации Коммунистической партии Советского Союза: передайте, товарищи, глубокую благодарность всего польского народа советским братьям, которые освободили нашу страну и собственной кровью заплатили за нашу свободу. Чем больше проходит времени, тем более в наших глазах возрастает значение их подвига, величие их героизма. Скажите советским людям, что их боевые дела принесли хорошие плоды, что в Польше укрепляется социализм, что крепнет международное единство, связывающее наши страны и народы!

*Е. Gierek. Zadania partii w dalszym socjalistycznym rozwoju Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej. «Nowe drogi»,  
1972, № 1, s. 69—70*

Польский народ никогда не забудет освободительной роли Советской Армии во время второй мировой войны. Героические подвиги советских солдат, которые принесли свободу нашей Родине, навечно вписаны в историю Польши и сохранятся в памяти нашего народа. Создавая народное Войско Польское, мы использовали советский опыт. Первый свой бой, дата которого стала праздником польского народа, Войско Польское приняло под Ленино, на советской земле. Затем плечом к плечу с Советской Армией польские воины прошли славный боевой путь, который завершился участием в победном штурме Берлина.

*Э. Герек. Советский Союз — оплот мира и социализма.  
«Коммунист», 1972, № 11, стр. 68*

Освобождение от гитлеровской оккупации Советской Армией и народным Войском Польским позволило нашему народу вернуться на свои исторические земли между Одрой, Нисой и Бугом, а также свободно решать судьбу своего будущего, сделать выбор общественного строя.

*Э. Герек. К новым достижениям на пути социализма.  
«Правда», 1974, 20 июля*

В союзе с Советской Армией, победа которой спасла польский народ от уничтожения и послужила решающей предпосылкой обретения независимости, солдаты Польской Армии, сформированной в СССР, партизаны Гвардии и Армии народной, а затем воины народного Войска Польского, освобождали родную землю, закладывали фундамент народной власти...

Я обращаюсь к Вам, товарищ генерал Брежнев, как к участнику освободительного марша великой Красной Армии: передайте советским ветеранам второй мировой войны и семьям павших солдат благодарность нашего народа за их героические подвиги и их жертвы. Передайте всем советским людям самые горячие чувства от польского народа.

*Э. Герек. Речь на торжественном заседании Сейма,  
посвященном 30-летию ПНР. «Правда», 1974, 22 июля*



*Оценивая значение победы Советского Союза над фашистскими захватчиками и боевого чехословацко-советского сотрудничества, Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусаж констатировал:*

25 лет назад Советская армия — Армия-освободительница завершила свою поистине героическую борьбу — разгромила гитлеровских нацистов. Свой победоносный поход она закончила освобождением нашей столицы — Праги. Она принесла свободу не только нам, но и целому ряду европейских и азиатских стран и спасла мировую цивилизацию от фашистской тирании и варварства.

Наш народ, познавший всю тяжесть и жестокость нацистской оккупации, никогда не забудет о мужественной борьбе советского народа, о его освободительной роли.

С глубоким уважением и благодарностью мы всегда будем вспоминать о безграничных жертвах, которые понесли народы Советского Союза во имя освобождения мира от ужасов фашизма.

*Г. Гусак. Речь на митинге чехословацко-советской дружбы.  
«Правда», 1970, 7 мая*

Советский Союз и его партия стали прочной опорой и надеждой чехословацкого народа в период мюнхенского сговора и в период закабаления нашей страны гитлеровским фашизмом. Наши народы никогда не забудут, что именно героическая Советская Армия освободила Чехословакию и спасла тем самым наши народы от истребления их фашистами.

В борьбе за нашу свободу плечом к плечу с Советской Армией сражались чехословацкие воинские части, которыми командовал генерал армии товарищ Людвик Свобода, ныне президент Чехословацкой Социалистической Республики и член нашей делегации. В этой борьбе была выкована наша прочная дружба, скрепленная совместно пролитой кровью.

*Г. Гусак. Речь на XXIV съезде КПСС.  
XXIV съезд Коммунистической партии Советского союза.  
Стенографический отчет, т. I. М., 1971, стр. 261*

Освобождение Чехословакии Советской Армией было одним из решающих факторов, позволивших нашему народу вступить на путь построения социалистического общества. Слова Клемента Готвальда «с Советским Союзом на вечные времена» отражают исторический опыт нашего трудового народа и отвечают его подлинным интересам.

*G. Husák. Vybrané projevy. Praha, 1972, s. 443*

Наши народы не забыли и не забудут, что Чехословакия была освобождена Советской Армией ценой огромных жертв, что СССР помогал нам в годы строительства социализма, которые не были ни легкими, ни простыми.

*Г. Гусак. Интервью «Плечом к плечу».  
«Правда», 1972, 3 апреля*



*Председатель СКЮ, Президент СФРЮ И. Броз Тито, определяя роль Советского Союза и боевого югославско-советского сотрудничества в разгроме фашизма, отмечал:*

Победа над фашистскими захватчиками явилась продолжением того революционного процесса, начало которому было положено в Октябре. В самом деле, если бы не было Октябрьской социалистической революции, если бы не было Советского Союза, который в ходе Великой Отечественной войны вынес на своих плечах главную тяжесть в борьбе против фашистских орд, не было бы и победы революции в Югославии, не произошло бы социалистических преобразований во многих других странах Европы. Именно в этом еще раз проявилось значение победы Октября как поворот-



ного пункта в истории человеческого общества, открывшего новую эпоху победоносного шествия к социализму...

В эти трудные дни, когда решалась судьба нашего народа, нас вдохновляли идеи Октября и примеры героизма советских людей в борьбе против фашизма, в которой Советский Союз и его армия понесли самые большие жертвы и сыграли решающую роль...

Когда наступили трудные времена фашистской агрессии, народы Югославии продемонстрировали свою дружбу с народами Советского Союза, а наш рабочий класс под руководством коммунистической партии — свой интернационализм. В тот же день, когда гитлеровская Германия напала на СССР, КПЮ призвала коммунистов, рабочий класс и народы Югославии подготовиться к вооруженной борьбе, а несколько дней спустя приняла решение о начале вооруженного восстания. Народы Югославии вступили в самую решительную и самую кровавую борьбу в своей истории. В невероятных тяжелых условиях наша партия с успехом начала народно-освободительную войну в центре поращенной Европы и в процессе освободительной борьбы заложила основы революционного социалистического развития и создала новую, народную власть. Народно-освободительная армия Югославии под руководством КПЮ в неравной борьбе против значительно превосходящего по численности и силе противника сумела нанести ему тяжелые удары, удерживая на нашей территории в течение всей войны свыше 35 фашистских и около 12 дивизий квислинговцев. В ходе народно-освободительной борьбы мы потеряли 1700 тысяч жизней и все же вместе с Советским Союзом сумели победить всех врагов. В этой нечеловеческой борьбе нашим бойцам придавали огромную моральную силу блестящие примеры самоотверженности и героизма советских людей и победы вашей славной армии. Наши народы никогда не забудут того вклада, который внесли народы Советского Союза в разгром агрессивных империалистических сил фашизма. Мы также не забудем и тысячи советских бойцов, которые плечом к плечу с воинами нашей революции проливали кровь и отдали свои жизни на полях сражений Югославии.

*И. Броз Тито. Избранные статьи и речи.  
М., 1973, стр. 42, 49, 55—56*



Е. А. ВОЛТИН

## ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Все прогрессивное человечество торжественно отмечает 30-летие победы Советского Союза, антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. Победа над фашизмом, одержанная первым в мире социалистическим государством, явилась началом новой эпохи, ознаменовавшейся образованием мировой социалистической системы и мощным поступательным движением сил социализма, значительным ослаблением империализма и распадом колониальной системы, бурным ростом национально-освободительных движений, победой национальных революций в ряде колониальных и зависимых стран.

С точки зрения истории 30 лет — это небольшой отрезок времени, период активной жизни лишь одного поколения людей. Но минувшее тридцатилетие по динамизму событий, по характеру и масштабам изменений, происшедших в мире, не может идти в сравнение ни с одним другим равным отрезком времени в прошлом. За период 1945—1975 гг. человечество пережило коренные изменения. Магистральный путь его развития определяют ныне мировая социалистическая система, международный рабочий класс, все революционные силы. Этот путь развития открыла победа над фашизмом, в которой главная, решающая роль принадлежала Союзу Советских Социалистических Республик.

Центральный Комитет КПСС в новогоднем Обращении к партии, к советскому народу подчеркнул, что «1975 год — это год, когда мы будем отмечать 30-летие победы в Великой Отечественной войне, в которой советский народ проявил массовый героизм и мужество, отстоял честь, свободу и независимость социалистической Родины, спас народы мира от угрозы фашистского порабощения. Патриотический долг каждого советского человека достойно встретить юбилей Великой Победы, ознаменовать его новыми достижениями на трудовом фронте»<sup>1</sup>.

Юбилей победы привлекает всенародное внимание к истории минувшей войны, к ее событиям и урокам. И чем дальше отодвигаются от нас эти события, тем яснее становится значение короткого, но важного периода в истории Советского государства, начавшегося 22 июня 1941 г. и завершившегося Днем Победы — 9 мая 1945 г.

Народы Советского Союза оказались втянутыми во вторую мировую войну помимо своей воли и вопреки миролюбивой политике Коммунистической партии и Советского государства, в результате вероломного нападения фашистской Германии. Это нападение прервало двадцатилетний период мирного строительства социализма в СССР, вынудило советских людей взяться за оружие для защиты Родины от жестокого, сильного и

<sup>1</sup> «Коммунист», 1975, № 1, стр. 5.

коварного врага, угрожавшего народам СССР не только уничтожением завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, но и полным порабощением.

Война фашистской Германии и ее союзников против СССР носила несправедливый, захватнический характер, преследовала агрессивные классовые цели германского империализма. Определяя эти цели, Гитлер 30 марта 1941 г. так инструктировал генералитет и верхушку фашистской партии: «Наши задачи в отношении России: разбить вооруженные силы, уничтожить государство... Речь идет о борьбе на уничтожение»<sup>2</sup>.

И действительно, как указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «в войне против озверелого фашизма решалась судьба нашей страны, будущее всего мира. Что ожидало нашу Родину, советский народ, другие народы земли, если бы мы не обуздали черные силы фашизма? Порабощение и физическое истребление десятков и сотен миллионов людей, гибель целых государств, разрушение цивилизации. Ночь фашистского мракобесия опустилась бы на многие страны и континенты»<sup>3</sup>.

Фашистские правители бросили против СССР самую мощную армию того времени, отлично подготовленную к войне, прежде не знавшую поражений. Но они не учли — да и не способны были учесть — всей мощи Советского Союза как социалистического государства, морально-политического единства советского народа, тесно сплоченного вокруг Коммунистической партии.

Смысл и цель своей деятельности КПСС в период войны видела в том, чтобы привести советский народ к победе. Этой задаче она отдала все свои силы, все умение и энергию организатора и авангарда масс трудящихся. Партия твердо знала и верила, что советские люди, построившие социализм, отстают свои величайшие революционные завоевания, несмотря ни на какие трудности и жертвы. Она руководствовалась при этом мудрыми указаниями В. И. Ленина: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»<sup>4</sup>.

В годы, предшествовавшие войне, благодаря гигантской работе партии и всего советского народа, в СССР была создана мощная оборонная промышленность, налажено производство новейших типов самолетов, танков, артиллерийских орудий. Эта подготовительная работа обеспечила технико-экономическую базу обороны страны. Накануне войны партия предприняла ряд мер по повышению боевой готовности Советской Армии и усилению обороноспособности страны.

С первого часа войны Коммунистическая партия встала на военную вахту, приступила к перестройке всей работы на военный лад. Уже утром 22 июня 1941 г., когда стало известно о вторжении врага в пределы СССР, Политбюро ЦК партии обсудило и утвердило текст обращения Совета Народных Комиссаров к народу, которое было зачитано по радио в полдень. Оно заканчивалось словами, ставшими всенародными лозунгами Великой Отечественной войны: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

Но путь к победе был долгим и тернистым. В первые недели войны Советские Вооруженные Силы потерпели тяжелые неудачи и были вынужде-

<sup>2</sup> «История Коммунистической партии Советского Союза». В 6-ти томах, т. 5, кн. I. М., 1970, стр. 139—140.

<sup>3</sup> Л. И. Б р е ж н е в. Ленинским курсом, т. 1. М., 1973, стр. 120.

<sup>4</sup> В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.

ны уступить врагу большую территорию, отойдя далеко на восток от государственной границы СССР. Эти неудачи явились следствием совокупности обстоятельств, крайне неблагоприятных для Советской Армии и Флота, для нашего военного командования. К таким обстоятельствам относились прежде всего милитаризация экономики фашистской Германии и использование ею экономических и военных ресурсов оккупированных стран Западной Европы. Ведь гитлеровцы захватили в этих странах весь арсенал вооружения, громадные запасы металла, стратегического сырья, металлургические и военные заводы. Кроме того, Германия вела длительную и широкую подготовку к захватнической войне и имела опыт военных действий на Западе; наконец, на ее стороне было превосходство в вооружении и численности войск, заблаговременно сосредоточенных в пограничных зонах.

Советскому Союзу пришлось вступить в единоборство с колоссальной и хорошо отлаженной военной машиной; к тому же советским войскам недоставало в то время опыта ведения крупных операций в условиях современной войны. Сыграли свою роль допущенные просчеты в оценке возможного времени нападения Германии на СССР и связанные с этим упущения в подготовке к отражению внезапных ударов.

Все это, вместе взятое, дало врагу на первых порах хотя и временные, но весьма ощутимые военные преимущества.

В сложной и трудной обстановке начала войны советские воины проявили беззаветную преданность Родине, готовность защищать ее, не щадя жизни. Коммунисты были в первых рядах на самых ответственных участках боя. Сильное сопротивление врагу оказали доблестные советские пограничники. Отдельные полевые части и гарнизоны Советской Армии, обойденные врагом и попавшие в окружение, сражались буквально до последнего патрона. Всем известны имена героев Бреста, Перемышля, многих других городов и сел, ставших очагами яростного сопротивления советских воинов. С первых же часов войны немецко-фашистские захватчики встретили такой отпор, какого они не встречали нигде во время своих легких «военных прогулок» по странам Европы в 1939—1940 гг. Советский народ вставал на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой», которая рвалась на восток, разрушала и захватывала наши города и заводы, совхозы и колхозы, предавала огню и мечу все то, что было добыто ценою многолетнего упорного труда...

В эти тяжелые дни Коммунистическая партия выступила как подлинный коллективный вождь народа в священной войне против немецко-фашистских захватчиков. В основе программы партии по организации отпора врагу, по превращению страны в единый военный лагерь лежали ленинские идеи защиты социалистического Отечества. Благородные цели всенародной, Отечественной войны были изложены в важнейшем программном документе — Директиве Совета Народных Комиссаров и Центрального Комитета ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня — и составили содержание речи И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. В дальнейшем ленинские идеи нашли развитие и воплощение в конкретных политических, оперативно-стратегических и народнохозяйственных планах, явились руководством для боевой деятельности советских войск, для перестройки на военный лад экономики страны и превращения ее в подлинный военный лагерь, для мобилизации всех сил народа на разгром немецко-фашистских агрессоров. Гигантская, многогранная организационно-политическая и идеологическая работа партии, направленная на достижение победы, явилась решающим фактором разгрома немецко-фашистских захватчиков и достижения конечных целей Великой Отечественной войны.

Главную роль в реализации этих целей сыграли славные Советские Вооруженные Силы, их упорная четырехлетняя борьба с врагом на земле, на море и в воздухе на гигантских пространствах советско-германского фронта, протянувшегося с севера на юг через весь континент, от Баренцова до Черного моря. Война потребовала мобилизации в Вооруженные Силы огромных людских масс и прежде всего мужчин в возрасте от 18 до 45 лет. О размерах мобилизационных усилий нашего народа говорят следующие цифры: на 1 июня 1941 г. Советские Вооруженные Силы насчитывали до 5 млн человек, только за первые 8 дней войны в них дополнительно влилось 5,3 млн человек! А на заключительном этапе войны, к началу 1945 г., несмотря на понесенные тяжелые потери, в Советской Армии и Флоте было 13,6 млн человек. Соответственно выросло и количество солдат и офицеров в Действующей армии: если на 22 июня 1941 г. их было 2,9 млн, то к 1 мая 1942 г. — 5,5 млн, к 1 июня 1943 г. — 6,4 млн, к 1 января 1944 г. — 6,1 млн, к 1 января 1945 г. — 6 млн<sup>5</sup>.

Естественно, что одним из главных участков работы партии были Вооруженные Силы — армия, авиация и Военно-Морской Флот. Здесь основная линия политики партии заключалась в осуществлении таких мер в области строительства, обучения, политического воспитания и боевого использования Советских Вооруженных Сил, которые обеспечили бы освобождение оккупированной территории страны от фашистских захватчиков, полный разгром войск гитлеровской Германии и ее сателлитов, а также помощь народам европейских стран, стонущим под игом оккупантов.

Разумеется, что Вооруженные Силы действовали не сами по себе, не в отрыве от народа. Напротив, успехи армии и флота были бы немислимы без напряженной работы тыла страны, без обеспечения войск оружием, боеприпасами, снаряжением, обмундированием. Наконец, регулярным вооруженным силам помогала борьба народа в тылу врага, партизанское движение на оккупированной противником территории.

Но и успех вооруженной борьбы на фронте и в тылу врага, и результаты труда народа в тылу страны зависели от одного важнейшего фактора — морального духа советских людей. В. И. Ленин говорил, что «во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести»<sup>6</sup>.

Действия войск на фронте и борьба советских людей в тылу врага, героический труд народа во имя победы, высокий моральный дух воинов, партизан и тружеников тыла, морально-политическое единство армии и народа — все это в конечном счете и обеспечило создание условий для достижения победы, для полного разгрома агрессивных сил фашизма.

Конечно, достигнуто это было не сразу, а в ходе упорных, кровопролитных сражений с сильным и умелым противником, борьба с которым потребовала от всего советского народа титанических усилий.

Первая решительная победа была одержана в декабре 1941 — январе 1942 г. под Москвой. В боях за столицу нашей Родины партия добилась небывалого сплочения советских воинов и тружеников тыла — защитников Москвы. В труднейших условиях нехватки оружия, боеприпасов, превосходства противника в силах Советская Армия сначала остановила

<sup>5</sup> См. А. Г р е ч к о. На страже мира и социализма. «Коммунист», 1970, № 3, стр. 58.

<sup>6</sup> В. И. Л е н и н. Там же, т. 41, стр. 121.



врага на ближних подступах к Москве, а затем, перейдя в контрнаступление, нанесла немецко-фашистским войскам жестокое поражение, отбросив их от занятых рубежей на 100—250 километров. Эта первая победа над гитлеровским вермахтом, который весь капиталистический мир считал несокрушимым, имела всемирно-историческое значение. Наш народ убедился в том, что врага можно одолеть и что партия ведет его верным курсом к конечному торжеству.

В битве под Москвой Советские Вооруженные Силы окончательно сорвали и выбросили на свалку истории пресловутый гитлеровский план «молниеносной войны», которым так кичились фашистские стратеги. За период с 30 сентября 1941 г. по 31 марта 1942 г. потери немецких войск составили не 400 или 500 тыс. человек, как обычно указывается в западной литературе, основанной на документах фашистского генштаба, а более 1 млн солдат и офицеров. Из них около 600 тыс. погибли. Гитлеровское командование было вынуждено расформировать 14 разгромленных под Москвой дивизий, из них 3 танковые. К концу зимы 1942 г. на этом участке фронта у гитлеровцев насчитывалось лишь 140 исправных танков, или меньше одной танковой дивизии. Боеспособность фашистских войск на Восточном фронте, принявших за зиму около 800 тыс. маршевого пополнения, резко понизилась.

Вторую крупнейшую победу советский народ одержал в конце 1942 — начале 1943 г. в великой битве под Сталинградом. Эта битва завершилась окружением и полным уничтожением трехсоттысячной группировки отборных фашистских войск, а общие потери противника за период битвы достигли полутора миллионов человек. Сталинградская победа явилась началом коренного перелома в ходе не только Великой Отечественной, но и всей второй мировой войны. Гром Сталинграда прокатился по всему миру, активизировал антифашистскую борьбу народов оккупированных стран, а в самой фашистской Германии отозвался зловеющим трехдневным траурным звоном колоколов.

Третью великую победу Советские Вооруженные Силы одержали в битве под Курском в июле — августе 1943 г. К этому времени советский народ под руководством партии не только создал слаженное военное хозяйство, но и добился превосходства над врагом в производстве основных видов вооружения. Теперь Советская Армия в изобилии снабжалась всем необходимым для ведения войны, стратегическая инициатива находилась прочно в руках советского командования, исход войны уже был предрешен. Но для полной победы над врагом еще требовалось проведение гигантских наступательных операций 1944—1945 гг., в итоге которых Советская Армия не только освободила свою землю, но и перенесла боевые действия на территорию сопредельных государств, протянула руку братской помощи народам европейских стран. И завершилось это непрерывное наступление штурмом столицы гитлеровского рейха — Берлина, над развалинами которого советский солдат водрузил Красное Знамя Победы. 8 мая 1945 г. гитлеровская Германия капитулировала.

Тяжелой ценой огромных людских потерь и материальных разрушений оплатил свою великую победу советский народ. В развалинах лежали десятки крупных городов, тысячи поселков и деревень на гигантской территории страны, где до войны проживало свыше 80 млн человек. В руины были превращены многие тысячи промышленных предприятий, шахт, железнодорожных узлов, совхозов и колхозов. Но силы нашего народа оказались действительно неисчерпаемыми. Ведомые партией, труженики города и деревни в течение всего лишь одного пятилетия восстановили разрушенное и наладили нормальную жизнь. Великая страна социализма уверенно двинулась дальше по пути строительства коммунизма.

Одной из важнейших отличительных особенностей Великой Отечественной войны явилось то, что социалистический Советский Союз выступал в ней против могущественных сил империализма не один на один, а в союзе с рядом капиталистических государств и прежде всего — с двумя наиболее мощными странами капитализма — Англией и США.

Эта особенность — образование антигитлеровской коалиции народов и государств — была отмечена Коммунистической партией буквально в первые же дни после нападения фашистской Германии на СССР. В речи по радио 3 июля 1941 г. И. В. Сталин сказал: «В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками... Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»<sup>7</sup>.

Этот вывод был основан на глубоком марксистско-ленинском анализе характера второй мировой войны, вытекал из необходимости объединения всех сил, воевавших или готовых воевать против фашистской Германии, независимо от их военно-политических целей.

Великая Отечественная война началась в условиях, когда почти вся континентальная часть капиталистической Европы уже находилась под железной пятой Гитлера, а над Англией нависла угроза фашистского вторжения. Вынужденное вступление СССР в войну немедленно принесло реальное и ощутимое облегчение странам, уже находившимся в состоянии войны с Германией. Сосредоточив основные силы против Советского Союза, гитлеровцы отказались от планов вторжения на Британские острова: английский народ вздохнул свободнее, опасность нацистской оккупации перестала угрожать ему. Тиски германской морской блокады разжались, воздушные налеты люфтваффе на города Англии прекратились. Героическая борьба Советских Вооруженных Сил непосредственно повлияла и на положение Соединенных Штатов Америки. Следует напомнить высказывание бывшего государственного секретаря США Э. Стеттиниуса, который в свое время писал: «Американскому народу не следует забывать, что он находился на краю гибели в 1942 году. Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Великобританию. Они были в состоянии захватить Африку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке. Президент Рузвельт постоянно имел в виду эту нависшую угрозу»<sup>8</sup>.

Смертельная опасность заставила США и Англию присоединиться к СССР для совместной борьбы против фашистского блока. Возникла антигитлеровская коалиция трех великих держав с различным общественным устройством — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Англии. К ним в ходе войны присоединилось около 50 других государств, в том числе бывшие союзники Германии — Италия (1943 г.), Румыния, Болгария, Венгрия (1944 г.) и Финляндия (1945 г.). Следует отметить, что к блоку фашистских агрессоров во время войны не присоединилась ни одна страна мира.

Создание антигитлеровской коалиции усилило антифашистский характер войны. Война против держав «оси» стала справедливой и прогрессивной для всех ее участников, независимо от общественного и государственного строя той или иной страны.

Коалиция существовала и действовала в сложных условиях, при наличии острых противоречий между ее членами, вытекавших прежде всего

<sup>7</sup> «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1946, стр. 34.

<sup>8</sup> Edward R. Stettinius. Roosevelt and Russians. London, 1950, p. 16.

из различия конечных целей войны. Для СССР цели войны заключались в скорейшем изгнании врага за пределы своей страны, его полном военном разгроме, уничтожении политической системы германского фашизма и гитлеровского государства, содействии освобождению от фашистского ига народов оккупированных стран и в установлении прочного мира, основанного на признании суверенитета каждой страны и права ее народа избрать общественный строй по своему усмотрению. Эти цели разделяли и поддерживали народные массы оккупированных государств, а также прогрессивные элементы в самой Германии и в странах, вовлеченных гитлеровцами в фашистский блок. Они справедливо видели в Советском Союзе основную силу, способную освободить их от фашизма.

Что касается правящих кругов Англии и США, то для них главной целью войны являлось устранение Германии и Японии как своих экономических конкурентов. Они хотели после победы над державами «оси» сохранить в странах Европы и Азии прежний строй, избавив его лишь от «крайностей» фашизма. В стремлении не допустить социальных перемен в освобождаемых странах правящие круги Англии и США поощряли антинародные действия, в частности борьбу против левых сил движения Сопротивления, к которым они относились с нескрываемой враждебностью. Западные державы рассчитывали также сохранить свои позиции в колониальных и полуколониальных странах Азии, Африки и Латинской Америки. А господствующий класс США вынашивал планы установления после войны своей мировой гегемонии.

Из различия целей войны вытекало и противоречивое отношение западных держав к их могучему союзнику — СССР. Без Советского Союза победить агрессоров было невозможно; это обусловило необходимость оказания материально-технической помощи СССР (ленд-лиз) и согласования с ним общей политики и стратегии, что способствовало укреплению межсоюзнических отношений.

Помощь союзников была ценной для СССР и воспринималась советским народом с искренней благодарностью. Но в трудах и статьях западных авторов значение поставок Советскому Союзу по ленд-лизу обычно сильно преувеличивается. На самом деле доля ленд-лиза по отношению ко всему советскому военному производству за годы войны составила только 4%. И хотя по отдельным видам снабжения (взрывчатые вещества, автотранспорт, качественные металлы, авиационное горючее и пр.) эта доля и была более значительной, все же в главной области военных потребностей — в производстве оружия решающую роль играла советская экономика.

Оказывая Советской Армии определенную технико-экономическую помощь, США и Англия в то же время опасались усиления Советского Союза как социалистического государства, проводившего ленинскую классовую внешнюю политику. Особенно это начало сказываться после того, как в результате разгрома вермахта под Сталинградом и на Курской дуге в войне произошел коренной перелом. Боясь роста авторитета социалистической страны и желая переложить на нее основную тяжесть борьбы, союзники затягивали открытие второго фронта в Западной Европе.

Проблема второго фронта была одной из основных в межсоюзнических отношениях в период войны. К моменту нападения на СССР гитлеровцы сосредоточили максимум своих сухопутных войск и авиации на Восточном фронте. Гитлеровское командование могло сделать это только потому, что на Западе, да и на всем континенте Европы летом 1941 г. нигде, кроме советско-германского фронта, не велось серьезных военных действий. Разумеется, Советский Союз был кровно заинтересован в том, чтобы его союзники развернули активные действия, что явилось бы лучшей помощью Советской Армии.

Английские военные руководители, и в первую очередь лично У. Черчилль, с первых же дней образования антигитлеровской коалиции заняли в вопросе о втором фронте резко отрицательную позицию, рассчитывая на взаимное ослабление Германии и СССР, что позволило бы Англии диктовать свою волю обеим сторонам.

Эти расчеты еще осенью 1941 г. выдал тогдашний министр авиационной промышленности Д. Мур-Брабазон, который прямо заявил, что лучшим исходом борьбы на Восточном фронте было бы взаимное истощение Германии и СССР, вследствие чего Англия смогла бы занять господствующее положение в Европе. С таким тезисом перекликается и печально известное высказывание американского сенатора, впоследствии президента США, Гарри Трумэна: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше...»<sup>9</sup>.

После нападения Японии на Пирл-Харбор и объявления 11 декабря 1941 г. Германией войны Соединенным Штатам Америки о втором фронте заговорили в Вашингтоне. Президент Ф. Рузвельт неоднократно высказывался за высадку союзников в Западной Европе. Открытия второго фронта настойчиво требовали антифашистски настроенные народные массы США, Англии и других стран антигитлеровской коалиции. Но в США и Англии имелись влиятельные круги, открыто или тайно выступавшие против второго фронта и всячески тормозившие конкретные шаги в этом направлении.

Летом 1942 г. на переговорах в Лондоне и в Вашингтоне Советское правительство резко поставило вопрос о необходимости ускорить открытие второго фронта в Западной Европе. 12 июня были опубликованы англо-советское и советско-американское коммюнике, содержавшие согласованную формулировку о том, что «достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.»<sup>10</sup>. Однако миновала не только вторая половина 1942 г., но и весь 1943 г., а второй фронт в Западной Европе так и не был создан. Тем временем англо-американское командование предприняло крупные десантные операции в Северной Африке, а затем в Италии, что отвечало интересам и планам капиталистических монополий США и Англии. В соответствии с этими планами У. Черчилль и вовсе стремился подменить второй фронт в Западной Европе высадкой англо-американских войск на Балканах и ударом «в мягкое подбрюшье Европы». При этом была очевидна антисоветская направленность «балканского варианта», цель которого заключалась в том, чтобы ввести американско-английские войска в страны Юго-Восточной и Центральной Европы до того, как к их границам подойдет наступавшая с востока Советская Армия. Заодно имелось в виду также подавить народно-освободительное движение в этих странах.

Только последовательная позиция Советского правительства и его настойчивая борьба за открытие второго фронта в Западной Европе обеспечили принятие на Тегеранской конференции «большой тройки» окончательного решения, по которому операция «Оверлорд» должна была начаться в мае 1944 г. Фактически же высадка в Северной Франции началась 6 июня 1944 г., т. е. почти три года спустя после нападения гитлеровцев на СССР, когда стало ясно, что Советский Союз в состоянии сам, своими силами довести до конца разгром агрессоров и освобождение

<sup>9</sup> «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» в 6-ти томах, т. 2, стр. 27.

<sup>10</sup> Г. Н. Р е у т о в. Правда и вымысел о второй мировой войне. М., 1967, стр. 146.

Европы. Второй фронт сыграл положительную роль в разгроме фашистской Германии объединенными силами союзников. Однако эта роль не может идти ни в какое сравнение с огромным, решающим вкладом в победу, который внес Советский Союз.

Против СССР фашистская Германия и ее сателлиты бросили свои главные людские силы и материально-технические средства. Летом 1941 г. на Восточном фронте действовали 153 немецкие дивизии, или более 70% сухопутных войск вермахта, и 37 дивизий сателлитов фашистской Германии. К 1 января 1944 г. здесь находилась 201 дивизия, что составляло 63,4% всех соединений или  $\frac{3}{4}$  сухопутных войск агрессоров. После открытия второго фронта продолжало действовать против СССР не менее 57% всех немецко-фашистских дивизий и большая часть авиации. В то же время на Западноевропейском фронте и в Италии гитлеровцы имели максимально 37,6% своих сухопутных войск (на 1 января 1945 г.)<sup>11</sup>.

Разгром огромной вооруженной силы врага потребовал от Советской Армии ведения решительных боевых действий. Борьба на советско-германском фронте шла не на жизнь, а на смерть. По своей длительности и активности, размаху и напряженности военные действия между советскими и немецко-фашистскими войсками как до, так и после открытия второго фронта несопоставимы с боевыми действиями на других театрах второй мировой войны. При этом надо учесть, что против Советской Армии сражались лучшие, отборные дивизии вермахта.

Вооруженные силы фашистской Германии и прежде всего их основная часть — сухопутные войска были буквально перемолоты в сражениях на Восточном фронте. С первых дней войны фашистские войска, вторгшиеся в СССР, начали нести тяжелые потери, а в гигантских сражениях под Москвой, Сталинградом и Курском, в битвах 1944 г. были доведены до грани истощения. 27 сентября 1944 г. У. Черчилль в послании И. В. Сталину писал: «Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника»<sup>12</sup>. И действительно, Советские Вооруженные Силы в течение войны уничтожили, взяли в плен или разгромили 506 гитлеровских дивизий, что втрое превышает состав немецко-фашистской сухопутной армии, вторгшейся в СССР 22 июня 1941 г. На советско-германском фронте была уничтожена и большая часть германской авиации. Кроме того, было разгромлено 100 дивизий сателлитов фашистской Германии. Союзники же в Северной Африке и Европе разбили 176 вражеских дивизий. Фашистская Германия потеряла в войне против СССР убитыми, ранеными и пленными 10 млн солдат и офицеров, что составило три четверти ее общих людских потерь за всю вторую мировую войну (13800 тыс. чел.)<sup>13</sup>.

Значительный вклад внес Советский Союз и в победу над империалистической Японией. В августе 1945 г. была полностью разгромлена главная сила сухопутных войск Японии — Квантунская армия. Она потеряла свыше 677 тыс. солдат и офицеров, в большинстве — пленными<sup>14</sup>. Разгром Квантунской армии вынудил Японию принять условия безоговорочной капитуляции.

<sup>11</sup> «Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история». М., 1965, стр. 566.

<sup>12</sup> «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I. М., 1957, стр. 260.

<sup>13</sup> «Великая Отечественная война...», стр. 567.

<sup>14</sup> Там же, стр. 553.



Война доказала возможность и плодотворность сотрудничества государств с различным общественным устройством в интересах достижения общих целей. В этом отношении весьма поучителен опыт антигитлеровской коалиции, представлявшей собой временный военный союз социалистического государства — СССР с крупнейшими капиталистическими странами мира — США и Великобританией. После войны противники социализма, объявив этот союз «противоестественным» или по меньшей мере странным, пытались ставить под сомнение саму целесообразность его создания. И сейчас некоторые деятели капиталистического мира открещиваются от согласованных решений глав трех союзных держав.

Антигитлеровская коалиция отвечала обоюдным интересам как СССР, так и капиталистических держав, ставших объектом фашистской агрессии. Без участия Советского Союза Англия не только не смогла бы победить фашистскую Германию, но и вряд ли выдержала бы ее натиск. Вместе с тем военный союз с Англией, США и другими капиталистическими странами облегчил борьбу Советского Союза и способствовал его победе.

Великая Отечественная война и победа Советского Союза над фашистской Германией оказали сильнейшее влияние на судьбы всех стран Европы и прежде всего на судьбы тех из них, освобождение которых было непосредственным результатом боевых действий Советских Вооруженных Сил. В самом начале войны Коммунистическая партия и Советское правительство торжественно провозгласили, что «целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»<sup>15</sup>.

Эту помощь получили не только страны — жертвы агрессии, оккупированные гитлеровцами, — Польша, Югославия, Чехословакия, или насильно втянутая в фашистский блок Болгария, но и активные участники этого блока — Румыния, Венгрия и, наконец, сама Германия, народ которой только благодаря победе СССР смог построить на немецкой земле новое социалистическое государство рабочих и крестьян — Германскую Демократическую Республику.

Польша была первой жертвой фашистской агрессии. Польский народ в тяжелых условиях вел упорную борьбу против немецких оккупантов, но внутренние силы антифашистского Сопротивления оказались разобщенными из-за антинародной и антисоветской политики эмигрантского правительства. Демократические силы польского народа во главе с Польской рабочей партией в январе 1944 г. образовали Крайову Раду Народову, на базе которой возник исполнительный орган народной власти — Польский комитет национального освобождения, ставший в дальнейшем временным правительством возрожденной Польши. Освобождение Польши могло прийти только с востока, и принесла его польскому народу Советская Армия, в составе которой действовали сформированные в СССР части Войска Польского. Советский Союз первым признал Польский комитет национального освобождения в качестве правительства Польши и приложил огромные дипломатические усилия для его признания другими странами антигитлеровской коалиции. Еще до окончания войны, в апреле 1945 г., был заключен Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой, сыгравший важную роль в дальнейшем упрочении советско-польских отношений и в развитии Польши по пути социализма. Являясь участником антигитлеровской коалиции, Польша внесла свой вклад в победу над общим врагом.

<sup>15</sup> «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 34.

Народы Югославии с первых дней фашистской агрессии встали на путь вооруженной борьбы, развернули широкую освободительную войну против оккупантов и их пособников. Партизанские отряды выросли в Народно-освободительную армию Югославии, ставшую серьезным военным фактором на Балканах. Вне страны продолжало существовать эмигрантское правительство, ведшее антинародную политику. В ноябре 1943 г. Вторая сессия Антифашистского вече народного освобождения Югославии учредила Национальный комитет освобождения Югославии. Советский Союз рассматривал этот Комитет в качестве первого народного правительства Югославии. После выхода из войны на стороне фашистской «оси» Румынии и Болгарии и с подходом советских войск к границам Югославии Советская Армия совместно с Народно-освободительной армией Югославии освободила от фашистских оккупантов Восточную Сербию и Белград. 11 апреля 1945 г. в Москве был подписан Договор о взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией.

Чехословакия еще до начала второй мировой войны была расчленена и фактически аннексирована гитлеровцами. 18 июля 1941 г. она заключила соглашение с СССР о совместных действиях и взаимной помощи в войне против фашистской Германии, а 12 декабря 1943 г. подписала Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве с Советским Союзом. Развертывание национально-освободительной борьбы в Чехословакии, в частности, Словацкое национальное восстание в августе — сентябре 1944 г., а затем вступление на ее территорию Советских Вооруженных Сил явились решающими факторами, определившими освобождение страны от оккупантов и ее дальнейшее развитие по демократическому пути. В составе Советской Армии с начала 1943 г. сражались чехословацкие воинские части — сначала бригада, а затем 1-й Чехословацкий армейский корпус под командованием генерала Л. Свободы. Апофеозом всей войны явилось освобождение столицы — Праги, в котором воедино слились усилия Советской Армии и народного восстания.

Болгария, ставшая вследствие реакционной политики царского правительства сателлитом фашистской Германии, до сентября 1944 г. не участвовала в войне против СССР. Фашистам не удалось заставить болгарских солдат воевать против братского советского народа. Болгарские трудящиеся, руководимые Коммунистической партией, развернули подпольную борьбу, создали сильную партизанскую армию и готовили народное восстание против оккупантов. Вступление в страну 8 сентября 1944 г. Советской Армии, восторженно встреченной народом, и победа демократической революции 9 сентября не только вывели Болгарию из фашистского блока, но и превратили ее в активного участника антигитлеровской коалиции. Болгарская армия, войдя в оперативное подчинение командования 3-го Украинского фронта, приняла участие в его боевых действиях.

Советская Армия освободила от фашистского порабощения Румынию и Венгрию, ее победы содействовали освобождению народов Албании и Греции. И народы этих стран также внесли свой вклад в разгром гитлеровского фашизма.

Большое значение имела и помощь Советского Союза в обеспечении польских, чехословацких, югославских воинских формирований и партизан, а затем болгарской и румынской армий вооружением и продовольствием, в восстановлении дорог, мостов, средств связи, электростанций на освобожденных территориях.

Десятки тысяч советских людей сражались в рядах движения Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, Италии, Франции, Бельгии, Норвегии и других. В свою очередь и движение Сопротивления европейских народов оказывало поддержку Советскому Сою-

зу в войне. Героическая борьба партизан, саботаж мероприятий оккупантов, массовые диверсии на военных заводах, арсеналах и железных дорогах — все это серьезно ослабляло противника, затрудняло маневрирование его силами.

Освобождение стран Центральной и Юго-Восточной Европы от ига фашизма явилось результатом взаимодействия двух крупных факторов: внешнего — боевых операций Советских Вооруженных Сил и внутреннего — народного освободительного движения в этих странах.

Советский Союз полностью и до конца выполнил свой интернациональный долг. Героическая борьба народов Европы против фашизма заслуживает самой высокой оценки и уважения. Но решающая роль в освобождении многих стран Европы и Азии принадлежала Советскому Союзу, и именно Советские Вооруженные Силы вынесли на своих плечах основную тяжесть войны против фашизма.

Глубоко закономерным является тот факт, что все европейские страны, непосредственное освобождение которым принесли Советские Вооруженные Силы, встали на путь социалистического развития. В западной историографии широко распространены ложный тезис о том, что коренные социальные преобразования, происшедшие в европейских государствах после второй мировой войны, явились якобы лишь результатом вмешательства Советского Союза в их внутреннюю жизнь, были «навязаны» им извне. Это совершенно не соответствует действительности. На самом деле послевоенное развитие Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Германской Демократической Республики было определено демократическими силами этих стран, вышедшими на арену политической жизни в результате изгнания фашистских оккупантов и крушения реакционных режимов, насажденных и поддерживавшихся гитлеровцами. Конечно, победа демократических сил была бы крайне затруднена или даже просто невозможна без воздействия такого могучего фактора, каким явились военные успехи Советского Союза. Более того, пребывание войск Советской Армии на территории некоторых стран как в ходе войны, так и после нее в соответствии с мирными договорами сковало силы внутренней реакции и помешало ей вернуть потерянные позиции. Присутствие Советской Армии, деятельность Союзных Контрольных Комиссий, возглавлявшихся советскими представителями, разносторонняя поддержка, оказываемая советскими властями прогрессивным элементам, организациям рабочего класса и трудового крестьянства — все это в огромной степени облегчило победу демократических сил и выход ряда европейских стран на широкую дорогу строительства социализма.

Победа СССР над фашистскими захватчиками имела поистине всемирно-историческое значение. Советский народ с честью выдержал самое трудное военное испытание, грозившее гибелью молодому социалистическому строю. Быть или не быть первому в мире социалистическому государству — от исхода этой исторической борьбы со злейшими врагами социализма — немецкими фашистами зависела не только судьба народов СССР, но и дальнейшие пути развития всего человечества. Своей победой над германским фашизмом и японским империализмом Советский Союз навсегда выиграл эту битву.

Несокрушимость Советского Союза, доказанная опытом войны, является ее важнейшим уроком, преподанным историей как немецко-фашистским завоевателям, так и всем потенциальным агрессорам, мечтающим об уничтожении социализма военными средствами. Разгром гитлеровской Германии был не случайным, а вполне закономерным результатом столкновения двух диаметрально противоположных общественных систем — реакционного фашизма и передового общественного строя — социализма.

Социализм доказал свою непобедимость, а фашизм разоблачил себя в глазах всего мира как злейший враг человечества.

Разгром германского фашизма и японского милитаризма создал благоприятные условия для глубоких социальных изменений в жизни многих народов, облегчил и ускорил образование мировой социалистической системы, границы которой распростерлись от берегов Эльбы до Тихого океана. Социализм одержал победу и в латиноамериканской стране — на Кубе. Усилилось национально-освободительное движение в колониальных и зависимых странах, начался распад позорной колониальной системы империализма.

Общий рост революционного и национально-освободительного движения во время второй мировой войны и после ее окончания был органически связан с усилением и подъемом на новую ступень коммунистического и рабочего движения во всем мире. Победа над фашизмом воодушевила и подняла на борьбу против эксплуататоров самые широкие массы населения капиталистических стран, прежде всего — рабочий класс. Рабочее движение стало более зрелым и широким. Авторитет и влияние коммунистических и рабочих партий неизмеримо возросли, особенно в странах, подвергавшихся оккупации, где коммунисты возглавляли освободительную борьбу масс. На общем фоне роста авторитета и влияния мирового коммунизма особенно ярко выделяется исторический подвиг Коммунистической партии Советского Союза.

В результате второй мировой войны империализму пришлось потесниться. Его силы были серьезно ослаблены. Однако империалисты не отказались от своих надежд на возвращение власти над потерянными территориями, на восстановление колониальных порядков, на ограничение роста социализма.

Человечество вышло из мирового конфликта с чувством отвращения и ненависти к войне и к силам, ее порождающим. Перед миллионами простых людей встал вопрос — как предотвратить новую войну, как вообще исключить войны из жизни человечества. Опасность агрессии, угроза нового военного пожара создается политикой империализма и будет существовать до тех пор, пока существует империализм. Империализм — виновник двух мировых войн, унесших десятки миллионов жизней. Он создал небывалую военную машину, которая поглощает колоссальные людские и материальные ресурсы, несет угрозу мировой термоядерной войны, в огне которой были бы уничтожены сотни миллионов людей, опустошены целые страны.

Подавляющая масса населения земного шара не желает мириться с угрозой новой войны. Люди хотят жить в мире, стремятся предотвратить войну и активно борются против ее опасности. Эта борьба принесла определенный успех: прошло 30 лет, и третий мировой пожар не вспыхнул. Но не было и нет полного мира на земле — кровь лилась и льется непрерывно в разных районах земного шара. Борьба за мир, против угрозы третьей мировой войны остается одной из актуальнейших задач современности.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая с речью на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве 26 октября 1973 г., так охарактеризовал эту задачу: «Советский народ, потерявший в борьбе с фашизмом более 20 миллионов жизней своих граждан, хорошо знает, что такое война и какие неисчислимые бедствия несет она людям. Великая Отечественная война была для нас, советских людей, борьбой не только за свободу и независимость нашей Родины. Это была одновременно и битва за спасение мировой цивилизации, за грядущий справедливый мир. На протяжении всего послевоенного периода Страна Советов неустанно боролась за прочный мир и безопасность народов.

Выражением последовательно миролюбивой политики КПСС и Советского государства на современном этапе явилась Программа мира, принятая XXIV съездом партии. Выдвигая эту программу, мы видели свою задачу в том, чтобы содействовать ликвидации очагов напряженности, помочь человечеству избавиться от нависшего над ним призрака термоядерной катастрофы, всемерно способствовать разрядке напряженности. И во имя этих благородных целей, для блага всего трудящегося человечества мы работаем и будем работать не покладая рук!»<sup>16</sup>

В связи с 30-летием победоносного окончания Великой Отечественной войны Центральный Комитет Коммунистической партии принял специальное постановление, в котором дал глубокий марксистско-ленинский анализ характера этой войны, ее места в истории нашей социалистической Родины и всемирно-исторического значения победы над фашизмом, одержанной советским народом под мудрым руководством партии. Характеризуя послевоенное мировое развитие, ЦК КПСС отметил, что «в результате последовательного осуществления Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, согласованной политики братских социалистических стран происходит поворот от „холодной войны“ к разрядке международной напряженности, к широкому сотрудничеству на основе принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Подтверждением происходящих перемен является оздоровление обстановки в Европе, политическое закрепление итогов второй мировой войны и послевоенного развития»<sup>17</sup>.

Успехи советской политики мира — лучший памятник всем, кто отдал свои жизни и пролил кровь за победу в Великой Отечественной войне Советского Союза.

<sup>16</sup> Л. И. Брежнев. За справедливый, демократический мир, за безопасность народов и международное сотрудничество. М., 1973, стр. 6—7.

<sup>17</sup> «Правда», 1975, 9 февраля.





А. И. НЕДОРЕЗОВ

## СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1945—1948 гг.

9 мая 1975 г. чешский и словацкий народы, а вместе с ними народы социалистических стран торжественно отмечают знаменательный юбилей — 30-летие освобождения Чехословакии Советской Армией от фашистского порабощения, победы национально-демократической революции и вступления страны на путь социализма. Этот юбилей совпадает с 30-летием великой победы Советского Союза и его союзников над фашизмом, в которую внесли свой большой вклад и народы Чехословакии. За прошедший период трудящиеся Чехословакии под руководством Коммунистической партии добились исторических успехов в строительстве социализма, в подъеме народного хозяйства, культуры и благосостояния народа, в обеспечении безопасности страны и укреплении ее международных позиций. Выдающееся значение в достижении этих успехов, в деле ликвидации антинародных замыслов внутренних реакционных и империалистических сил имело формирование после победы над фашизмом сотрудничества социалистических стран, поддержка и помощь народам Чехословакии со стороны Советского Союза.

Тесные узы дружбы и братского сотрудничества связывают длительное время народы Советского Союза и социалистической Чехословакии. На разных этапах этого сотрудничества решались специфические задачи. Мы хотели бы остановиться на развитии советско-чехословацких отношений в первые послевоенные годы, на их значении в решении некоторых проблем послевоенного мирного урегулирования.

На развитие советско-чехословацких отношений в послевоенные годы наложил глубокий отпечаток сам факт освобождения Чехословакии Советской Армией. Решающий вклад Советского Союза в разгром фашистской Германии завоевал ему огромный политический и моральный авторитет у народов всего мира, в том числе и у народов Чехословакии. «Наши надежды в самые тяжелые периоды войны были обращены к Советскому Союзу, — говорится в Воззвании ЦК КПЧ и ЦК Национального фронта в связи с 30-й годовщиной освобождения страны. — В нем мы видели самую большую силу и защиту в борьбе за обновление национальной свободы и чехословацкого государства на новых народно-демократических основах. В наших сердцах и мыслях была на вечные времена запечатлена освободительная роль Советского Союза»<sup>1</sup>.

Вместе с тем установление народно-демократического строя и особенно приход к власти рабочего класса в Чехословакии, как и в ряде других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, создали благоприятные

<sup>1</sup> «Rudé právo», 18 V 1974.

условия для развития международных отношений нового типа. Кончился период капиталистического окружения Советского Союза. Новый прорыв системы капитализма позволял наладить подлинно дружественные отношения между странами, освобожденными от господства буржуазии. Возникла благоприятная обстановка для складывания содружества СССР со странами народной демократии, в числе которых находилась и Чехословакия, и для решения коренных внешнеполитических вопросов в интересах народов этого содружества.

Вышеназванные обстоятельства свидетельствуют об ином положении, существенно отличающемся от положения, в котором развивались советско-чехословацкие отношения в довоенный период, об иной социально-политической основе советско-чехословацких отношений после мая 1945 года и о качественно новом этапе этих отношений.

Внешняя политика Советского Союза как в довоенные, военные, так и в послевоенные годы опиралась на принципы, выработанные В. И. Лениным. Она предусматривала мирное сосуществование стран с различными социальными системами, поддержку борьбы трудящихся масс за свое национальное и социальное освобождение, полное признание равноправия всех наций и их суверенных прав.

В ходе войны и в особенности на ее завершающем этапе Советскому Союзу удалось обеспечить ряд важных политических условий, благоприятных для прогрессивного развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы. На конференции в Ялте в феврале 1945 г. были рассмотрены и урегулированы вопросы, касающиеся положения Польши, Югославии и других стран Европы. В политике западных держав, однако, все более давали о себе знать антисоветские тенденции и происки, направленные на срыв революционного процесса в Европе. Это наглядно проявилось в их отношении к Греции, Болгарии и Венгрии, в попытках У. Черчилля помешать освобождению Праги Советской Армией и т. п.

Обоюдная глубокая заинтересованность СССР и народно-демократических стран в развитии своих межгосударственных отношений на новой основе проявилась в заключении договоров о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанных СССР с Чехословакией (12 декабря 1943 г.), с Югославией (11 апреля 1945 г.), с Польшей (21 апреля 1945 г.). Так уже на заключительном этапе войны сформировался союз СССР с рядом стран Центральной и Юго-Восточной Европы, что не могло не оказать существенного влияния на послевоенную политическую обстановку в Европе и во всем мире.

Что касается складывания и развития советско-чехословацких отношений как отношений нового типа, то наряду с указанным договором 1943 г. представляется крайне важным зафиксированное в Кошицкой программе правительства Национального фронта чехов и словаков, принятой в апреле 1945 г., положение о том, что главной линией внешней политики Чехословацкой республики является самый тесный союз и сотрудничество с Советским Союзом<sup>2</sup>. Это создало условия для успешного решения вопросов, интересующих обе стороны, в дружественном духе взаимопонимания. Одним из таких вопросов было урегулирование проблемы Закарпатской Украины на основе договора от 29 июня 1945 г.

В послевоенный период первостепенное значение приобрели вопросы восстановления экономики, разрушенной войной, налаживания межгосударственных хозяйственных связей. Национализация промышленности в ЧСР открывала новые возможности для расширения взаимовыгодных хозяйственных связей двух стран, планируемого развития этих связей,

<sup>2</sup> «Program vlády Národní fronty česků a Slováků». Praha, 1945.

введения принципов разделения труда. Для чехословацкой промышленности открывался емкий советский рынок и мощные сырьевые ресурсы.

Значительная экономическая помощь Чехословакии со стороны СССР была оказана уже в 1945 г. Благодаря советской руде, углю, нефти, хлопку и другим видам сырья стало возможным быстрое налаживание работы важнейших чехословацких предприятий в первые послевоенные месяцы<sup>3</sup>. 12 апреля 1946 г. было подписано соглашение между СССР и Чехословакией о взаимных поставках товаров, а затем протокол о поставке зерна Чехословакии и другие экономические соглашения. Советский Союз передал Чехословакии железнодорожное имущество, химический комбинат в г. Мост и другое трофейное имущество. Благожелательно для Чехословакии был решен вопрос о чехословацкой собственности, находящейся в странах, освобожденных СССР, и на территории Германии в зоне, занятой советскими войсками<sup>4</sup>. Со своей стороны Чехословакия, помимо поставок Советскому Союзу промышленного оборудования, машин, товаров широкого потребления, содействовала снабжению частей Красной Армии, находившихся на ее территории, продовольствием, запасными частями и другими материалами.

Однако в тот период не были использованы все возможности развития советско-чехословацких экономических отношений. Дело заключалось не только в том, что внешнеторговые операции ЧСР проводили частные импортно-экспортные кампании и предприниматели, но и в том, что чехословацкое министерство внешней торговли искусственно тормозило их развитие. Результатом было последовательное снижение общей доли СССР и народно-демократических стран в чехословацкой внешней торговле. В 1946 г. доля СССР составляла во ввозе 13% и в вывозе 12%. В 1947 г. она понизилась до 6% в импорте и 5% в экспорте. В то же время доля капиталистических государств в торговом обороте неуклонно росла и составляла в 1945 г. 57%, в 1946—76%, в 1947 г. даже 86%<sup>5</sup>. И если в 1945 г. СССР был на втором месте среди других стран во внешней торговле ЧСР, то в 1947 г. он оказался на шестом месте.

Тяготение к капиталистическому рынку противоречило коренным интересам страны. В определенной степени эту тенденцию удалось ослабить путем ведения прямых переговоров между правительственными делегациями, однако практика чехословацкого министерства внешней торговли нередко расходилась с достигнутой договоренностью.

Ключевой проблемой послевоенного урегулирования был германский вопрос. С решением этого вопроса было связано обеспечение безопасности СССР и Чехословакии, устранение угрозы возрождения агрессивного германского империализма, установление прочного мира в Европе. Поэтому Советский Союз и Чехословакия уделяли большое внимание вопросам устранения социально-экономической основы, порождающей агрессивность германского империализма, добиваясь превращения Германии в государство миролюбивое, развивающееся на демократических началах.

Известно, что в течение всей войны и после нее ведущие политики США и Англии высказывались за расчленение Германии на мелкие несuverенные государства<sup>6</sup>. По их мнению, следовало бы лишить Германию всей тяжелой промышленности, превратить ее в аграрную страну, а Рурскую область — в особую международную зону. Осуществление таких мер обеспечило бы условия для утверждения в экономике Германии аме-

<sup>3</sup> «История Чехословакии». Т. 3. М., 1960, стр. 459.

<sup>4</sup> «Внешняя политика Советского Союза, 1946 г.». М., 1952, стр. 155.

<sup>5</sup> «Zahraniční obchod», č. 18, 1950, s. 301; č. 4, 1959, s. 8; См. также Л. И. Селезнев. Международные экономические отношения Чехословакии. М., 1962, стр. 22.

<sup>6</sup> См. «Тегеран — Ялта — Потсдам». Сб. документов. М., 1970.

риканско-английских монополий. Это существенным образом затрагивало национальные интересы германского народа и создало бы потенциальный очаг новой войны в Европе.

Благодаря усилиям Советского Союза Потсдамская конференция приняла решение о проведении демократизации Германии, о недопущении возрождения милитаризма и нацизма в стране, что являлось необходимой предпосылкой для включения ее в общую систему международных отношений. Большое значение имели решения конференции о переселении немецкого населения из Чехословакии и Польши в Германию и о признании западных польских границ по Одре и Нисе Лужицкой.

СССР и Чехословакия тесно сотрудничали по вопросам заключения договоров с бывшими союзниками Германии — Италией, Финляндией, Болгарией, Венгрией и Румынией. Дипломатия СССР, Чехословакии, Польши и Югославии оказывала всемерную поддержку дружественным народно-демократическим странам. Мирные договоры должны были обеспечить благоприятные внешнеполитические предпосылки для дальнейшего революционного развития этих стран, устранить очаги возможной напряженности и разногласий, угрозу возрождения реваншистских настроений. Такие предпосылки стали закладываться уже в соглашениях о перемирии с этими странами, которые были подготовлены при активном участии советской стороны и начали практически выполняться в ходе войны.

В процессе подготовки мирных договоров правительства СССР и Чехословакии консультировались между собой с целью выработки согласованной позиции.

На лондонском совещании заместителей министров иностранных дел четырех великих держав чехословацкое правительство представило с советской делегацией согласованный меморандум. Во время Парижской мирной конференции государственный секретарь США Дж. Бирнс пытался оказывать на чехословацкую делегацию давление, угрожая прекращением переговоров о кредите. В связи с этим правая печать в Чехословакии развернула кампанию критики внешней политики чехословацкого правительства, обвиняя его в том, что сотрудничество с СССР приводит к ухудшению отношений с западными странами<sup>7</sup>. Правые партии в парламенте перешли в прямую атаку на политику ориентации на СССР. Был отвергнут согласованный с польской стороной проект чехословацко-польского договора о дружбе и взаимной помощи<sup>8</sup>. Между тем такой договор необходим был для обеспечения безопасности самой Чехословакии, а также и Польши и для укрепления внешнеполитических позиций обеих стран. Советский Союз оказал содействие в решении этого вопроса. 27 июля 1946 г. Советское правительство направило президенту Э. Бенешу и председателю правительства Чехословацкой республики послание, где, ссылаясь на протокол, подписанный в декабре 1943 г. правительствами СССР и ЧСР, согласно которому к советско-чехословацкому договору о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве может присоединиться любая третья сторона, Советское правительство просило чехословацкое правительство продумать вопрос о заключении договора о дружбе и взаимной помощи с Польшей еще до решения спорных территориальных вопросов. 10 марта 1947 г. договор был подписан.

Чехословацко-польский договор положил начало серии двусторонних договоров между народно-демократическими странами. В этом сказалось

<sup>7</sup> АВП СССР, ф. 0138, оп. 28, папка 140, л. 48.

<sup>8</sup> Там же.

его определенное влияние на развитие отношений в складывающейся мировой социалистической системе.

Советский Союз придавал важное значение упрочению дружественных отношений с Чехословакией. Правительство СССР постоянно шло навстречу пожеланиям чехословацкого правительства и проявляло инициативу в деле развития советско-чехословацких отношений. Что касается советской экономической помощи Чехословакии, то в некоторых аспектах она была лимитирована тогдашними возможностями СССР, вследствие колоссальных разрушений, нанесенных войной. Однако Советский Союз делал все возможное, шел часто на большие жертвы, чтобы ускорить восстановление народного хозяйства Чехословакии, улучшить положение ее трудящихся. В Чехословакии энтузиазм, проявившийся при встрече Красной Армии-освободительницы, и горячее одобрение народом, в первую очередь рабочим классом, курса на установление самых прочных дружеских отношений ЧСР с СССР в сочетании с общими революционным процессом в стране вызвали сначала замешательство и растерянность в рядах имущих классов. Не одобряя курса на дружбу с СССР, они понимали, что в сложившихся условиях открытое сопротивление ему было невозможно. Они вынуждены были констатировать даже в своих партийных документах, что Советский Союз проводит последовательную политику невмешательства во внутренние дела Чехословакии. Так, П. Зенкл в директивах «Как работать», распространенных в мае 1946 г. среди членов национально-социалистической партии, писал: «Не было ни единого случая, когда бы СССР попытался каким-либо способом воздействовать на наши внутриполитические решения; его позиция является и с этой стороны прямым примером честного выполнения своих обязательств»<sup>9</sup>. Однако по мере развития революции в стране все более очевидными становятся попытки буржуазии помешать как дальнейшему разворачиванию революционного процесса, так и упрочению дружественных чехословацко-советских отношений. Такие попытки наблюдались уже начиная с августа 1945 г. В начале 1946 г. руководство национально-социалистической партии вырабатывает секретный антикоммунистический меморандум, в котором провозглашается «борьба против КПЧ, прежде всего средствами печати»<sup>10</sup>. В печати национально-социалистической, народной и демократической партий появляются антисоветские высказывания. Сначала это делается в туманной, замаскированной, а потом уже и в открытой форме. Еще более острая борьба разворачивается за кулисами, в правительстве, органах Национального фронта, в самих некоммунистических партиях. Наиболее лапидарно тактику реакции в те годы раскрыла Ф. Земинова, которая еще в декабре 1945 г. на заседании исполнительного комитета национально-социалистической партии заявила: «Пока мы должны думать по-русски, но действовать можем по-английски и по-американски»<sup>11</sup>. Правые партии стали особенно резко выступать против идеологических основ марксизма-ленинизма, извращая, в частности, учение о переходе от капитализма к социализму, запугивая население коммунистической диктатурой, противопоставляя марксизму «национальный чешский социализм». Наблюдались случаи и открытых антисоветских демонстраций, когда срывались советские государственные флаги, и т. п.

В эту идеологическую борьбу включился и президент Э. Бенеш. Он написал статью «Ленинизм и развитие послевоенной Европы», которая

<sup>9</sup> V. K r á l. Cestou k Ůnoru. Dokumenty. Praha, 1963, s. 44.

<sup>10</sup> Ibid., s. 140.

<sup>11</sup> «Z najnovších dejín československo-sovetských vzťahu po roku 1945». Bratislava, 1964, s. 47.



была опубликована в «Культуре и политике» (№ 14 за 1946 г.), затем выступил с докладом в Карловом университете о государственном праве в связи с присуждением ему звания доктора права. Положения доклада и указанная статья стали идеологическим оружием правых против КПЧ и укрепления чехословацко-советских отношений.

Подобная же антисоветская тенденция проявилась в сокращении внешнеторговых связей между СССР и ЧСР, о которой мы говорили выше. Оказывая возраставшее сопротивление дальнейшему развитию и упрочению советско-чехословацких отношений, представители буржуазии исходили из того, что советско-чехословацкий союз представляет собой временное явление, порожденное военными обстоятельствами, и что его можно разрушить, используя поддержку империалистических держав. Есть основания считать, что в 1947 г. чехословацкий буржуазный лагерь открыто шел на разрыв союза с СССР, полагая, что удержаться у власти он сможет, только опираясь на империалистические силы запада, в свою очередь перешедшие к откровенно реакционной антисоветской политике с позиций силы и проявлявшие в этой связи особый интерес к Чехословакии.

Антисоветские действия реакции встречали должный отпор со стороны Коммунистической партии и массовых организаций трудящихся, среди которых наиболее активными были профсоюзы и Союз друзей СССР, многих органов печати, таких как «Руде право», «Творба», «Нова мысль». Компартия подходила к чехословацко-советским отношениям с позиций рабочего класса, что соответствовало и интересам всех трудящихся страны.

Летом 1947 г. борьба по внешнеполитическим вопросам разгорелась в ЧСР с новой силой. Это было связано, с одной стороны, с увеличением внутренних трудностей в стране, порожденных катастрофической засухой, нанесшей огромный материальный ущерб народному хозяйству, а с другой стороны — с дальнейшей активизацией агрессивных империалистических сил, выступивших с известным «планом Маршалла», нацеленным против революционного развития в Европе, на стабилизацию там капиталистических порядков и формирование блока капиталистических государств. Чехословацкая реакция увидела в этом новые возможности для выступления против советско-чехословацкого союза и революционных преобразований в собственной стране. Ее представители под предлогом необходимости получения экономической помощи от западных держав для выхода из хозяйственных затруднений стали добиваться присоединения Чехословакии к группе стран, принявших «план Маршалла». Э. Бенеш в специальном письме рекомендовал правительству принять этот план<sup>12</sup>. Правительство решило направить в Париж на конференцию по вопросам «плана Маршалла» своего представителя. Коммунистическая партия противопоставила этим проискам буржуазных деятелей линию на расширение экономических связей с СССР. По предложению министров-коммунистов правительство приняло решение о направлении в Москву в начале июля 1947 г. делегации для заключения долгосрочного торгового соглашения. В ходе переговоров чехословацкой правительственной делегации во главе с К. Готвальдом с советскими государственными деятелями о расширении хозяйственных связей между двумя странами была достигнута договоренность о заключении долговременного торгового соглашения и об оказании Чехословакии советской помощи в объеме 400 тыс. тонн пшеницы и кормов. Была также достигнута договоренность о поставке из СССР 60 тыс. тонн удобрений и 20 тыс. тонн

<sup>12</sup> «KSC a naše priateľstvo a spojenectvo ZSSR». Bratislava, 1972, s. 510.

хлопка. Позднее по просьбе чехословацкого правительства Советский Союз увеличил поставки зерна Чехословакии.

Отмечая значение акта великодушной помощи СССР чехословацкому народу в тяжелые для него времена, К. Готвальд писал, что эта помощь «... укрепит веру честных, демократически настроенных людей всего мира в возможность дружеского и бескорыстного взаимопонимания и сотрудничества между народами. Этот поступок еще раз продемонстрирует миру, что Советский Союз является инициатором новых, лучших международных отношений, основанных на принципах взаимного уважения, демократии и миролюбивого сотрудничества между народами»<sup>13</sup>.

В ходе советско-чехословацких переговоров, естественно, встал вопрос об отношении ЧСР к «плану Маршалла». Советские партийные и государственные деятели откровенно заявили тогда чехословацкой делегации, что, по их убеждению, подлинной целью «плана Маршалла» является создание западного блока и изоляция Советского Союза. Как показали последующие события, это предположение полностью оправдалось — спустя два года такой блок был создан.

Чехословакии надлежало определить свою позицию: или идти дальше с Советским Союзом и другими народно-демократическими странами, или снова связать свою судьбу с западными капиталистическими державами. Министры П. Зенкл, Зд. Прохазка и другие пытались всячески обосновать необходимость участия Чехословакии «в плане Маршалла» под тем предлогом, что в стране тяжелое экономическое положение. Однако они оказались в меньшинстве, и правительство решило отказаться от участия в Парижской конференции. Так чехословацко-советский союз выдержал новое серьезное испытание.

В феврале 1948 г. реакция попыталась нанести новый, теперь уже фронтальный удар не только по народно-демократическому строю, но и по советско-чехословацкому союзу и дружбе. Народы Чехословакии дали единодушный, решительный отпор этим проискам. Утверждение диктатуры пролетариата в стране упрочило социально-политическую базу советско-чехословацких отношений и положило начало новому этапу их развития.

В заключение можно констатировать, что в первые послевоенные годы советско-чехословацкие отношения достигли значительного развития. Была заложена прочная основа, дан сильный импульс для их последующего укрепления после победы рабочего класса в феврале 1948 г., когда в полной мере могли проявить себя принципы пролетарского интернационализма. Советско-чехословацкие отношения, развиваясь как отношения нового типа, стали важным фактором послевоенного урегулирования, оказали благоприятное воздействие на решение важнейших проблем мировой политики, на развитие революции в Европе и формирование содружества социалистических стран и усиление его влияния в сфере международных отношений.

<sup>13</sup> «Советско-чехословацкие отношения. 1945—1960». М., 1972, стр. 124.



Л. В. ВАЛЕВ

## ПОБЕДЫ КРАСНОЙ АРМИИ ПОД СТАЛИНГРАДОМ И НА ОРЛОВСКО-КУРСКОЙ ДУГЕ И ПОДЪЕМ АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЫ В БОЛГАРИИ

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом знаменовал собой коренной поворот в ходе второй мировой войны. Касаясь международного значения этого события и его влияния на борьбу антифашистских сил во всем мире, Л. И. Брежнев указывал: «В этой битве не только были перемолоты отборные гитлеровские войска. Здесь выдохся наступательный порыв, был сломлен моральный дух фашизма. Начался распад фашистского блока. Даже для людей, одурманенных нацистской пропагандой, колокольный звон общегосударственного траура, официально объявленного Гитлером в феврале 1943 года, прозвучал предвестником поражения. День траура фашистской Германии стал днем надежды для всех антифашистов мира, в том числе и для немецких антифашистов. Удвоились силы тех, кто не склонил голову перед гитлеровскими захватчиками. Слово „Сталинград“ передавалось из уст в уста как пароль сопротивления, пароль победы»<sup>1</sup>.

Происшедшие в результате разгрома немецко-фашистских войск на Волге изменения в международной обстановке и внутреннем положении Болгарии способствовали углублению политического кризиса в стране. Несмотря на террор и полицейские репрессии, все более частыми становились открытые выступления трудящихся масс с протестом против реакционной внутренней и внешней политики монархо-фашистского правительства, против его пресмыкательства перед гитлеровцами, с требованием прекращения антисоветских провокаций. 3 марта 1943 г., в 65-ю годовщину освобождения Болгарии русскими войсками от османского ига, на площади перед Народным собранием и прилегающих улицах Софии состоялась двухтысячная демонстрация, участники которой выражали братские чувства к советскому народу и ненависть к немецким фашистам. Демонстранты скандировали лозунги: «Ни одного болгарского солдата на Восточный фронт!», «Да здравствует наш освободитель — русский народ!», «Вон немцев из Болгарии!», «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует Красная Армия!» и др. Полиция напала на демонстрантов, был убит один из них — студент Марин Боев, арестовано около 300 человек<sup>2</sup>. Два месяца спустя, во время первомайской демонстрации, снова имели место выступления, враждебные монархо-фашистскому режиму и гитле-

<sup>1</sup> Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 2. М., 1970, стр. 68.

<sup>2</sup> С. Стоименов. Антифашистката демонстрация в София на 3 март 1943 г. «Исторически преглед», 1961, кн. 6, стр. 81—86.

ровской Германии<sup>3</sup>. Одна за другой прошли забастовки рабочих промышленных предприятий Софии, Пловдива, Габрова, Кюстендила, Асеновграда, шахтеров Перника и др.<sup>4</sup>. Хотя эти стачки и не были продолжительными, но хозяева предприятий и правительство оказались вынужденными пойти на уступки и повысить заработную плату. Активизировались и антифашистские выступления крестьян.

Начался новый этап вооруженной народно-освободительной борьбы. В феврале 1943 г. ЦК БРП принял директиву о работе в армии, боевых задачах партизанских отрядов и о мобилизации народных масс на вооруженное восстание. В ней говорилось, что поражение фашистских войск под Сталинградом является началом разгрома гитлеровской Германии и ее союзников. Вооруженные силы народа должны выступить против преступной политики болгарского правительства, против использования армии в качестве гитлеровского жандарма и душителя освободительной борьбы балканских народов, против вовлечения страны в боевые действия против сил антигитлеровской коалиции. В этом установочном документе определялись цели и организационные формы вооруженной борьбы болгарских патриотов, и также и конкретные задачи партизанских отрядов<sup>5</sup>. Партия исходила при этом из того, что уже складывались условия для развития массового партизанского движения как ударной силы народно-освободительной борьбы.

Наступивший новый этап антифашистской народно-освободительной борьбы требовал и новых форм организации. Весной 1943 г. были проведены мероприятия по реорганизации революционных вооруженных сил и совершенствованию руководства ими. Все партизанские формирования и боевые группы становились подразделениями единой Народно-освободительной повстанческой армии (НОПА). Центральная военная комиссия при ЦК БРП была преобразована в Главный штаб НОПА. Были разработаны директивные документы о характере, организации и задачах народно-освободительного повстанческого движения и о деятельности вспомогательных боевых групп<sup>6</sup>. В целях расширения боевых операций мелкие партизанские группы (четы) объединялись в более крупные и боеспособные формирования. Так, в марте 1943 г. партизанские группы, действовавшие в районе Ловеч — Троян, были объединены в Народный батальон «Чавдар», который летом был преобразован в партизанский отряд им. Христо Кырпачева; в том же месяце Ломская партизанская чета была реорганизована в отряд им. Стефана Караджи. В мае были сформированы Трынский партизанский отряд, отряд им. Георгия Бенковского, Разлогский отряд им. Яне Санданского, Горноджумайский отряд им. Николы Калыпчиева. В июне были организованы Габровский партизанский отряд им. Цанко Дюстабанова и Севлиевский отряд, в августе — Среднегорский отряд им. Василя Левского, Горнооряховский отряд. Одновременно были созданы партизанские четы — Асеновградская, Борисовградская, Преславская, Фердинандская и др.<sup>7</sup>.

Страна была разделена на 12 повстанческих военно-оперативных зон (ВОЗ) во главе с зональными штабами, работавшими под непосредствен-

<sup>3</sup> П. Цанев. Първомайските чествувания у нас. 1893—1944. София, 1956, стр. 98.

<sup>4</sup> «История на профсъюзното движение в България». Второ преработено и допълнено издание. София, 1973, стр. 552—553.

<sup>5</sup> «Въоръжената борба на българския народ против фашизма. 1941—1944. Документи». София, 1962, стр. 195—205.

<sup>6</sup> Там же, стр. 233—246.

<sup>7</sup> Г. Георгиев. Атлас на партизанското движение в България. 1941—1944 г. София, 1968, стр. 80—94.

ным руководством окружных комитетов партии. В каждой из зон действовали определенные партизанские подразделения<sup>8</sup>.

Под непосредственным воздействием исторических побед Красной Армии и в результате организационно-политической работы, проведенной Болгарской рабочей партией, подразделения НОПА значительно окрепли и активизировали свою деятельность, перейдя к наступательной тактике. Только за период с марта по август 1943 г. ими было проведено 286 вооруженных операций, причем наблюдается непрерывный рост числа последних по месяцам — с 24 в марте до 76 в августе. Деятельность партизанских формирований все чаще стала разворачиваться в непосредственном контакте с местным населением — 32 операции сопровождались овладением партизанами населенных пунктов, а 53 — таких объектов как сыроварни, мельницы, железнодорожные станции, лесничества, лесопилы, шахты и т. п.<sup>9</sup>.

Создание Народно-освободительной повстанческой армии, усиление ее ударов по фашистам, рост ее популярности в народе серьезно встревожили правительственную верхушку и ее берлинских покровителей. Монархо-фашистская клика делала все, чтобы разгромить силы Сопротивления, покончить с партизанским движением в стране. С этой целью была почти вдвое увеличена численность<sup>10</sup> и усилено вооружение полицейских частей.

С весны 1943 г. расширились действия фашистских сил против партизанского движения. В них участвовали не только вооруженные до зубов полицейские подразделения и так называемые контрчеты, набранные из фашиствующих и деклассированных элементов, но и специально выделенные для этого воинские части. 31 марта свыше 20 тыс. карателей начали блокаду и прочесывание района Восточного Среднегорья, а 29 апреля — и всего Среднегорья. В этой блокаде участвовали 9-й пехотный и 3-й артиллерийский полки, моторизованный полк, авиационные части из Пловдива, полицейские и воинские части из гарнизонов Хаскова, Харманли, Старой Загоры, Казанлыка, Карлова и других городов. С 1 по 27 мая был блокирован район Родопских гор. С 15 апреля и вплоть до июля проводились военно-полицейские операции по прочесыванию территории Ловечской, Севлиевокой, Габровской и части Троянской околий, с 15 мая — Видинской, Кулской, Белоградчикской и Ломской околий, с 18 июля — Ботевградской, Этрополской и Новоселской околий. В конце августа фашисты впервые применили авиацию для бомбардировки одного из районов предполагаемого сосредоточения партизан<sup>11</sup>. Завязались ожесточенные сражения с более многочисленным и значительно лучше вооруженным врагом, в борьбе с которым партизаны проявляли чудеса героизма и самопожертвования. Многие из них пали смертью храбрых. Озлобленные неудачами фашисты стали прибегать к массовому расстрелу помощников партизан и выселению мирного населения из районов действий партизанских отрядов, чтобы лишить их возможности находить себе убежище и пищу.

<sup>8</sup> I ВОЗ, охватывающая территорию тогдашнего Софийского партийного округа, была создана в апреле 1943 г. В мае были образованы II (Пловдивский партийный округ) и VI (Бургасский, Сливенский и Ямболский округа), в июне — XI (Плевенский и Червенобрегский округа), в июле — VIII (Габровский и Горнооряховский округа) и X (Варненский округ), в августе — IX (Шуменский округ) и IV (Горноджумайский округ). Другие ВОЗ были образованы позже. Там же, стр. 79.

<sup>9</sup> Г. Георгиев. НОВА. Бойната дейност на народо-освободителната въстаническа армия. 1943—1944. София, 1974, стр. 22—23.

<sup>10</sup> «Заря», 18 XI 1942.

<sup>11</sup> Г. Георгиев. Там же, стр. 27—28, 33.

Но фашистам не удалось сломить боевой дух и наступательный порыв народных борцов. Силы НОПА не только не были уничтожены, но с каждым днем преумножались; это были вынуждены признать и руководители монархо-фашистской администрации. Так, в докладе министру внутренних дел за сентябрь 1943 г. начальник полиции А. Козаров сообщал: «В последнее время наблюдается уже значительный прилив лиц в боевые партизанские отряды, особенно в Пловдивской и Старозагорской областях... В сентябре состав чет в Пловдивской, Старозагорской и Плевенской областях почти удвоился»<sup>12</sup>. В донесении штаба болгарской армии от 17 ноября 1943 г. отмечалось, что только за один месяц (с 15 октября по 15 ноября) численность партизан возросла примерно на 1500 человек. «Борьба против вооруженных кадров Отечественного фронта,— говорилось в этом документе,— поглощает все новые силы, приводит к большому расходованию физической и моральной энергии и тем не менее не дает особых результатов»<sup>13</sup>. В октябрьском докладе начальник полиции также был вынужден признать полную невозможность справиться с партизанским движением. Касаясь методов борьбы и тактики укрупненных частей НОПА, Козаров писал: «Эта гибкая тактика представляет большую опасность не только по причине ущерба, наносимого военно-стратегическим и хозяйственным объектам, но и вследствие воздействия на состояние духа населения, которое теряет доверие к органам власти и государства и не только сторонится борьбы против партизан, но зачастую даже помогает им»<sup>14</sup>. Значительно расширилась сеть помощников партизан — так называемых ятаков. Так, в XI (Плевенской) военно-оперативной зоне на 1200 партизан приходилось 2800 ятаков. В Пловдивской области действовала 21 тысяча ятаков. По признанию болгарской военной разведки, в 1943 г. около 12% мужского населения страны было связано с партизанским движением и Отечественным фронтом<sup>15</sup>. «Проблема ликвидации партизанских чет в настоящее время является центральной проблемой болгарской внутренней политики и болгарской полиции»<sup>16</sup> — в этом признании руководителей фашистских репрессивных органов содержался плачевный итог всех их попыток справиться с народно-освободительным движением.

Одна из особенностей развития вооруженной народно-освободительной борьбы в Болгарии заключалась в том, что эта борьба с момента своего возникновения и вплоть до завершения имела единое руководство в лице самой последовательной и активной антифашистской силы страны — Болгарской рабочей партии. Тесно связанная с определенными кругами крупной буржуазии так называемая легальная оппозиция, возглавляемая Мушановым, Гичевым и другими лидерами, не могла решиться не только на вооруженную борьбу, но и на то, чтобы возглавить сколько-нибудь серьезное политическое движение против монархо-фашистского режима. Предпринимавшиеся в период войны командованием британских войск на Ближнем Востоке попытки извне организовать некое подобие движения

<sup>12</sup> Централен държавен исторически архив на НРБ (далее — ЦДИА), ф. 370, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 204.

<sup>13</sup> «Работата на БКП в армията (1941—1944 г.). Документи и материали». София, 1959, стр. 420.

<sup>14</sup> ЦДИА, ф. 370, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 216.

<sup>15</sup> И. Б о ч е в. Победите на Съветската армия във Втората световна война като фактор за развитието на революционното движение в България (1941—1944 г.). «Годишник на катедрите по марксизъм-ленинизъм при висшите учебни заведения». Година V, кн. I и II. София, 1965, стр. 377.

<sup>16</sup> ЦДИА, ф. 370, оп. 1, ед. хр. 1297, л. 203.



Сопrotивления с проанглийской ориентацией потерпели полный крах<sup>17</sup>. Единственной политической силой, обладавшей глубокими традициями революционной борьбы и подготовленной к тому, чтобы взять на себя роль боевого авангарда трудящихся города и деревни в борьбе против реакции и фашизма, была Болгарская рабочая партия. Она и возглавила подлинно демократические и патриотические силы болгарского народа, народно-освободительное движение в целом. «Это был, — указывал Г. Димитров на V съезде БРП, — подлинно героический период, период испытания для нашей партии и болгарского народа... Период движения Сопrotивления навсегда вписан золотыми буквами в историю нашей партии и нашего народа, и они могут заслуженно гордиться десятками тысяч героических партизан и партизанок и их помощников, которых партия сумела организовать и поднять на вооруженную борьбу против немецких оккупантов и болгарских фашистов»<sup>18</sup>.

Во время летних боев 1943 г. на Курской дуге Красная Армия разгромила лучшие дивизии немецко-фашистской армии и развернула мощное наступление на запад. Стратегическая инициатива окончательно перешла в ее руки. Мощные удары советских войск потрясли фашистский блок до самого основания. К ним добавились и неудачи гитлеровцев на африканском фронте. В мае армии союзников разгромили немецкие и итальянские войска в Тунисе. Африка была очищена от них. Вслед за тем последовала высадка англо-американских войск в Сицилии. В июле 1943 г. пал режим Муссолини. 8 сентября Италия вышла из войны на стороне гитлеровской Германии. Все эти события не могли не найти своего отражения в Болгарии. В результате крупных поражений фашистских захватчиков и роста движения Сопrotивления внутри страны обострился кризис монархо-фашистского режима. «Наше представление окончено»<sup>19</sup> — в этих словах, сказанных царем Борисом своему брату 15 августа по возвращении из ставки Гитлера, были довольно метко охарактеризованы создававшаяся обстановка и перспективы монархо-фашистской диктатуры.

Победы Советского Союза оказали отрезвляющее воздействие на значительные слои болгарской буржуазии, находившиеся ранее под влиянием нацистской пропаганды и военных успехов вермахта. Изменение соотношения сил на международной арене, ставшая очевидной неизбежность поражения гитлеровской Германии и боязнь, как бы она не потащила за собой в пропасть и Болгарию, вносили смятение в правительственный лагерь. Лидеры буржуазной легальной оппозиции с начала 1943 г. обращаются к царю Борису с предложениями об отходе от политики слепого подчинения фашистской Германии. Усилилась их деятельность в Народном собрании, с трибуны которого, хотя и робко, еще в ноябре 1942 г. они выступали против правительственной демагогии относительно «национального единства» и «освободительной миссии» гитлеровской Германии. Со страниц многих газет исчезли призывы к жертвам, к защите «европейской крепости», все более редкими становились упоминания о «европейской общности» и другие демагогические лозунги. Газета «Заря», и раньше избегавшая антисоветских выпадов, теперь, хотя еще и в завуалированной форме, стала выступать за отрыв от Германии. В начале июня 1943 г. она поместила передовую статью «Мобилизация сил перед надвигающимися событиями», в которой говорилось: «Дело в том, как каждая отдельная

<sup>17</sup> С. Р а ч е в. Отношението на Англия към партизанското движение на Балканите през Втората световна война (1941—1945 г.). «Военно-исторически сборник», 1970, № 4, стр. 20—29.

<sup>18</sup> Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. II. М., 1957, стр. 609.

<sup>19</sup> В. Д. В о з н е с е н с к и й. Царь Борис, Гитлер и легионеры. «Новая и новейшая история», 1971, № 2, стр. 111.

страна поступит, чтобы, во-первых, сохранить свое существование и, во-вторых, совершить диктуемые необходимостью изменения в своем положении, в своем поведении, и как она использует свои моральные и материальные силы, свою политическую позицию и свои войска, чтобы выйти из событий не разгромленной, а освеженной, обновленной, подготовленной к новой, лучшей жизни»<sup>20</sup>.

Монархо-фашистские круги, придерживавшиеся авантюристической линии во внешней и внутренней политике, встречали все более растущее сопротивление в болгарском обществе.

Болгарская рабочая партия активизировала свою политическую, организаторскую и идеологическую деятельность, разъясняла массам содержание народно-освободительной борьбы и тех новых возможностей, которые открывались перед Болгарией в связи с крупными поражениями немецко-фашистских войск под ударами Красной Армии на советско-германском фронте. Партия вела неуступную борьбу за сплочение всех сил болгарского народа, выступавших в защиту подлинных национальных интересов.

В 1943 г., особенно во второй половине года, сеть комитетов Отечественного фронта значительно расширилась — было создано 155 новых местных и городских комитетов. Особенно много их возникло во Врачанской (46), Варненской (30) и Бургасской (26) областях. К концу года в стране насчитывался уже 291 комитет Отечественного фронта<sup>21</sup>. 80—90% членов этих комитетов составляли коммунисты<sup>22</sup>, но в них участвовали и многие другие антифашисты. По инициативе Рабочего союза молодежи (РСМ) в марте 1943 г. был создан Национальный молодежный комитет Отечественного фронта, в который вошли представители Рабочего, Социалистического, Земледельческого (из крыла «Врачча 1») союзов молодежи, а также молодежи, находившейся под влиянием группы «Звено» и Демократической партии. Был организован также Общестуденческий комитет Отечественного фронта<sup>23</sup>. Руководимые коммунистами комитеты Отечественного фронта мобилизовали народные массы на борьбу за удовлетворение их экономических и политических требований, организовывали отпор фашистскому произволу, пополняли партизанские отряды и боевые группы. Радиостанция «Христо Ботев» под руководством Заграничного бюро ЦК БРП и лично Г. Димитрова неустанно популяризировала программу Отечественного фронта, настойчиво и терпеливо воспитывала и сплачивала массы под его знаменем, давала конкретные советы и напутствия по организации комитетов среди различных слоев населения.

Организация комитетов Отечественного фронта на местах, активизация массово-политической работы БРП, быстрый рост движения Сопротивления и особенно мобилизующее влияние побед Красной Армии привели часть оппозиционных буржуазных и мелкобуржуазных деятелей к восприятию идеи Отечественного фронта. Если до конца 1942 г. специально созданной при ЦК БРП Центральной комиссии Отечественного фронта удалось договориться о сотрудничестве лишь с руководством эволюционировавшей влево антимонархической политической группы «Звено», то к июню 1943 г. к совместной работе по линии Отечественного фронта в на-

<sup>20</sup> «Заря», 6 VI 1943.

<sup>21</sup> М. М и н к о в. Относно броя на комитетите на Отечественния фронт (юли 1942—септември 1944 гг.). В кн. «Победа. 1941—1944. Годишник на Музея на революционното движение в България». София, 1969, стр. 126.

<sup>22</sup> Ц. Д р а г о й ч е в а. Политическа, организациона и стопанска дейност на Националния комитет и отечествено-фронтovski комитети преди и след 9 септември и задачите, които стоят пред Отечественния фронт. София, 1945, стр. 50.

<sup>23</sup> «Борческият път на народната младеж». София, 1949, стр. 49—50.

циональном масштабе были привлечены руководящие деятели левого крыла БЗНС (группа «Пладне»), левых социал-демократов и ряд видных независимых политических деятелей. В августе-сентябре 1943 г. был создан Национальный комитет Отечественного фронта, в который вошли представители четырех политических партий, семи культурно-массовых, просветительных и других организаций. Это было крупным завоеванием антифашистского единства, новым шагом вперед в объединении всех демократических и антифашистских сил. Постепенно Отечественный фронт становился общенациональной организацией.

Осенью 1943 г. после внезапной смерти царя Бориса, правительство, боявшееся, как огня, какого бы то ни было выражения воли народа, пошло на нарушение конституции и не провело выборов в Великое народное собрание. При малолетнем наследнике престола были назначены регенты. Новый кабинет министров во главе с Д. Божиловым заявил, что он будет «вдохновляться искренним сотрудничеством» с гитлеровской Германией и обрушился с угрозами в адрес участников освободительного движения.

По всей стране прокатилась новая волна кровавого фашистского террора. В ряде городов и сел стали проводиться облавы с целью выявления антифашистов. Газеты запестрели сообщениями об убитых «при попытке к бегству» «террористах» и «саботажниках». В конце 1943 — начале 1944 г. против партизан была двинута более чем стотысячная армия с участием жандармерии и полиции. Если Гитлеру и его болгарским лакеям не удалось послать на Восточный фронт ни одного болгарского солдата, то, как подчеркивал Г. Димитров, это произошло главным образом потому, что основные силы болгарской армии были скованы борьбой с партизанами в Болгарии и Югославии <sup>24</sup>.

Несмотря на свирепый террор правящей монархо-фашистской клике не удалось разгромить партизанское движение и выйти из политического кризиса. Вдохновляемое героическими подвигами Красной Армии, движение Сопротивления болгарского народа все более разрасталось. Болгарские коммунисты неустанно направляли это движение, разъясняли стоящие перед ним задачи и разоблачали предательство правящей антинародной клики. «Сегодня перед Болгарией два пути, — писал Г. Димитров в статье, опубликованной 16 сентября 1943 г. в «Правде» и широко распространенной нелегальной печатью в Болгарии, — либо продолжать идти в фарватере Германии, либо порвать с Германией и проводить свою самостоятельную национальную политику». Он подчеркивал, что у болгарского народа имеется возможность пойти по пути освобождения страны от нацистского порабощения, сохранить ее людские и материальные ресурсы для обеспечения ее свободы и независимости <sup>25</sup>.

Наступление Красной Армии на советско-германском фронте в первые месяцы 1944 г., проведение ею ряда блестящих операций, в результате которых были разгромлены крупнейшие вражеские группировки, освобождены Правобережная Украина, Одесса и Крым, оказали большое влияние на дальнейшее развитие вооруженной борьбы в Болгарии.

После небольшого периода сравнительно ограниченной активности в начале 1944 г., вызванной суровыми зимними условиями и массированным наступлением врага, НОПА, успешно выдержав его, с весны сама перешла в решительное и повсеместное наступление. В ряды борцов за независимость непрерывно вливались все новые и новые силы. Резко увели-

<sup>24</sup> Г. Д и м и т р о в. Там же, стр. 608—609.

<sup>25</sup> Там же, стр. 8—17.

чилось число партизанских формирований. В национально-освободительную борьбу оказался вовлеченным самый многочисленный класс в Болгарии — крестьянство.

Эта борьба сопровождалась ускоренным политическим созреванием ее движущих сил. Трудящиеся массы страны все больше проникались сознанием того, что они должны бороться не только за национальную независимость и освобождение от германо-фашистского империалистического гнета, но и за глубокие социальные преобразования, без которых они не могут добиться подлинного освобождения. В результате бурного подъема национально-освободительной борьбы и обострения кризиса монархо-фашистской верхушки весной 1944 г. в стране начала созреть революционная ситуация.



ЙОЗЕФ ГРОЗИЕНЧИК

## ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ 1944 ГОДА

Словацкое национальное восстание по своему политическому и военно-стратегическому значению было важной составной частью великой борьбы народов против фашистской тирании. Верховный орган восстания Словацкий национальный совет в своем первом документе — Декларации от 1 сентября 1944 г., в частности, заявил: «... Сегодня словацкий народ торжественно присоединяется к союзникам, которые своей борьбой и большими жертвами обеспечивают свободную и демократическую жизнь народам всего мира, а также нашему малому народу. Мы хотим всеми силами содействовать быстрому окончанию этой борьбы за свободу»<sup>1</sup>. В этих словах отражается не только смысл союза антигитлеровских сил, но и осознание взаимосвязи освободительных усилий словацкого народа с борьбой других народов антигитлеровской коалиции. Без интернациональной помощи и солидарности трудно себе представить победу и дальнейшее укрепление прогрессивных сил в любой стране.

Словацкое национальное восстание стало одним из примеров боевой международной солидарности и интернационального единства демократических и революционных антифашистских сил. В нем принимали активное участие все те, кто независимо от национальности, а зачастую и политической и классовой принадлежности, находясь вдали от своей родины, вместе со словацкими партизанами и повстанцами начали открытую вооруженную борьбу за окончательную ликвидацию фашистского террора.

В ходе второй мировой войны почти вся оккупированная гитлеровской Германией часть Европы была охвачена партизанским движением. Партизанская борьба имела, правда, разную динамику и интенсивность в зависимости от внутреннего положения в стране. В некоторых районах оккупированных территорий СССР и в Югославии партизанские отряды освобождали и контролировали значительные пространства. Словацкое национальное восстание, вспыхнувшее на одном из наиболее чувствительных участков гитлеровского тыла, также нанесло существенный удар гитлеровскому фашизму.

Важную роль в развитии движения Сопротивления и партизанской борьбы в Европе сыграло участие в них советских граждан. Оказавшись в тылу врага, они налаживали повсюду связь с прогрессивными антифашистскими группами, активно участвовали в антифашистской борьбе и помогали народам оккупированных стран организовать национально-освободительное движение. Эта активность советских людей была связую-

<sup>1</sup> «Slovenské národné povstanie. Dokumenty». Bratislava, 1965, s. 391.

щим звеном в международной солидарности антифашистских сил европейских народов.

Среди разнообразных проявлений солидарности борющихся с фашизмом народов существенное значение имела боевая солидарность славянских народов. Эта яркая форма славянского патриотизма не противоречила национальным интересам остальных народов, идеям пролетарского интернационализма. Она содействовала мобилизации и объединению славянских народов в борьбе против гитлеровской агрессии и оккупации.

Прогрессивные силы словацкого и чешского народов также включились в антифашистскую борьбу. В партизанских отрядах на Украине, в Белоруссии, Крыму, Югославии, Польше, во Франции, Бельгии, Болгарии, Венгрии и Италии боролись сотни словацких антифашистов за свободу этих стран и в то же время за свободу своего народа, за создание демократического чехословацкого государства. В Словацком национальном восстании участвовало около семи тысяч борцов-антифашистов, причем не только представители славянских народов и стран антигитлеровской коалиции, но и немецкие и венгерские антифашисты.

Сознание того, что фашизм угрожает самому существованию народов, и прежде всего славянских, в чем убедились словаки на работах в Германии, и особенно словацкие солдаты на Восточном фронте, привело широкие слои словацкого народа к пониманию того, что тисовско-туковский режим не только антинароден, но и антинационален. Поэтому провозглашение Словацким национальным восстанием Чехословацкой республики было закономерным результатом развития освободительного движения.

Восстание словацкого народа, международная политическая и военная ситуация, победоносное наступление Советской Армии и приближающееся неминуемое падение гитлеровской Германии оказали большое влияние и на подъем движения Сопротивления в чешских областях, которое разрастается с осени 1944 г.

Уже после первых известий, которые проникли в протекторат, активизировалась антифашистская борьба, в которую помимо коммунистов начали включаться все более широкие слои народа, а также те буржуазные группы из демократического и антифашистского лагеря, которые ориентировались на чехословацкое правительство в Лондоне. По инициативе КПЧ чехословацкие политические, общественные и военные деятели, находившиеся в Москве, обратились к чешскому народу с воззванием, в котором, в частности, говорилось: «... мы не оставим словаков бороться одних. Необходимо, чтобы чехи верно встали плечом к плечу со словаками и доказали на деле традиционное чехословацкое братство, чехословацкое государственное единство, которое является основой Чехословацкой республики»<sup>2</sup>.

Несмотря на то, что оккупационные власти в Чехии и Моравии закрыли моравско-словацкую границу протектората, сотни чехов — рабочие, крестьяне, ремесленники, студенты, служащие, интеллигенты нелегально, с риском для жизни переходили через границу в Словакию. Чешские антифашисты в Словакии вступали в партизанские отряды и в словацкую повстанческую армию. Зачастую они занимали командные посты в партизанских отрядах и бригадах. Многие сражались, например, во 2-й Чехословацкой партизанской бригаде им. Яна Жижки, бригаде им. Яна Швермы, в бригаде «За свободу славян», в отрядах «Пугачев», «Готвальд», «За победу», «Смерть фашизму» и т. д.

<sup>2</sup> «Za slobodu českého a slovenského národa. Sborník dokumentov k dejinám KSČ». Praha, 1956, s. 435.



Непосредственная помощь чешских антифашистов и их участие в Словацком национальном восстании было проявлением и доказательством новых отношений, которые складывались между обоими братскими народами; помимо военного они имели большое политическое значение для дальнейшего хода национально-освободительной борьбы и особенно для послевоенного развития Чехословакии и ее народов. Братство чехов и словаков закалялось и в боях 1-го Чехословацкого армейского корпуса в СССР (под командованием генерала Свободы), который вместе с Советской Армией нес свободу нашим народам.

Советская Армия, в боевую задачу которой помимо освобождения Советской страны входило освобождение и остальных стран, поработанных фашистской диктатурой, оказала определяющее воздействие на формирование международной солидарности в борьбе против фашизма в годы второй мировой войны.

Свободу славянских народов, их самостоятельное политическое, социальное и культурное развитие словаки связывали прежде всего с СССР, справедливо считая, что только СССР сможет обеспечить осуществление требований и задач, стоящих перед ними.

В Словацком национальном восстании участвовало около трех тысяч советских граждан, многие из которых, бежав из гитлеровских концлагерей или с принудительных работ, с 1943 г. сражались в партизанских отрядах. В этом году возник отряд «Пугачев», который организовал А. Емельянов в восточной Словакии. Одновременно в этой же области Словакии старший лейтенант словак Людовит Кукорелли организовал совместно с коммунистами бригаду «Чапаев», с которой объединилась советская десантная группа Кокина. Уже в мае 1944 г. в Словакии существовало несколько смешанных чехословацко-советских партизанских отрядов под командованием чехословацких и советских граждан. Принимая во внимание политическую обстановку в Словакии, пятый подпольный ЦК КПС приступил к систематической и широкой организации партизанской борьбы в Словакии при тесном сотрудничестве с руководством КПЧ в Москве и Украинским штабом партизанского движения. Смешанные чехословацко-советские десантные группы численностью 15—20 чел. сбрасывались в средней и восточной Словакии, в Моравии и Чехии, а также в некоторых областях Украины и Польши. Командиры десантных групп и многие бойцы уже имели за плечами большой организаторский, политический и боевой опыт партизанской борьбы, особенно на Украине, в Белоруссии и Польше. Словацкий народ встретил их как авангард освободительной армии, оказал им всестороннюю помощь и поддержку.

О широком размахе партизанского движения в июле и августе 1944 г. свидетельствуют следующие данные: десант Волянского, который имел 6 августа 15 человек, 28 августа насчитывал уже 500 человек. Десантная группа Величко будучи 26 июля еще меньше, 10 августа уже объединяла 1073 чел. — словаков, советских граждан и французов. Десант Садиленко перед восстанием разросся до 39 групп, десант Мартынова до трех отрядов и т. д. Малочисленные десантные группы в течение небольшого времени выросли в сильные партизанские отряды и бригады, которые уже перед восстанием имели свыше восьми тысяч бойцов. В ходе восстания число партизанских отрядов и бригад возросло. Почти 20 тыс. партизан совместно с 60 тыс. солдат и офицеров 1-й армии составляли вооруженные силы Словацкого национального восстания.

Помощь СССР Словацкому национальному восстанию не ограничивалась лишь высадкой десантов. Из Советского Союза каждую ночь над повстанческой территорией пролетали десятки советских самолетов, которые даже в неблагоприятных метеорологических условиях, в грозу и в

дождь, доставляли оружие, боеприпасы, лекарства. Для помощи партизанскому движению советское командование направляло опытных командиров.

Сотни советских людей воевали как рядовые партизаны. Они боролись на всех участках фронта повстанческой Словакии, были примером скромности, решительности, самопожертвования, находчивости, безмерной самоотверженности. Это они создавали в интернациональных партизанских отрядах атмосферу солидарности, боевой дружбы. Такими их узнал словацкий народ, такими они остались в памяти членов партизанских отрядов и бригад из Центральной и Западной Европы.

В Словацком национальном восстании активно участвовали также французские антифашисты, нелегально бежавшие в Словакию из лагеря интернированных в Венгрии. Их переход в Словакию организовали французские офицеры Ланурье, Лароншер и Пупе при помощи словацких подпольных антифашистских организаций в Братиславе и Трнаве. В восстание включились также французские рабочие, бежавшие с принудительных работ в Дубнице-над-Вагом и из нацистских лагерей на Украине и в Польше. В августе 1944 г. в 1-й чехословацкой партизанской бригаде Величко было уже 138 французских антифашистов. Французский отряд в этой бригаде получил официальное название «Французский легион в Чехословакии». Командиром отряда стал лейтенант Ланурье. Его назначение командиром и присвоение звания капитана утвердил в сентябре 1944 г. генерал де Голль.

Французские партизаны совместно со словацкими, советскими и другими бригадами участвовали в боевых действиях в период с 28 августа по 23 ноября 1944 г. Затем отдельные группы партизан вошли в состав советских войск.

Особенно они отличились при обороне Стреченского ущелья, где 29 августа 1944 г. заняли боевые позиции 1-я чехословацкая партизанская бригада, части повстанческой армии и солдаты мартинского и жилинского гарнизонов. Бои у Стречно были безмерно трудными и продолжались целую неделю — по 4 сентября 1944 г. Необходимо отметить, что французские партизаны из отряда Ланурье последними перед превосходящими силами врага оставили боевые позиции у Стречно. Они проявили мужество и боевую отвагу при обороне Турца и на других участках средней Словакии, которые защищали от превосходящих сил фашистов так же, как их земляки-антифашисты, сражавшиеся в отрядах «Пугачев», в бригаде «За свободу славян», в Нитранской партизанской бригаде, в бригаде Карасева-Степанова и других.

Всего в Словацком национальном восстании участвовало около четырехсот французских патриотов, из которых 107 отдали свои жизни за свободу Франции и Чехословакии.

В партизанских отрядах и бригадах в Словакии воевало около 800 венгерских антифашистов, что имело важное значение для развития партизанского движения в самой Венгрии. Так, партизанская группа подполковника Ногради, организованная в районе Лученца в рамках бригады «За свободу славян», действовала в рабочем районе в Салготаряне. Кроме того, сотни венгерских солдат перешли на сторону партизан и советских войск.

В Словацком национальном восстании принимали участие и немецкие антифашисты. Уже в сентябре 1944 г. в рамках подразделения Мартина в восточной Словакии действовал отряд «Эрнст Тельман» под командованием молодого немецкого коммуниста В. Мюллера, насчитывающий 80 человек. Немецкие антифашисты боролись и в средней Словакии в районе Превидза. Местное немецкое население уже в первые сентябрьские дни

было вооружено для борьбы против восставшего словацкого народа. Однако в некоторых местах немецкое население передало оружие партизанам. Особенно успешно действовала подпольная организация коммунистов в Цахе (теперь Малинова). В начале восстания 96 жителей Цаха присоединились к партизанам и участвовали в боях за Стречно и в других боевых операциях. Немецкие антифашисты сражались и в других партизанских бригадах. Следует сказать, что именем Эрнста Тельмана назывались несколько немецких партизанских отрядов, а также отряды, в которых не было немецких антифашистов или они составляли меньшинство. Помимо немецких антифашистов, живущих в Словакии, в Словацком национальном восстании участвовали лица, которые перебежали к партизанам из германской фашистской армии. Общее число немецких антифашистов в Словацком национальном восстании превышает двести человек.

Еще перед Словацким восстанием и особенно с его началом активная партизанская деятельность развивалась на словацко-польской границе. Польские партизаны со своих баз доходили до областей северной и восточной Словакии в районы Высоких Татр и восточных Карпат. Через польскую территорию с помощью местного населения в Словакию перешло семь советских партизанских бригад, в которых боролись и польские патриоты. Непосредственно в Словацком национальном восстании участвовало более ста польских партизан. Польские антифашисты помогали словацким партизанам и позднее, в начале 1945 г., оказывая помощь раненым партизанам, скрывавшимся в Высоких Татрах.

В партизанском движении в Словакии участвовало свыше ста югославских антифашистов, бежавших из нацистского заключения или покинувших свою родину после оккупации Югославии с намерением продолжать борьбу против нацизма на нашей территории. Уже в первые дни Словацкого национального восстания они в составе французского отряда 1-й чехословацкой партизанской бригады участвовали в кровавых боях у Стречно. Группы югославских патриотов воевали и в других повстанческих отрядах.

В героическом Словацком национальном восстании участвовали и болгарские антифашисты. Это были прежде всего студенты, обучавшиеся в Братиславе, и садоводы, обосновавшиеся в Словакии. В Нитранской партизанской бригаде воевала чета под командованием Стояна Стоянова. Особенно отличились болгарские антифашисты в боях в феврале 1945 г. при переходе бригады через Грон на сторону советских войск. Болгарские патриоты проявили в этом бою храбрость и мужество. Многие из них отдали свои жизни за свободу Болгарии и Чехословакии.

В партизанских отрядах Словакии воевали также австрийские антифашисты, американские летчики, сбитые над повстанческой территорией зенитной артиллерией, члены американской военной миссии, небольшое число бельгийцев, голландцев, итальянцев, испанцев, греков и др. Всех вместе их было более ста человек — военнопленные, рабочие, угнанные на принудительные работы в рейх, а также лица, мобилизованные в германскую и венгерскую армии. Словацкий народ помогал им, скрывал от фашистов и переправлял в партизанские отряды. Следует сказать, что не все из них поняли смысл и цели борьбы словацкого народа, но большинство вступило в партизанские отряды и боролось на стороне словацкого народа.

Международная солидарность, которая возникла в борьбе против фашизма во всей Европе, была результатом объективного процесса развития событий на фронтах второй мировой войны и особенно на Восточном фронте. Она имела и свои исторические корни в прошлом. Этот объективный процесс был тесно связан с борьбой революционных сил, возглавляе-

мых коммунистами, за новые отношения между народами, основанные на полном равноправии представителей всех народов и рас. Советские люди активно участвовали в этой борьбе.

Международная солидарность в Словацком национальном восстании проявилась в создании интернациональных отрядов, уже известных нам из истории гражданской войны и интервенции в Советской России и гражданской войны в Испании. В отряде «За победу» были, например, помимо словаков чехи, русские, украинцы, венгры, югославы, грузины, азербайджанцы, армяне, румыны, поляки, бельгийцы, узбеки, немцы, французы и болгары. В бригаде «Яношик» боролись рядом словаки, чехи, русские, французы, немцы, поляки. В отряде «Смерть фашизму» в совместной борьбе участвовали словаки, чехи, украинцы, русские, венгры, югославы, французы, немцы. Подобным пестрым национальным составом обладали почти каждый партизанский отряд или бригада в Словацком национальном восстании.

Сам факт, что в Словацком национальном восстании участвовали вместе со словацким народом в борьбе против фашизма представители двадцати семи народов и народностей, свидетельствует о большой объединяющей силе идей международной солидарности и интернационализма, которые в состоянии преодолеть многие противоречия и различия во имя общей цели. В процессе вооруженной борьбы против фашизма в Словакии между представителями отдельных народов исчезло взаимное недоверие, посеянное правящими классами в межвоенный период, укреплялись взаимопонимание и дружба. Так создавались объективные предпосылки для развития и упрочения этих отношений в послевоенный период. Заветы Словацкого национального восстания и спустя тридцать лет остаются неизменно живым и глубоким источником интернационализма и патриотизма в прочном стремлении всех революционных и демократических сил человечества к миру, взаимному сотрудничеству и дружбе народов.

Миролюбивые силы в мире могут и сегодня опираться на этот дорого оплаченный опыт формирования и деятельности широкого антифашистского фронта. В сегодняшнем великом стремлении прогрессивных сил во главе с СССР к сохранению мира и предотвращению военных конфликтов играет роль и опыт международной солидарности в борьбе против фашизма. В этом заключается большое морально-политическое значение Словацкого национального восстания.



Ф. Э. БОРЖЕМСКИЙ

## ИЗ ЗАПИСОК ХРОНИСТА 1-й АРМИИ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО

1 м а р т а 1945 г. 1-я армия Войска Польского в составе 1-й, 2-й и 6-й пехотных дивизий при поддержке артиллерии и авиации в 9.00 начала наступление против немецко-фашистских войск в направлении Ставно — Боруйско. Ей противостоят дивизия «Бёрвальде», 163-я пехотная дивизия и другие части противника. После упорных боев подразделения 2-й пехотной дивизии в 17.00 овладели сильно укрепленным пунктом противника Боруйско. Особенно героически сражались воины 1-й и 2-й пехотных дивизий, танкисты и артиллеристы. Потери противника: убито около 700 человек, взято в плен 150 солдат, уничтожено значительное количество боевой техники врага.

5 м а р т а. Приказом Верховного командования Красной Армии объявлена благодарность воинам 1-й армии за успешное выполнение боевой задачи по прорыву укрепленной линии обороны противника северо-западнее Валча и овладение городами Чаплинек, Злотенец, Дравско и Лабендзе. Об этом сообщено во все части армии.

9 м а р т а. 3-я и 6-я пехотные дивизии при поддержке 2-й, 3-й и 5-й артиллерийских бригад и 1-го отдельного минометного полка ведут тяжелые бои за город Колобжег. Боевая операция осуществляется во взаимодействии с 7-м гвардейским кавалерийским корпусом и другими соединениями Красной Армии. Пленные из 163-й пехотной дивизии показали, что 324-й пехотный полк полностью разбит, а остатки 307-го и 310-го полков отводятся в тыл.

13 м а р т а. 5-й пехотный полк 2-й пехотной дивизии очистил от противника район Вальдевенев и вышел к берегу Балтийского моря. К морю прибыла делегация 4-й бригады противотанковой артиллерии. Состоялся митинг, на котором говорилось о значении моря для Польши, раздавались возгласы в честь Войска Польского, Красной Армии, Крайовой Рады Народовой. Участники торжества приняли присягу верности морю и обещали всегда его защищать. Был водружен морской флаг Польши, исполнен гимн и прозвучал торжественный салют.

14 м а р т а. В боях за Вжосово и Родавку польские воины действовали буквально плечом к плечу с воинами Красной Армии. Их встречи на поле боя были весьма сердечными. Командир 7-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал Поляков выразил благодарность польским воинам за их мужество и умелые действия. Канонир Подгдрецкий из 2-й батареи 20-го полка противотанковой артиллерии взял в плен 45 немецких солдат во главе с капитаном и доставил их в штаб полка.

18 м а р т а. Начавшиеся 8 марта боевые действия за овладение Колобжегом сегодня успешно завершились. 3-я, 4-я и 6-я пехотные дивизи-

зии при поддержке других соединений и частей Войска Польского и Красной Армии штурмом полностью очистили город и порт от упорно оборонявшегося противника. В течение дня враг потерял убитыми 720 человек, взято в плен свыше 6 тыс. солдат, уничтожено 12 танков, 84 орудия и минометы, 48 пулеметов, 162 автомашины. Захвачены трофеи: 15 танков, 97 орудий, 30 минометов, 607 пулеметов, 1545 автомашин, 11 железнодорожных эшелонов с военным имуществом, 37 складов.

4-я смешанная авиадивизия с 8 по 18 марта совершила 127 боевых вылетов и нанесла значительный урон живой силе и боевой технике врага в районе Колобжега.

В 3-й пехотной дивизии состоялось торжество — акт обручения с морем. В нем участвовали представители других частей Войска Польского и советские гости. Подразделения выстраиваются фронтом к морю, водружаются государственные флаги Польши, СССР и других союзных государств. Выступившие на митинге говорили о значении одержанных побед Войском Польским и Красной Армией, о правах Польши на морское побережье. Оглашается текст торжественного обещания. Взводный Вильчар бросает в море символическое обручальное кольцо. Раздается салют, знамена окунаются в морскую воду, исполняется государственный гимн. Это торжество произвело сильное впечатление на присутствующих. В 18.00 состоялось обручение с морем 9-го полка гаубичной артиллерии.

Добровольные взносы личного состава армии для восстановления Варшавы составили к настоящему времени 215 тыс. 455 злотых.

27 м а р т а. Продолжаются работы по укреплению обороны и боевое обучение частей армии. На участке 6-го пехотного полка противник пытался высадить десант. Он был отброшен с потерями для врага. Потоплены две лодки и взято в плен 11 солдат. Огнем 1-го артиллерийского полка потоплен корабль противника, обстреливавший боевые порядки 4-й пехотной дивизии. 1-я кавалерийская бригада направила подарки для детей Варшавы. В 4-ю пехотную дивизию прибыло пополнение (438 человек). Прием новых воинов происходил в торжественной обстановке.

5 а п р е л я. Противник из пулеметов и зенитных орудий обстреливает позиции 2-го пехотного полка. Батареи 5-й бригады тяжелой артиллерии вели огонь по бронепоезду врага. Развертывается посевная кампания. Подразделения 16-го пехотного полка засеяли зерновыми 34 га, 18-го пехотного полка — 40 га, дивизии зенитной артиллерии — 240 га зерновыми и 100 га картофелем. В саперной бригаде начали работу курсы по подготовке заместителей командиров рот по политчасти.

8 а п р е л я. Подразделения 4-й пехотной дивизии и 1-й кавалерийской бригады, сменив части 1-й, 2-й и 6-й пехотных дивизий, заняли оборону. 1-я, 2-я, 3-я и 6-я пехотные дивизии направляются к новому месту дислокации.

12 а п р е л я. Штаб 1-й армии посетил Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Он провел совещание с командованием армии. Части 1-й армии вышли к восточному берегу Одры.

16 а п р е л я. В 5.45 началась артиллерийская подготовка, которая продолжалась 35 минут. Части армии перешли в наступление. Преодолевая упорное сопротивление противника, они форсировали Одру. 2-й пехотный полк выбил неприятеля из позиции на участке дамба — железная дорога и отразил семь контратак. 1-й пехотный полк, отбив 3 контратаки врага, закрепился на рубеже железной дороги. 6-й пехотный полк, продвигаясь вперед, ведет бой западнее Ной Литцегерике. 3-я пехотная дивизия овладела Ной Карлсгоф и Карлсгоф.

18 а п р е л я. 6-я, 1-я, 2-я и 3-я пехотные дивизии, продолжая наступление, овладели сильно укрепленными пунктами Паульгоф, Ной



Равфт, Херевизе, Громштиллер, Нойкюстрихен, Адлиг Ретц, Кенигс-реетц и к концу дня вышли на восточный берег канала Альт Одер. Наша авиация произвела 120 самолето-вылетов. Она наносила удары по боевым порядкам и сосредоточениям пехоты и техники врага. Потери противника: уничтожено до 600 солдат, 18 орудий, 12 минометов, 40 пулеметов, 37 дотов и дзотов, 43 автомашины.

23 а п р е л я. 1-я пехотная дивизия очистила от противника Фихтенгрунд и подошла к Берневу, Фридрихсталю и Цандгаузену. 3-я пехотная дивизия, переправившись через канал Гогенцоллернов, ведет бой у Гермендорфа. 6-я пехотная дивизия овладела населенными пунктами Беренклау, Вандемарк, Вельтен и сражается юго-восточнее Эйхштедта. 4-я пехотная дивизия освободила Марвитц и Ной Бетцов.

28 а п р е л я. Противник оказывает упорное сопротивление. Части 1-й, 2-й пехотных дивизий и кавалерийской бригады вели разведку и очищали районы действия от остатков вражеских сил. 3-я, 6-я и 4-я пехотные дивизии продолжали наступление в направлении Линум, Лебефзунд, Бредиков.

1 м а я. Противник, выбитый частями нашей армии из сильно укрепленных пунктов, прикрываясь арьбергартными группами, отступает в северо-западном направлении. Его авиация в полосе действий армии совершила 30 самолето-перелетов. 4-й пехотный полк 2-й пехотной дивизии занял населенные пункты Линум, Гакенберг, Тармов и с 20.00 ведет бой за Фербеллин. 7-й и 8-й пехотные полки 3-й пехотной дивизии овладели Дехтовым, Витгнитц и продолжают боевые действия северо-западнее Бетцин. 6-я пехотная дивизия и части 4-й пехотной дивизии во взаимодействии с частями 2-го гвардейского кавалерийского корпуса Красной Армии овладели городом Фризаке. Потери неприятеля: убито до 300 солдат и офицеров, взято в плен 22 солдата, уничтожено 9 орудий, 8 минометов, 25 пулеметов, сбит один самолет.

В частях армии проведены собеседования о празднике 1 Мая. Армейский театр показал новую постановку под названием «Победа».

Воины 1-й пехотной дивизии геройски сражаются на улицах Берлина, они освобождают от гитлеровцев один квартал за другим.

2 м а я. Противник оказывает неорганизованное сопротивление. Его авиация произвела 34 самолето-перелета. Части армии продолжали наступление. 2-я пехотная дивизия заняла Лентцке, Вутцетц, Дреетц и ряд других населенных пунктов. Части 6-й пехотной дивизии овладели Випке, Барчендорф, Гизенхорст, Клессен, Нойвердер и Ринов. 4-я пехотная дивизия освободила от неприятеля Ферхезар и Землин. 3-я пехотная дивизия, находящаяся во втором эшелоне, сосредоточилась в районе Дреетц, кавалерийская бригада дислоцирована в районе Ринов. Передовые части 6-й и 4-й пехотных дивизий достигли восточного берега реки Гавел в районе Штродегне и Гюльпе.

Потери неприятеля: убито около 150 человек, взято в плен 50 солдат, уничтожено 4 орудия, 8 минометов и пулеметов, 1 транспортер. 30 апреля и 1 мая захвачены склад с техническим имуществом, 337 т муки и зерна, 53 вагона с грузами.

По дорогам от линии фронта в тыл движутся толпы людей разных национальностей, бывших пленных и заключенных в концлагерях. Они выражают безграничную благодарность Красной Армии и Войску Польскому за спасение их от неминуемой гибели в гитлеровском рабстве.

3 м а я. В Варшаву на заседание Крайовой Рады Народовой направилась делегация 1-й армии Войска Польского во главе с заместителем командующего армией по политической части полковником П. Ярошевичем. Ей поручено доложить Крайовой Раде Народовой о боевых делах ар-

мии, о выполнении польскими воинами своего долга в борьбе с фашистскими захватчиками.

Части армии, преодолевая сопротивление противника, продвигаются в северо-западном направлении. 14-й и 16-й пехотные полки 6-й пехотной дивизии вышли на восточный берег Эльбы в районе Вулькау и Рудау. 4-я пехотная дивизия форсировала реку Гавел и овладела рядом опорных пунктов неприятеля. 2-я пехотная дивизия продвигается вслед за частями 6-й пехотной дивизии. 1-я пехотная дивизия, успешно завершив боевые действия в Берлине, возвращается в расположение армии. По пути движения она очистила некоторые местности от остатков вражеских сил.

Потери противника: убито до 300 человек, взято в плен 102 солдата, уничтожено 5 орудий, 2 танка, 50 пулеметов, 10 автомашин.

4 мая. Противник ведет огонь из лесного массива Клитц и из леса, расположенного юго-западнее Ной Шоленне. 6-я пехотная дивизия очистила район действия от остатков разгромленных групп неприятеля и занимает участок на восточном берегу Эльбы. 4-я пехотная дивизия, располагаясь в районе Клайфельд, Клитц, Ферхельс, прикрывает левое крыло армии.

Потери неприятеля: убито до 300 человек, взято в плен около 200 солдат, уничтожено 16 орудий и минометов, 14 автомашин, подбито 2 самолета.

2 и 3 мая захвачены трофеи: 1 танк, 4 орудия, 34 пулемета, 250 автоматов и карабинов, 73 легковые автомашины, 237 грузовых автомобилей, 5 тракторов, 5 пороховых заводов.

5 мая. В ходе боев неприятель потерял около 200 убитыми и свыше 800 человек пленными. 3 и 4 мая были захвачены трофеи: 8 орудий, 25 пулеметов, 248 карабинов, 3 танка, 137 автомашин, склад боеприпасов.

6 мая. В течение дня противник обстреливал из орудий, минометов и пулеметов переднюю линию нашей обороны. Части 4-й пехотной дивизии южнее Клитц отразили две контратаки неприятеля, нанеся ему большой урон. Противник потерял около 100 человек убитыми и 500 — пленными, 2 самоходных орудия, танкетку и 18 пулеметов. 4 и 5 мая захвачены трофеи: 1 самолет, 2 танка, 36 орудий, 15 минометов, 37 пулеметов, 1962 карабина, 4 тыс. артиллерийских снарядов, 22 автомашины, 26 тягачей и другое боевое и хозяйственное имущество.

6-я, 2-я и 4-я пехотные дивизии с 20.00 начали передачу занимаемых ими позиций частям Красной Армии. Эти дивизии, а также 1-я пехотная дивизия и кавалерийская бригада направляются к новому месту дислокации 1-й армии.

8 мая. Части армии временно расположились в районе Басдорф. Получено известие о подписании акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Наступил долгожданный день окончания тяжелейшей в истории войны за свободу и независимость польского народа и других народов. Это известие было встречено всем личным составом армии с большой радостью, восторгом, ликованием. Загремели орудийные салюты, застрекотали пулеметы и автоматы, взвивались в небо разноцветные ракеты, осветительные снаряды. Раздавались возгласы: «Ура!», «Слава Войску Польскому!», «Да здравствует народная Польша!», «Слава Красной Армии!», «Да здравствует польско-советская дружба!». Зазвучали песни на польском, русском и украинском языках.

Вечером в Политуправлении армии состоялось совещание политработников. Участники совещания ознакомились с содержанием акта о капитуляции гитлеровской Германии и решением об объявлении 9 мая Днем Победы. Были обсуждены вопросы о проведении празднования Дня Победы. На совещании выступил полковник П. Ярошевич. Он рассказал о работе

сессии Крайовой Рады Народовой, о принятых ею решениях. Крайова Рада Народова единодушно одобрила деятельность Временного правительства, польско-советский договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, подписанный 21 апреля 1945 г. в Москве, призвала весь народ приложить усилия для восстановления народного хозяйства и упрочения народно-демократического строя в Польше. Совещание окончилось на рассвете 9 мая. Затем политработники направились в свои части для проведения торжеств, посвященных Дню Победы.

9 мая. День Победы. Утром во всех частях началась подготовка к торжествам, посвященным победоносному окончанию войны. Устраиваются праздничные трибуны, приводятся в порядок и украшаются места, где будут проходить митинги. Надписи на транспарантах извещают о великой победе, говорят о братстве по оружию, о нерушимой дружбе польского и советского народов. В некоторых местах немецкие женщины приносили цветы для украшения праздничных мест. Большой спрос на армейскую, дивизионные и бригадные газеты, «Бюллетени славы» и фронтовые листовки. Каждый хочет иметь и сохранить экземпляр этих изданий, приуроченных к Дню Победы.

Воины по-ротно и по-батареино с песнями и музыкой направляются к месту митинга. Здесь они выстраиваются в установленном порядке. На конфедератках и в петлях мундиров — цветы, оружие украшено национальными флажками. На некоторых митингах присутствовали бывшие узники концлагерей и немецкое население, дети стремились быть поближе к трибуне.

Митинг открывает командир части, исполняются государственные гимны Польши и Советского Союза. Затем заместитель командира или начальник штаба части рассказывал о пройденном боевом пути. В выступлениях заместителей командиров по политчасти и представителей Политуправления армии подчеркивалось значение победы над гитлеровской Германией и боевого содружества польских и советских воинов. На митингах в польских частях выступали представители Красной Армии, а на митингах в частях Красной Армии — представители Войска Польского. Они указывали, что боевое содружество братских армий является важным фактором безопасности народов и мира в Европе.



Ю. БОГДАНОВ, Г. ИЛЬИНА, В. ХОРЕВ

## ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АНТИФАШИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (БОЛГАРИЯ, ПОЛЬША, ЧЕХОСЛОВАКИЯ, ЮГОСЛАВИЯ)

Титаническая эпопея борьбы с фашизмом является одной из ярчайших страниц в истории человечества XX века. Оставив неизгладимый след в памяти миллионов людей, она вошла в сознание народов как эпоха массового героизма, неисчерпаемых возможностей человеческого духа, поднявшегося на защиту основных завоеваний общественного и культурного прогресса. Одновременно она навечно сохранила значение грозного предостережения против беспечности, непротivления силам реакции и войны, против прекраснодушных надежд на уровень цивилизованности, способной якобы автоматически предотвратить угрозу тотальной дегуманизации людей в просвещенном XX веке. Трагические мемориалы Освенцима и и Дахау, Хатыни, Лидице и Пискаревского кладбища напоминают нам сегодня не только о беспримерной стойкости борцов с фашизмом, но и о нашем долге перед ними, долге потомков, обязанных твердо усваивать уроки истории, оплаченные потоками пролитой крови.

Вот почему, когда мы размышляем о том, чем для литературы XX века является эпоха антифашистской борьбы, нам нелегко найти точное и исчерпывающее определение. Нельзя во всяком случае согласиться с теми литературоведами, которые склонны сегодня этот исключительно масштабный и многозначимый узел проблем трактовать в узко временном, тематическом плане как «литературу периода Сопротивления», как уже отстоявшийся пласт истории. Конечно, и эти подходы имеют право на существование, но лишь тогда, когда исследователь ставит перед собой задачу конкретного анализа той или иной проблемы, сознавая ее как часть общей системы, заведомо учитывая многообразие других аспектов и связей.

Свои опасности подстерегают исследователя и при попытке «абстрагироваться» от «груза реальности», от конкретно-исторического содержания, определявшего смысл и цели антифашистской борьбы. Нередко подобное «глубокомыслие» оборачивается на практике скудной экзистенциалистской схемой балансирования личности между инстинктом самосохранения и чувством «мужского долга», между страхом и надеждой, будто бы извечно составляющими основу человеческого поведения, главный регулятор его социально-психических ориентаций. Справедливости ради следует сказать, что при всей своей ограниченности и такой подход может дать некоторые позитивные результаты, но опять-таки при соблюдении главного условия — ясного понимания его избирательности, неприменимости в качестве универсального ключа для раскрытия богатейшего внутреннего мира человека-борца и тем более — для осмысления качественно новых

связей, возникавших между людьми в процессе нарастающего массового отпора фашизму.

Нельзя забывать о том, что полнота и глубина отображения эпохи антифашистской борьбы является одним из главных параметров, определяющих степень общей идейно-политической зрелости литературы, ее способность подняться до художественного осмысления магистральных путей человеческого прогресса в XX веке.

Не претендуя в данной статье на сколько-нибудь исчерпывающее освещение столь многогранной проблематики, мы хотели бы сосредоточить внимание лишь на некоторых общих аспектах ее постепенного освоения литературами таких стран, как Югославия, Болгария, Польша и Чехословакия, где движение антифашистского Сопротивления получило широкий, всенародный размах.

Исследователь-марксист, стремящийся к установлению реальных закономерностей литературного процесса, исходит из признания органической связи национального художественного творчества с расширяющимся национальным историческим опытом народа. При всей сложной опосредованности этой зависимости она отчетливо просматривается на примере любой литературы мира, с особой наглядностью выступая в кризисные, переломные эпохи, как правило, знаменующие собой важнейшие сдвиги в общественном и художественном сознании человечества. Эпопею антифашистской борьбы, ставшую для большинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы прологом народно-демократических и социалистических революций, с этой точки зрения необходимо рассматривать как составную часть единого в своей логике процесса обретения народами этих стран нового национального облика, отвечающего высшей, социалистической стадии их социально-экономического и общественно-политического развития.

Соответственно и в литературах этих стран происходит — пусть не всегда последовательно и прямолинейно — накопление новых качеств, обусловленных по своей типологической сути потребностями времени и, не в последнюю очередь, внутренними потребностями развития самих литератур. И это естественно, ибо борьба с фашизмом была не только конкретно-исторической полосой в жизни народов и, следовательно, не только объектом конкретного художественно-публицистического отображения. В ходе ее одновременно происходила перестройка человеческого сознания, рос потенциал исторической активности масс, что неизбежно вызывало цепную реакцию во всем организме литературы. Антифашизм становился важнейшим критерием подлинного гуманизма, придавая ему новую окраску и новое масштабное измерение. И литература, проникаясь антифашистским пафосом, расширяла свои горизонты, диапазон воздействия, вела целеустремленный поиск новых средств художественной изобразительности.

В каждой стране (литературе) этот процесс имеет, разумеется, специфические особенности, но совпадает в основных своих контурах. Мы склонны видеть три главных этапа, три последовательные фазы преломления эпопеи антифашистской борьбы в литературе: 30-е годы, когда в литературу еще только внедряется сознание смертельной опасности, нависшей над человечеством; период антифашистского Сопротивления, вооруженной схватки с врагом, поставивший перед литературой задачу резкого повышения прямого гражданского, мобилизующего воздействия; и, наконец, непрерывное освоение литературой после 1945 г. опыта антифашистской борьбы во всей его многозначности и многослойности, нравственно-философское осмысление уроков истории в свете воплощения принципов гуманизма в последующей общественно-исторической и художественной практике.

Чем же характерны 30-е годы?

Вспомним основные координаты времени: социально-классовые битвы в период глубокого экономического кризиса; возрастающее влияние коммунистических партий, шедших в авангарде борьбы за социальное освобождение; кризис буржуазных демократий и попытки реакционных кругов ряда стран с помощью фашистской диктатуры справиться с революционным движением масс. Время требовало объединения всех прогрессивных сил перед угрозой фашизма и войны. «Единый фронт пролетариата и антифашистский народный фронт, — говорил Г. Димитров на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г., — связаны ж и в о й д и а л е к т и к о й б о р ь б ы, переплетаются, переходят в процессе практической борьбы против фашизма один в другой и отнюдь не отделены друг от друга китайской стеной»<sup>1</sup>. Поразительная прозорливость и глубина этой мысли были всецело подтверждены историей.

Консолидация революционных и прогрессивно-демократических сил на антифашистской платформе происходит и в сфере литературы. Парижский конгресс в защиту культуры (1935), польский съезд антифашистских деятелей культуры во Львове (1936), конгресс словацких литераторов в Тренчанских Теплицах (1936) и др. явились общественно-политическим выражением растущей ответственности писателей за судьбы своих народов, судьбы мира и человечества. Фашистский путч в Испании вызвал к жизни мощное движение международной солидарности с героически борющимися республиканцами. «Испанская тема» зазвучала в творчестве крупнейших художников слова; она нашла отклик и в Чехословакии (В. Незвал, С. К. Нейман, Ф. Галас, Л. Новомеский), Польше (В. Броневский, Л. Шенвальд, Э. Шиманьский), Болгарии (Н. Ващаров), Югославии (Р. Зогович, А. Цесарец).

За скухими фактами литературной жизни нужно видеть глубинные изменения, происходящие в это время в художественном творчестве. В лагерь писателей-антифашистов приходят представители различных течений и школ. Но стремясь ответить на зов времени, все они озабочены главным: проблемой повышения действенности литературы. На задний план отступают художественно-эстетические разногласия, внимание писателей концентрируется на идейной направленности произведений. Применительно к лагерю антифашистской литературы можно говорить в целом об активизации гражданского сознания художников, включающих в сферу своих размышлений все более широкий круг общественных проблем и противоречий времени. Ядро антифашистского лагеря в литературе составляют революционно-пролетарские писатели, наиболее последовательно реализующие в своем творчестве принципы действенного, по сути своей социалистического гуманизма. Они по праву становятся лидерами антифашистского движения в своих национальных литературах.

Перед ликом надвигающейся истребительной войны особенно явственным становится единство человеческих судеб. Фактор связи отдельного человека с людьми вообще, связи судьбы литературного героя с судьбами всего человечества властно входит во все жанры литературы, раздвигая рамки былой камерности, укрупняя масштабы повествования (К. Чапек «Война с саламандрами», М. Крлежа «Банкет в Блитве», П. Илемницкий «Компас в нас», Л. Кручковский «Тенета» и др.). Передовая литература предостерегает, взывает к совести, чести, здравому рассудку людей. Она предчувствует неумолимый ход событий, но даже не будучи в силах его остановить, вселяет мужество стоицизма, укрепляет решимость к грядущей, кровопролитной борьбе.

<sup>1</sup> Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 459.

1 сентября 1939 г. началась вторая мировая война. Народы не смирились с порабощением и поднялись на активную борьбу с фашизмом. После оккупации, казалось, всякая культурная жизнь была уничтожена, традиции прерваны. Но вскоре стало очевидным, что народ борющийся, народ, не приемлющий рабство, не может обойтись без помощи действенного слова.

Литература активного Сопротивления фашизму сравнительно более изучена. Издание книг отдельных авторов, библиографий, антологий, сборников, документов, писем из застенков тюрем и концентрационных лагерей, мемуаров было не только данью глубочайшего уважения к участникам борьбы, тем, кто жертвовал своей жизнью, но и началом научного осмысления конкретных фактов, антифашистской литературы периода второй мировой войны. Именно на стадии обобщения обнажились разные точки зрения. Появились попытки представить литературу этого периода как эпизод, ушедший в прошлое вместе с породившим его временем и не имевший художественного продолжения. Но кроме произведений, ценных как свидетельства несгибаемости человеческого духа, силы товарищества и солидарности людей, тогда были созданы и произведения, которые вошли в золотой фонд национального и мирового искусства. Достаточно назвать имена таких писателей, как Ю. Фучик, В. Ванчура, В. Назор, И. Г. Ковачич, И. Андрич, Р. Зокович, К. К. Бачинский, В. Броневский, К. Галчинский, Ю. Тувим, Л. Новомеский, Н. Вапцаров.

В своих работах исследователи литератур социалистических стран показали, что с активным или пассивным сопротивлением фашизму были связаны лучшие писательские силы каждой страны. Советским ученым принадлежит труд, в котором создана картина развития антифашистских литератур Европы в период второй мировой войны, выявлены особенности отдельных национальных литератур<sup>2</sup>. В Болгарии<sup>3</sup>, Чехии и Словакии<sup>4</sup> сохранялись некоторые возможности существования легальной печати, Польша<sup>5</sup> и Югославия<sup>6</sup> сразу после оккупации превратились в плацдармы осуществления теории расового истребления целых народов. Ответом на это была всенародная вооруженная борьба против оккупантов.

В то же время единство цели определило и общность характера нового этапа в истории этих народов и их культуры.

Литература в целом стала перестраиваться в зависимости от встающих перед ней задач. Более широко, чем в предшествующие годы, активизирует она демократические традиции прошлых эпох (Мицкевича и Словацкого, Прешерна и Негоша, Ботева и Вазова, Немцовой, Неруды и Ирасека) и в еще большей степени традиции революционной литературы 20—30-х годов нашего века, продолжавшей оставаться частью общенациональной культуры, частью ее истории.

Характер антифашистской литературы и ее эстетические принципы прежде всего определило искусство партизанское и подпольное. В то же время неотъемлемой ее частью была и литература, возникавшая в концлагерях и тюрьмах, а также произведения, написанные с мыслью о будущем теми писателями, которые бойкотом молчания выражали свое неприятие фашистского режима. Ее составляли также произведения, преимущественно исторического и психологического жанров, которые могли выходить ле-

<sup>2</sup> «Литература антифашистского сопротивления в странах Европы. 1939—1945». М., 1972.

<sup>3</sup> «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв.». М., 1959.

<sup>4</sup> «Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв.». М., 1963; «История словацкой литературы». М., 1970.

<sup>5</sup> «История польской литературы», т. II. М., 1969.

<sup>6</sup> Н. Б. Яковлева. Поэзия Югославии в годы народно-освободительной борьбы. «Советское славяноведение», 1969, № 3.



гально, скажем, в Чехии (В. Ванчура, В. Ржезач, И. Ольбрахт). Последние бесспорно сыграли свою роль в разоблачении предательства и низости, равнодушия и эгоизма, в укреплении морального духа нации, прославлении активности человека и его личной ответственности за выбор пути, за принятие решения.

Произведения, написанные в годы войны и опубликованные после нее, как, например, романы И. Андрича, Э. Налковской, Е. Анджеевского, стихи Я. Есенского, Д. Максимович, В. Незвала, дневники М. Крлежи, несут на себе печать времени их создания, но все они в большей мере стали фактом послевоенной литературы, являясь связующим звеном между этими эпохами. Одновременно они свидетельствовали о той внутренней духовной и эстетической перестройке, которая затронула писателей самого разного идейного склада и художественной манеры.

Условия подпольной и партизанской борьбы — опасность издания и распространения текстов, ограниченные возможности объема публикаций, нехватка бумаги и т. п. — диктовали свои жесткие условия литературе. Она не только приспособилась к ним, но и в какой-то мере подчинила их себе. Поэзия, ставшая благодаря своей оперативности и эмоциональной напряженности главным родом литературы, сумела отчасти вобрать в себя черты других родов литературы. Она восславляла героику народного подвига и зафиксировала конкретные имена героев, события тех лет. Поэзия поднялась до высот подлинной трагедии с ее предельной контрастностью добра и зла, причем в самом конкретном их воплощении. Трагическое и героическое начала выступали в ней, как ненависть и любовь, в их жизненном единстве (примером может служить поэма хорватского поэта И. Г. Ковачича «Яма»).

Для литературы тех лет характерна подчеркнутая обнаженность конфликтов и характеров. В ней нет места полутонам и компромиссам — их не было и в самой жизни.

«Близость смерти, — писал Ю. Фучик в своем «Репортаже с петлей на шее» в 1943 г., — обнажила каждого... Все второстепенное, наносное, все, что сглаживало, приукрашивает основные черты твоего характера, отпало, уносило предсмертным вихрем. Оставалась только самая суть, самое простое: верный остается верным, предатель предает, обыватель отчаивается, герой борется. В каждом человеке есть сила и слабость, мужество и страх, твердость и колебание, чистота и грязь. Здесь оставалось только одно из двух. Или — или»<sup>7</sup>.

Или — или — так стоял вопрос перед народом, перед каждым в отдельности, так встал он и перед литературой. Выбор был неизбежен. Остаться в стороне — это тоже значило сделать выбор, за который человек платил моральной опустошенностью. Слитность с интересами нации, сознательное приобщение к народной борьбе определяли меру подлинного активного гуманизма, нравственной чистоты и гражданской стойкости. Так протягивалась нить к центральной проблеме каждой литературы во все времена — Человеку в его отношении к своей эпохе, к решению вопроса об исторической обусловленности и личной ответственности каждого за свое общественное поведение.

Личность как выразитель общенародных интересов, неограниченные возможности человеческого духа и воли, подвиг и самоотверженность как естественное продолжение и итог человеческой жизни, как выражение внутреннего развития человека, перестройка сознания в антифашистской борьбе, в ходе которой рождалось новое отношение к свободе, воспринимаемой не только как национальное, но и социальное освобождение —

<sup>7</sup> Ю. Ф у ч и к. Избранное. М., 1955, стр 549.

с одной стороны; разлагающее влияние фашистской идеологии, разоблачение национализма, исторических мифов, частнособственнических инстинктов, инерции общественного сознания как ее опоры — с другой — вот тот круг основных проблем, которые ставила и решала литература военных лет. Ставила в присущем ей заостренном, контрастно очерченном противостоянии двух непримиримых враждебных сил, которое впоследствии некоторыми критиками выдавалось за схематизм и упрощение.

В литературу пришел новый герой. Это антифашист, человек, сражающийся с фашизмом с оружием в руках. Если у него нет оружия, если он узник тюремной камеры или концлагеря, он продолжает борьбу, противопоставляя насилию силу воли, убеждения, человеческого братства и, несмотря ни на что, веру в будущее, в жизнь.

Среди героев-антифашистов центральное место по праву принадлежало коммунистам, возглавившим всенародную борьбу против оккупантов. Неслучайно поэтому коммунист стал в литературе тех лет выразителем общенародных интересов, интернационального характера самой антифашистской борьбы, стал идеалом самоотверженности и человечности.

Антифашистская литература, содержанием своим будучи связанной с темой Родины и ее судьбы, с решением вопроса о соотносительности личного поведения человека в годину испытаний с общенациональными интересами, пережила существенную трансформацию и в отношении эстетическом. Сохраняя черты разных художественных методов — антифашистская борьба объединила писателей разных идейных и эстетических воззрений, от коммунистов до католиков и от социалистических реалистов до сюрреалистов, — литература стремится к исторически обусловленному изображению действительности и при всей иногда присущей ей условности и гиперболичности к сохранению внутренних масштабов происходящего. В ней вновь господствующее положение занял реализм, продолжавший линию социалистического и критического реализма предшествующей эпохи. Заметно и возрождение романтических форм обобщения, использование песенно-фольклорных жанров. Советские исследователи справедливо отмечали изменение поэтического языка антифашистской литературы — более ясная образность, подчеркнутая чистота и смысловая определенность лексикой, что, однако, не исключало многообразия стиливых манер и интонационных систем. При преимуществе агитационно-ораторской и призывно-лозунговой в ней представлены и сатирическая, и граждански-патриотическая, и обличительная, и лирическая, и трагически-исповедальная.

Антифашистской литературой периода войны многое было лишь начато, заявлено или решено в соответствии с задачами идущей кровопролитной битвы. Но именно тогда в ней нашли отражение представления о моральной и общественной значимости человеческой личности, заложены основы нравственного максимализма в оценке поведения человека, которые после победы останутся самым строгим критерием подлинной человечности и гражданственности.

1944—1945 годы были поворотным пунктом в истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Советская Армия принесла народам этих стран избавление от фашизма. С освобождения и победы над фашизмом начинается новая история этих стран, новый этап в развитии духовной жизни, литературы и культуры.

Уже в годы войны были созданы произведения, авторы которых стремились не только запечатлеть события лет войны и оккупации, призвать к борьбе с фашизмом, но и ответить на вопрос, как это могло случиться — национальные катастрофы, оккупация, концлагеря, массовые убийства. Пережитое моральное и интеллектуальное потрясение выводит многих художников из круга предвоенных схем и конфликтов, заставляет увидеть

мир в новом освещении, в беспощадном трагическом свете войны, лагерей, облав, расстрелов, подпольной и партизанской борьбы. В полной мере эти новые черты литературы, новая идейная и морально-философская проблематика, наметившиеся в годы войны, выявились уже в последующие годы.

Писатели остро ощущали потребность в реальном историческом мышлении. Основным вопросом, который встал перед ними, был вопрос не узколитературного, эстетического, а скорее мировоззренческого, идеологического характера. Именно в новой мировоззренческой ориентации многих писателей следует искать истоки таких важных черт литературы первых послевоенных лет, как осмысление уроков войны, антифашистского Сопротивления, осознание решающей роли Советского Союза в разгроме фашизма, воинствующий гуманизм, отказ от позиции пассивности, оптимистическая уверенность в моральных силах народа. В каждой из стран литература принимает деятельное участие в выработке нового исторического сознания нации на новом этапе ее существования.

Решительные социальные преобразования, обстановка общественного подъема способствовали укреплению и расширению позиций реализма в литературе. Переживания военных лет дискредитировали в глазах подавляющего числа писателей тип искусства, оторванного от жизни и ее насущных проблем. Поворот массы писателей к реализму органически вытекал из всей тогдашней общественно-литературной действительности, диктовался уроками войны, потребностями развития литературы, традициями литературы Сопротивления.

В бурном послевоенном старте литературы участвуют писатели разных поколений и творческих индивидуальностей. Многочисленные поэтические и прозаические произведения, опубликованные в те годы, продолжают разные литературные традиции, не только реалистические, но и традиции психологическо-рефлексивной прозы, прозы гротеска и экспрессивно-символической поэзии. Но в целом — укрепление реалистических тенденций и формирование нового метода, отвечающего задачам современного этапа в развитии стран по пути народной демократии и социализма, становится основным содержанием литературного процесса.

На первое место по активности и удельному весу в литературе сразу после окончания войны выдвигаются активно разрабатывавшиеся уже в годы войны поэтические жанры, литература факта (дневники, воспоминания, документы), публицистический репортаж (Ю. Фучик «Репортаж с петлей на шее», З. Налковская «Медальоны», Б. Чопич «Рассказы-партизаны»). Именно в этих жанрах впервые были запечатлены потрясающие факты недавнего прошлого и была дана исходная, как правило эмоционально-экспрессивная, их оценка.

Первые послевоенные годы принесли замечательные поэтические произведения В. Броневского и Т. Ружевича в Польше, Н. Незвала и Ф. Галаса в Чехословакии, А. Шопова, Д. Максимович в Югославии, М. Исаева и Н. Фурнаджиева в Болгарии и многих других поэтов. Это была антифашистская поэзия высокого драматического накала, чувств большого масштаба, поэзия преодоления отчаяния, устремления к активному, действительному гуманизму. Яркое отражение борьба с фашизмом нашла и в драматургии первых послевоенных лет (О. Василев в Болгарии, Л. Кручковский в Польше, М. Маткович в Югославии).

Постепенно все большее развитие получает проза, повествующая о страданиях народов под игом фашизма, подпольной и партизанской борьбе. С осмыслением войны, с гуманистической антифашистской темой так или иначе связаны все значительные произведения в литературе 40-х — начале 50-х годов — книги писателей Польши (З. Налковская, Т. Боровский, Е. Анджеевский, В. Жукровский), Чехословакии (М. Пуйманова,

П. Илемницкий), Югославии (В. Калев, М. Јалич, Б. Чопич), Болгарии (Л. Стоянов, Г. Караславов, П. Вежинов). Так или иначе — потому что, как уже было сказано, тема эта очень разветвлена, богата сюжетами и конфликтами, а также исторической, моральной и социальной проблематикой, которая зачастую была совершенно новой для литературы. Такие, например, проблемы, как трагизм массового уничтожения людей, жесткий пересмотр и испытание на прочность прежних представлений о морали, достоинстве человека, проблема выбора, принятия решения в остро-конфликтных ситуациях и т. д. ставятся в антифашистской прозе 40-х годов и продолжают разрабатываться в последующие годы.

Антифашистская тема в послевоенной литературе зарубежных славянских стран была продиктована насущной общественной потребностью осмыслить уроки истории. Потребность эта не потеряла своей актуальности и сегодня, много лет спустя после разгрома фашизма. «Гитлеризм давно уничтожен. Однако почва, порождающая фашизм, террористические антинародные режимы, захватнические войны, шовинистическую и расистскую идеологию, еще сохранилась. Такой почвой является империализм»<sup>8</sup>, — писал недавно об актуальности разоблачения фашизма и его идеологии журнал «Коммунист».

Уходящие десятилетия не стирают воспоминаний о драматизме военного времени, о борьбе с фашизмом. Отношение к событиям тех лет в значительной мере определяет облик современной литературы. В 60-е годы и начале 70-х годов происходит новое оживление писательского интереса к периоду войны. В литературе последнего пятнадцатилетия появилось немало произведений, в которых писатели стремятся осветить эту тему под новым углом зрения, добиться как можно большей суровости и беспощадности правды о днях жертв и испытаний, повествования максимально впечатляющего, современного по своему стилю.

Существует много причин обращения писателей разных поколений к эпохе военных лет. Никогда так полно, как в те суровые годы, не проявлялась нравственная сущность человека. Остродраматические и трагические ситуации того времени являются как бы готовой основой художественного конфликта. Но главное, конечно, в другом. Годы войны, господства фашизма, оккупации были для этих стран и годами национальной трагедии, и временем проявления высочайшего героизма патриотов-антифашистов. Они оставили неизгладимый след в памяти народа. Именно поэтому с антифашистской темой связаны, пожалуй, наивысшие художественные достижения послевоенной литературы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Война, оккупация, концлагеря, движение Сопротивления. Они стали для писателей точкой отсчета, критерием оценок, страшным опытом, потрясшим их человеческую сущность. События тех лет выступают в их произведениях как пробный камень, определяющий нравственные устои героя: выдержит ли он ответственный экзамен на звание человека, или поддастся страху и отчаянию и скатится на дно трусости, подлости, предательства.

Те, ставшие уже далекими годы, привлекают не только художников старшего поколения, которое, по словам польского писателя К. Брандыса, сформировалось «в период между двумя войнами, под постоянной угрозой фашистской экспансии, поколения людей, чья жизнь в значительно большей, чем у их предшественников, степени зависела от общих судеб человечества». Они интересуют и тех, кто вырос в послевоенные годы. На материале военных лет писатели разных поколений ставят все новые проблемы,

<sup>8</sup> «Коммунист», 1972, № 17.

период антифашистского Сопротивления приобретает в литературе все новое осмысление.

В литературе последнего пятнадцатилетия сильнее, чем раньше, звучат настроения исторического оптимизма, вера в победу и окончательное очищение мира от фашистской заразы, восхищение людьми, которые в годы неволи не пали духом, не прекратили сопротивления. Скорбь по поводу национальной трагедии сочетается с политическим и социальным анализом событий. Ведущим жанром становится роман, позволяющий крупнее, масштабнее показать основные закономерности действительности, преломленные в человеческих судьбах. Из огромного числа произведений этого плана назовем здесь для примера романы В. Минача и Р. Яшека (Чехословакия), М. Лалича и Ц. Космача (Югославия), Я. Ивашкевича, Т. Конвицкого, Е. Путрамента (Польша), Г. Караславова и Э. Станева (Болгария).

В их произведениях отразились характерные для всей социалистической литературы последних лет черты — тенденции к философско-обобщенной трактовке проблемы личность — общество — история, стремление все стороны и как можно ярче раскрыть нравственно-психологический мир человека. Новый подход к антифашистской теме опирается на уже сложившуюся традицию глубоко реалистического изображения, но вносит в это изображение свежие краски, новые аспекты, анализ нравственных уроков минувшего. Притом не только в произведениях непосредственно о событиях военного времени. Война вторгается и в произведения, посвященные современности, помогая проследить влияние прошлого на настоящее. Картины минувших лет в них переплетаются с изображением событий наших дней. Драматические уроки истории влияют и на сегодняшние представления о нравственных ценностях.

В то же время антифашистская литература продолжает оставаться ареной идеологической борьбы. В некоторых произведениях можно встретить такие чуждые социалистическому искусству черты, как деформация личности, подмена активного сознания подсознательными ассоциациями, философия отчуждения, одиночества человека и т. д. Пессимистическая экзистенциалистская концепция истории и человеческого существования как безнадежно трагического абсурда приводит к отказу от познания объективного смысла явлений, годы войны и движение Сопротивления выступают в этом случае лишь как катализатор, обнаруживающий зло, извечно заложенное в человеческой натуре. О живучести подобной трактовки темы борьбы с фашизмом, например у ряда югославских писателей, свидетельствует недавнее высказывание сербского критика П. Палавестры: «Для многих писателей... война стала символом человеческого несчастья и зла, вознесшихся над человеком, темой, в которой фиксировались и решались вечные мотивы человеческой экзистенции, существования и уничтожения»<sup>9</sup>.

Аналогичные явления можно наблюдать в разные периоды послевоенного развития литературы и в польской прозе (особенно в конце 50-х годов, в пору активного проникновения в польскую литературу модернистских концепций), и в литературе Чехословакии во время идеологического кризиса в конце 60-х годов.

Но, разумеется, не эти явления определяют роль антифашистской темы и вносимого ею круга проблем в развитие литературы европейских социалистических стран. Книги антифашистской направленности в этих странах не только рассказывают о победе над гитлеризмом, они отражают

<sup>9</sup> П. П а л а в е с т р а. Послератна српска книжевност. 1945—1970. Београд, 1972, стр. 222—223.

становление нового мировоззрения, принятие идей социализма борцами-антифашистами и широкими народными массами, они показывают роль Советского Союза в деле укрепления мировой социалистической системы, в деле борьбы за мир, демократию и прогресс во всем мире, они утверждают идеи подлинного гуманизма и интернационализма.

Таким образом, эпоха антифашистской борьбы во многом определила характер и направление истории человечества и развитие культуры в XX веке, она наложила неизгладимую печать на весь духовный облик современного человека. Ее пафос, ее заветы живут и развиваются в передовой литературе, служат надежным компасом все новым поколениям писателей в их поисках подлинного смысла человеческого существования, в их борьбе за все более полное воплощение идеалов гуманизма.



*И. В. ШАВЛОВСКАЯ*

## КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В СЛАВЯНСКОЙ ПОЭЗИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Поэзия периода второй мировой войны, в том числе поэзия славянских народов, дает очень интересный материал с точки зрения воплощения в ней подлинно гуманистической концепции человека.

Условия, в которых развивались славянские литературы Сопротивления, во многом неодинаковы. Однако антифашистское подполье и народный фронт — фактор общий и для тех стран, где Сопротивление приняло массовый характер (Польша, Югославия), и там, где оно было значительно затруднено (монархо-фашистская Болгария, клерикально-националистская Словакия, протекторат Богемии и Моравии). Особые условия в нашей стране определили массовый характер героизма советских людей. В целом же единство гражданских позиций широких народных слоев в славянских странах, выступивших под руководством коммунистических партий на борьбу против фашизма, позволяет в плане сравнительного сопоставления выявить некоторые общие моменты в создании поэзией тех лет образа идеальной личности. Поскольку русская поэзия периода второй мировой войны исследована наиболее полно и разносторонне, в данной работе использован в первую очередь материал других славянских литератур.

Эпоха Сопротивления в историко-литературном аспекте представляет важнейший этап, отмеченный торжеством реализма и высокого воинствующего гуманизма. Продолжая лучшие традиции революционного искусства, в частности периода 20—30-х годов, славянские литературы Сопротивления в свою очередь оказали животворное воздействие на литературу социалистического реализма.

Период второй мировой войны, относительно короткий по времени, но поистине глобально поставивший проблему человека во многих его философских измерениях, по-новому поставил и проблему человеческого идеала. Он полемичен по отношению к экзистенциалистскому истолкованию человека, где часто не делается принципиального различия между тем, где сражаться, — на стороне фашистов или против них. Подобные теории и ныне весьма популярны среди интеллигенции Запада. С другой стороны, герой антифашистского Сопротивления формируется в поэзии и как альтернатива нацистскому типу, воплощавшему культ силы и расового неравенства, поправшему гуманизм и этические каноны добра.

Поэзия Сопротивления воспела героя-антифашиста, сознательного борца за идеалы гуманизма. Ее стихи и образы продолжают свою благород-



ную миссию и в наши дни, когда тенденция дегероизации нередко проявляется в работах реакционных буржуазных историков, трактующих последнюю войну как столкновение по-своему правых сторон и тем самым уравнивающих прогрессивное с реакционным, а героическое с низменным.

Известные тенденции дегероизации можно обнаружить и в нашей критике, хотя здесь они носят совершенно иной характер. О растворении героического в обыденном пишет А. Бочаров в интересной книге «Человек и война», исследующей гуманистические основы советской военной прозы: «Слова „героизм“ и „подвиг“ становятся синонимом всего хорошего, чем обладает советский человек, — доброты, трудолюбия, идейной убежденности, заботы о людях, — что в ряде случаев ведет уже к... утере критериев героизма истинного»<sup>1</sup>.

Заметим, что в подобном отношении к героическому можно усмотреть реакцию на монументальное и слащаво-помпезное изображение героя, иногда присутствовавшее в искусстве первых послевоенных лет. Продиктованное самыми возвышенными эмоциями, оно не было свободно от фальши, ибо лишало героя человеческого. Приподнятый на пьедестал и застывший в холодном металле и камне, такой герой скорее был отражением представлений о нем, часто идеализированных, и тем самым упрощавших, как это ни парадоксально, самую суть подвига, самое содержание героического. А слабости, в преодолении которых часто и сказывается сила духа, порою вовсе отсутствовали в таких произведениях. И тем не менее с «растворением» героического нельзя согласиться. В этом нас убеждают образы героев антифашистской поэзии периода второй мировой войны (у болгар Вапцарова, Андреева, Кюлявкова; поляков Броневского, Яструна; чехов Неймана, Галаса; словаков Есенского, Краля, Новомеского; поэтов Югославии Зогвича и Чопича; русских Тихонова, Суркова; белорусов Коласа, М. Танка).

Каким содержанием наполняла поэзия Сопротивления образ идеального героя эпохи? Его можно определить так: антифашист — борец — герой. Но поскольку движение к героическому действию было естественным и необходимым, чаще всего отражение идеала человеческой личности в поэзии Сопротивления достигается через показ подвига. Следовательно, понятие идеала личности и понятие героического порою выступают как почти равнозначные.

Категория героического в теоретическом плане имеет много неясного и противоречивого: «героизм понимается по-разному: как экстаз, как осознанный долг, как слепая жертва, инстинкт, пренебрежение к бытию, подвиг во имя жизни»<sup>2</sup>. Неизбежно встает вопрос о том, насколько героическое предопределено самой структурой произведения или же оно всецело зависит от социально-идеологического аспекта? Эстетическая или этическая это категория?

Теоретическое обоснование героического, которое можно вывести на основании анализа как поэзии Сопротивления, так и немногочисленных выступлений того времени, носивших литературоведческий характер, позволяют сделать вывод, что героическое, как правило, понималось в то время довольно конкретно и определено.

Оно выступало как отражение объективной потребности эпохи, как специфическая форма проявления человеческих характеров.

<sup>1</sup> А. Б о ч а р о в. Человек и война. «Советский писатель», 1973, стр. 261.

<sup>2</sup> В. Щ е р б и н а. Пафос героического. В кн. Литература великого подвига. М., 1970, стр. 77.

Подвиг во имя Родины рассматривался в поэзии как высший моральный принцип. Любовь и ненависть в их диалектическом единстве составляли его идейную и нравственную основу. А между тем для тех, кто совершал подвиги, героизм зачастую был естественным исполнением долга. Об этом свидетельствуют документы и последние письма казненных.

Ю. Фучик в 1934 г. писал: «Герои пролетариата очень просты и обычны. Их героизм заключается в том, что они делают все, что нужно делать в решительный момент»<sup>3</sup>. А М. Алигер в поэме «Зоя» на вопрос «Что такое героизм?» отвечает: «Я так и не знаю».

Защита отечества требовала максимального напряжения духа, подчас сверхвозможного, когда «недостаточно быть просто патриотом, надо еще быть патриотом действующим», как писала подпольная «Леттр Франсез». Суть героизма часто виделась в выходе за пределы обычного для мирного времени понимания долга:

Но есть такое слово «выстоять»,  
Когда и выстоять нельзя...

И. Эренбург

Изменился привычный критерий значимости жизни — смерть стала необходимой. Влюбленный в жизнь и остро чувствующий прекрасное герой в то же время готов пожертвовать ею, потому что:

Без перамогі свет не мілы.  
Калі не я, жыць будзе усё ж  
Земля, што нас с табой расціла.

М. Сурначев. «Раздумье»

Концепция героя эпохи, созданная поэзией Сопротивления не только в масштабах общеславянских, но общеевропейских и шире, совпала с образом борца против фашизма, отдающего жизнь за свободу. Это человек высоких нравственных идеалов, четко осознающий величие цели антифашизма, ведущий бой «ради жизни на земле». Он защищает гуманность и добро, которые, пожалуй, труднее всего было сохранить, уберечь от жестокости фашизма.

Воспевая нескгибаемое мужество партизан в стихотворении «Железное племя», болгарский поэт Веселин Андреев отмечает их подлинную человечность:

И челюсти сводил нам гнев,  
Возмездье было нам отрадой,  
Священной мезтью опьянев,  
Врагов мы били без пощады.  
Но продолжали сохранять  
Мы в сердце нежность, веря в чудо,—  
Любимая, отец и мать,  
И дети были с нами всюду.

Пер. М. Зенкевича

В условиях войны на первом плане оказались этические вопросы. «Перед нами стоит огромная задача: укрепить этические нормы. За событием мы часто не замечали человека», — писал И. Эренбург в статье «Слово — оружие»<sup>4</sup>.

Словацкий поэт Ян Костра в 1939 г. призывает сказать «нет» компромиссу:

Не отступить, когда рукою смерти  
За горло схвачен. Не позорить рот  
Трусливым криком. Волны словно черти.  
Не бросить руль. Навстречу водоверти  
Недрогнувшей рукою направить плот.

Пер. М. Еремينا

<sup>3</sup> Ю. Фучик. Избранное. М., 1973, стр. 222.

<sup>4</sup> «Новый мир», 1944, № 1—2, стр. 213.

С. К. Нейман в страстном монологе обращается к чехам:

Лишь о тебе, народ, все помыслы мои,  
Лишь о тебе, народ,  
Не измени!  
На край наш тьма ползет,  
Изменишь ли своей отчизне,  
Сиянью правды, детям, жизни?  
Не измени!

Пер. М. Павловой

Злободневность этих строк в протекторате Богемии и Моравии неоспорима. Стихи сборника «Бездонный год» Неймана, такие как «Всяк дорожит своею шкурой», «И гордым будь», стихи Ф. Галаса «1 Мая 1942», «Праге» в самое мрачное время противостояли яду фашистской идеологии.

Не случайно вопросы этики занимают много места в этюдах Ю. Фучика, например, рассуждения о предательстве К. Сабины отчасти предвосхищают противопоставление «людей — людишкам» в «Репортаже с петлей на шее».

Борец-антифашист непобедим своей верой в жизнь, преданностью идеалам:

Есть предатель — мерзкое слово,  
И при нем содрогаюсь я,  
Кровь в лицо мне бросается, словно  
По щеке хлестнули меня.

Н. Вапцаров. «Слова»

Этический критерий в определении героя крайне важен. Во многом именно он обусловил актуальность военной темы в современных литературах.

Не случайно в советской литературе недавно чрезвычайно популярной книгой оказалась повесть о войне Б. Васильева «А зори здесь тихие». По утверждению ряда буржуазных литературоведов, эта тема давно и безнадежно устарела. И вдруг на фоне остросовременных сюжетов и проблем обращение к военной действительности становится подлинным открытием. Тяга к героике неразрывно связана с народным представлением об идеальной личности.

Наряду с политической и идеологической актуальностью, тема антифашистской борьбы позволяет также осмыслить и углубить представления о человеке, связанные с самоотверженным исполнением долга, с новой трактовкой героизма. В образе героя-антифашиста литература военных лет представила героическую концепцию личности.

Духовное превосходство личности героя воспринималось не как нечто исключительное, а как развитие лучших свойств изначальной природы человека, что позволяло видеть в героизме перспективу, возможную для каждого.

Суровая военная действительность рождала подвиги, порой превосходившие самый смелый вымысел, поэтому поэзия часто обращалась к факту, документу. Героическое в ней воплощается как в образах конкретных героев, так и в обобщенно-собираательных образах страны (Сербия в стихотворении М. Алечкович, Белоруссия у П. Бровки), города (Ленинград в творчестве В. Инбер, Варшава в стихотворении Т. Холлендера).

В поэзии Сопротивления выражается потребность в единстве субъективного и объективного, приводя к переосмыслению обычных представлений о жертве. Героизм, определяемый благородством цели, возможен только среди тех, кто ведет справедливую войну.

Белорусский поэт Д. Астапенко в 1943 г. писал:

Паклянемся любіць наш край!..  
Паклянемся, што ў нашыя сэрцы  
Не ўкрадзеца ні страх, ні адчай,  
Ні спалох немінучае смерці.

...  
Той, хто вырас на гэтай зямлі,  
Хто ўсмактаў яе цяжкія сокі,—  
Ведай: час і пара надышлі  
На геройства, на подзвіг высокі.

Противоречие между субъективным и объективным естественно становится источником безысходного трагизма. Неопределенность положительного идеала писателей «потерянного поколения» привела к появлению целой галереи «жертв» в литературе 20-30-х годов. В своего рода классической для этой литературы книге слово «герой» понимается иронически (Р. Олдингтон — «Смерть героя»).

Напротив, славянская поэзия Сопротивления уверенно утверждает бессмертие героя:

Нет гибели тем, кто в муках идет  
с гордо поднятой головой.

«Словенская песнь» К. Дестовник-Каюх, пер. А. Суркова

Эти слова могли бы быть эпиграфом ко многим стихам славянских поэтов: Н. Вапцарова, Я. Коласа, А. Кулешова, И. Горы, А. Твардовского, Я. Костры, Ф. Краля и др. В стихотворении сербского поэта Б. Чопича «Песня мертвых бойцов Пролетарской бригады», написанном после гибели одного из батальонов, где сражался брат поэта, говорится о горсточке партизан, вступивших в бой с превосходящими силами врага. «Человек не становится меньше от того, что ему отрубают голову», — писал Ю. Фучик в одном из последних писем.

Бессмертие героя утверждают прекрасные строки стихотворения Р. Зоговича «Хотя они и не придут»:

... Но в отчизне моей они живы,  
В людях, что ад истребления такой же прошли  
вместе с ними,  
В детях, что получили их имена при рождении...  
Знайτε же сердцем — они на земле, на которую пали,  
Они говорят и живут, хоть никогда не придут к нам!

Пер. Н. Тихонова

На фоне экзистенциалистских интерпретаций героизма как действия, заранее обреченного на провал, значение антифашистской поэзии, показавшей величие и бессмертие подвига осознанного, совершенного во имя высокой цели, проступает особенно убедительно.

Создавая эпический и лирический образ героя-антифашиста, поэзия Сопротивления углубляет национально-исторические традиции, постоянно апеллируя к самым боевым и славным страницам прошлого. Так появляются образы Яна Гуса и Разина, Стефана Караджа и Яношика, К. Калиновского и Чавдара.

Словацкий поэт-коммунист Ф. Краль пишет свою песню «Партизанская» (1944) в ритме, созвучном приближающейся победе:

Выше скал — возмездья знамя,  
Гнев народный все грозней.  
Слава Яношика с нами,  
Кривда сникнет перед ней.

Пер. В. Корчагина

Стремление подчеркнуть национальное своеобразие вызвано в ряде литератур (чешская, польская) горячим порывом к свободе и независимости. Убежденный патриот, герой славянской поэзии Сопrotивления предстает интернационалистом, осознающим единство судеб славянских народов. Погибший в 1944 г. белорусский поэт Д. Астапенко в своей повести в стихах «Ганна», созданной незадолго до гибели, объединяет судьбы польки из-под Ченстохова, чеха Анджея и белорусской девушки. А Владислав Броневский в стихотворении «Сын завоеванной нации» (октябрь 1939 г.) восклицает:

Варшава, прекрасная, гордая, славны твои руины.  
Измученные кирпичины хочу целовать и трогать.  
Руку мне дай, Белоруссия, руку мне дай, Украина!  
Серп и молот свободы дайте мне на дорогу.

Пер. В. Слуцкого

В утверждении гражданского идеала поэзия Сопrotивления стремится к сдержанно-суровому и простому языку. В публичной лекции, прочитанной 22 августа 1944 г. в концертном зале имени Чайковского, поэт Алексей Сурков сказал: «До войны многие из нас, причастные к так называемым агитационно-публицистическим жанрам поэзии, нередко злоупотребляли громкими лозунговыми фразами и обилием восклицательных знаков заменяли внутреннюю решительность и убедительность поэтического слова. И в начале войны некоторые поэты пытались перекричать пушки. Однако самый ход войны сметает со страниц нашей печати шелуху барабанны. Война определила свои законы звучания стиха»<sup>5</sup>.

Это, конечно, не санкционирует аскетизм литературы, а скорее свидетельствует о стремлении поэта быть максимально правдивым, постоянно проверять свой стих самой реальностью, не терпящей декоративности.

Просто и даже обыденно говорит о гибели Никола Вапцаров в последнем стихотворении, написанном за два часа до расстрела 23 июня 1942 г.

Борьба так беспощадна и жестока  
Борьба, как говорят еще, эпична.  
Я пал. Другой меня сменил и... только,—  
Исчезла лишь какая-то там личность.  
Расстрел, а вслед расстрелу — черви,  
И все это так просто и логично...  
Но знай, народ, с тобой в отрядах первых  
Пойдем вперед мы в буре необычной!

Пер. Н. Тихонова

Вместе с тем, рассказывая о подвиге, поэзия романтически возвышала его, придавая ореол величественности, утверждая духовное превосходство героя. И это закономерно. Диапазон героического в поэзии Сопrotивления необычайно широк. В ней переплелись гражданские мотивы и лиризм, возвышенный трагизм и глубокая нежность, романтическая приподнятость и яркий национальный колорит.

Огромно воспитательное значение поэзии героического пафоса, воспевшей подвиг народа в боях и сражениях. Судьбы героически погибших поэтов: поляка Т. Холлендера, чеха И. Явора, болгарина Х. Кырпачева, словака В. Копечного, русского Н. Кульчицкого, белоруса Н. Сурначева и многих других — стали примером высокого гражданского служения.

«Поэзия есть подвиг,— писал А. Сурков.— Обязательно, чтобы поэт болел душой, видя, как по московской улице проходят почерневшие от

<sup>5</sup> А. С у р к о в. Советская поэзия в дни Отечественной войны. М., 1944, стр. 11.

горя, пропыленные беженцы... Война не терпит противоречия между словом и делом. В призыве к смертному подвигу читатель должен учуять сердцем готовность автора к героическому самопожертвованию»<sup>6</sup>. Такое неразрывное слияние общественного и личного, народа и поэта, демонстрирует славянская антифашистская поэзия.

Итак, в категории героического с одинаковой значимостью проявляются как этические, так и эстетические факторы.

Поэзия Сопротивления славянских стран представила новый аспект героического, усилив классовую суть протеста. Героическое питается и революционными традициями. Истоки героизма советского народа непосредственно восходят к годам революции и гражданской войны. В славянских странах героизм антифашистов предвосхищает социальные преобразования будущего, о котором мечтали в подполье и эмиграции лучшие сыны Чехословакии, Болгарии, Польши, Югославии. «Эпоха Сопротивления выдвинула свой общественный идеал, по сути дела социалистический... Слияние национально-освободительных мотивов с социальным — характерная черта литературы Сопротивления»<sup>7</sup>, — пишет Ф. Наркирьер.

Таким образом, утверждение нового литературного типа — героя-антифашиста, воплотившего лучшее в Человеке, является исторической заслугой поэзии Сопротивления славянских стран.

<sup>6</sup> Сб. «Живая память поколений». М., 1965, стр. 30.

<sup>7</sup> «Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы (1939—1945)». М., «Наука», 1972, стр. 10.



В. ТИХОМИРОВА

## АНТИФАШИСТСКАЯ ТЕМА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

К осмыслению событий второй мировой войны в социально-историческом плане стремятся писатели разных стран, разных поколений и творческих ориентаций. Гуманистическая, антифашистская тема в той или иной мере звучит во всех крупнейших произведениях послевоенной литературы.

Наряду с этим встречаются книги, в которых сложные философско-этические проблемы последней войны решены с позиций реакционной идеологии. Так, в работах многих западноевропейских писателей отсутствует историческая перспектива в трактовке военной тематики, основной целью произведения становится проповедь крайнего индивидуализма, фатализма, отрицается целесообразность действительной борьбы с фашизмом.

Этой реакционной литературе противостоят произведения, созданные прогрессивными писателями. Многие из них вошли в сокровищницу мировой литературы.

Значительный вклад в антифашистскую литературу внесли и польские писатели. По известным историческим причинам тема оккупации и Сопротивления прочно вошла в послевоенную литературную жизнь страны, став в первый период (1945—1948) доминирующей и надолго определив ее облик. В то же время довольно односторонняя трактовка военной проблематики, наблюдаемая в первые послевоенные годы, зачастую приводила к тематической ограниченности как прозы, так и поэзии. Антивоенная литература была неравнозначна и по своему идейно-художественному уровню. Наряду с книгами, принадлежащими перу прогрессивных писателей-антифашистов (Неверли, Анджеевский, Филипович, Путрамент и др.), наряду с произведениями, в основном реалистическими, хотя во многом противоречивыми и полемичными (Боровский), появились сочинения явно реакционного толка, написанные с позиции католицизма, чей пафос определялся религиозными воззрениями автора и неприкрытым национализмом (Жосак-Щуцкая) или проповедью всепрощения (Морцинек).

В польской литературе, осваивающей военную проблематику, с самого начала наметились две основные тенденции в ее решении. В большей части произведений доминировал мотив мученичества польского народа, ставший сквозным в творчестве многих поэтов и прозаиков этого периода. Вторая тенденция определялась стремлением писателей воспеть силу духа и величие подвига человека на войне, дать глубоко правдивое изображение мужественных борцов-антифашистов, утвердить веру в конечную победу гуманности и справедливости. Однако изображение активного сопротивления, выдвигание на первый план героики борьбы было характерно лишь для сравнительно немногих и не всегда достаточно весомых с



художественной точки зрения произведений. Выражая драматические переживания народа, польская литература первых послевоенных лет была до предела насыщена атмосферой трагизма, определяющего тональность самых разных ее жанров, в том числе и поэзии.

Решение темы войны и оккупации в современной польской поэзии на каждом временном этапе имело свою специфику. Первым периодом становятся 1939—1944 годы, когда литература выходит на передний край борьбы с фашизмом, а на первое место в ней выдвигается поэзия. Патриотический мотив Сопротивления доминировал в творчестве самых разных поэтов. В нелегальных издательствах выходят сборники стихов Бачиньского, Боровского, Гайцы, Боярского, Строиньского, Тшебиньского и других молодых талантливых авторов, многие из которых впоследствии погибли, сражаясь с гитлеровскими оккупантами. Анонимно печатаются в подпольных изданиях, ходят в списках или тайно переправляются из концлагерей произведения поэтов старшего поколения (Стафф, Галчиньский), вселявшие в читателей надежду на скорое освобождение, веру в неотвратимость победы над фашизмом и возрождение родины. Из эмиграции в оккупированную страну проникает гражданственно-публицистическая лирика Тувима, Броневского, Яструна, Слонимского, Шенвальда, помогая сражающейся Польше в ее борьбе против нацизма, укрепляя стойкость и мужество передовых сил польского народа. Поэзия периода оккупации отличалась особым накалом патриотизма и высокой гражданственности, сознанием значительности происходящего, решением сложных вопросов гуманизма, морали, ответственности за судьбу Польши. В годы войны поэты обращаются к классическим образцам национальной литературы и прежде всего к традициям польского романтизма, что во многом определяло внешний и внутренний рисунок стиха, его образно-лексический и синтаксический строй. На всей поэзии военного времени лежала тень национальной катастрофы, что придавало ее облику исключительно трагическую окраску. С наибольшей яркостью мотивы катастрофизма воплотились в поэзии Бачиньского.

Второй этап в развитии антифашистской поэзии (1944—1948) связан как с именами поэтов старшего поколения (Стафф, Тувим, Броневский, Яструн), так и с теми начинающими авторами, чей дебют пришелся на вторую половину 40-х годов. Крупнейшим представителем этой новой волны в литературе явился Т. Ружевиц.

В первый период творчество Ружевица формировали воспоминания военных лет. В его поэзии — суровой, аскетичной, лишенной всякого словесного украшения — звучал голос поколения, хотя и уцелевшего в войне, но не избавившегося от кошмаров «эпохи печей». Однако, несмотря на общий трагический настрой первых сборников, Ружевиц не пришел к пессимизму и нигилистическому отрицанию всех ценностей жизни. В предисловии к тому же «Избранной поэзии» (1967) он писал, что его первые послевоенные произведения должны были помочь людям в восстановлении своего материального и духовного мира, разрушенного фашизмом. Эта трудная задача стоит перед поэтом на протяжении всего его творчества. В связи с этим следует отметить поверхностность представлений о Ружевице как о поэте «бессилия и беспомощности», до сих пор не освободившегося от «навязчивой идеи фашистских преступлений» (Сито, Сливоник). Не так давно Ружевиц в интервью для газеты «Жиче Варшавы» (30 VI—1 VII 1974), возражая тем критикам, которые считали самого поэта и все его поколение «зараженными смертью», сказал: «Это... принципиально ошибочная формулировка. Наше поколение было поколением, з а р а ж е н н ы м ж и з н ь ю. Мы бросились в атаку против смерти, которую нес с собой гитлеризм, боролись за свою жизнь и жизнь близких, за достоин-

ство человека, за ценности жизни. Это же поколение после освобождения горячо взялось за работу и так трудится все тридцать лет.

Третий этап в развитии антивоенной темы в современной польской поэзии, начавшийся в середине 50-х годов, связан с нарастающим аналитическим началом в трактовке военной проблематики, со стремлением художников приблизить военную действительность к проблемам сегодняшнего дня, дать на материале минувшей войны морально-философскую оценку событиям нашего времени. В творческой практике ряда современных поэтов наблюдается заметный отход от документализма и непосредственного отражения периода оккупации, в целях более глубокого охвата этой тематики, рассмотрения ее с учетом пути, пройденного польским народом за годы существования народной Польши. Для многих поэтов среднего поколения и тех, кто лишь сейчас утверждает в литературе, обращение к военной тематике служит поводом для более важных обобщений историко-софского плана. В лирике Шимборской, Херберта, Гроховяка, Фицовского, Гжещака минувшая война осмысливается как один из моментов в историческом развитии человечества и становится важным, хотя уже не главенствующим элементом собственной поэтической модели современного мира. Вполне понятно, что в творчестве таких ярких, самобытных индивидуальностей, какими являются эти поэты, освоение данной проблематики идет различными путями.

Значительные изменения произошли в содержании поэзии Ружевица. После опубликования поэмы «Равнина» (1954) воспоминания прошлого в его лирике отесняются на второй план, автор «Беспокойства» становится поэтом иной войны — за личность в современном мире. Постоянное ощущение своей причастности к событиям времени, поиски выхода из трагического тупика отчужденности людей в современной действительности — вот что является предметом серьезного разговора Ружевица с читателем, определяет идейную направленность многих его стихотворений.

К числу тех, кто борется за сохранение гуманистических и культурных ценностей, относится и Херберт. Его трактовка антивоенной тематики резко контрастирует с «поэтикой молчания» Ружевица, приближаясь к историко-софской концепции поэтов-катастрофистов. Так, по верному определению Квятковского, одним из слов-ключей этой поэзии является слово «камень», ассоциирующееся с безжизненным пейзажем военных лет. Однако Херберт сумел выйти за рамки трагически-пессимистических мотивов катастрофизма, он настойчиво ищет и находит моральные и эстетические ценности на другом полюсе жизни — в мире прекрасного, в мире искусства. Другой важной особенностью лирики Херберта является контрастная комбинация военных и апокалиптических мотивов. Такая многоступенчатость композиции не только модифицирует каждую из тем, но и увеличивает образную насыщенность произведения, способствует созданию экспрессивной целостности и драматизма.

Иначе подходит к военной проблематике Шимборская, трактуя ее в присущей поэтессе аналитико-рационалистической и в то же время исключительно тонкой, лиричной манере. Тема армии в творчестве Гжещака постоянно перекликается с мотивами современного города, цивилизации и техники. Своеобразно трактуется военная тема в поэзии Фицовского, где прихотливо переплетаются фантастика и обыденность, причудливые сказочные ассоциации и конкретные реалии действительности, не умолкают отголоски последней войны. С активизацией антифашистской темы в современной польской поэзии связано и оригинальное поэтическое творчество Гроховяка. Одна из последних его работ — публицистическая поэма «Танец смерти в Польше», написанная в форме трагического монолога обреченного на смерть немецкого солдата,

звучит суровым напоминанием о том, что забвение уроков истории может обернуться новыми бедствиями для человечества.

Ретроспективный взгляд на события второй мировой войны становится непременным условием лирико-философского освоения мира, неотъемлемой частью идейно-художественного арсенала поэтов всех поколений, в том числе самых молодых мастеров слова, таких как Загаевский, Корнхаузер. Именно эту особенность современной польской поэзии выделял в качестве доминанты поэт Зб. Ежина, когда писал, что трагедию Освенцима и Майданека невозможно осознать в течение жизни одного поколения, что пережившие войну способны лишь на ее описание и только следующие поколения отважатся дать ее полный синтез, смогут осмыслить опыт прошлого на высшей ступени рефлексии.

Глубокая заинтересованность проблемой войны у каждого нового поколения польских писателей, качественно новый поворот в ее философско-художественной интерпретации определили тот факт, что антифашизм стал сегодня внутренним критерием творчества каждого серьезного художника, ярким проявлением его нравственной позиции, стал атрибутивным свойством всей польской литературы и самое главное — мерой значительности и глубины ее содержания.



С. ГРИНБЕРГ

## ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В БОЛГАРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1900—1912 гг.)

С начала XX в. фабричная промышленность Болгарии вступает в новую фазу развития, которую можно определить как промышленный подъем. Рост крупной капиталистической промышленности становится одной из основных тенденций в развитии экономики страны.

Следует сказать, что вопросы развития болгарской промышленности привлекали внимание многих болгарских буржуазных историков и экономистов, собравших значительный фактический материал по истории некоторых промышленных центров и районов, отдельных отраслей промышленности, экономической политике государства и т. п.

Однако, как справедливо отмечено в первом томе многотомного обобщающего труда «Экономика Болгарии», «болгарская буржуазная историография сделала сравнительно мало для изучения хозяйственной истории Болгарии в период от Освобождения до 1912 г.... она... оставила без внимания или осветила неправильно ряд важных проблем экономического развития страны и не дала ни одной обобщающей монографии об этом периоде»<sup>1</sup>.

Созданная выдающимися болгарскими марксистами Д. Благоевым, Г. Димитровым и В. Коларовым марксистско-ленинская концепция развития капитализма в Болгарии детально развивалась в исследованиях болгарских историков и экономистов — Д. Косева, Ж. Натана, Л. Борова, Х. Христова, Я. Йоцова и др. К сожалению, в марксистской историографии пока нет еще специального исследования развития капиталистической промышленности Болгарии в рассматриваемый нами период.

Настоящая статья представляет собой попытку определить основные тенденции и особенности развития крупной капиталистической промышленности в Болгарии начала XX в. — аграрной стране, с наступлением эпохи империализма оказавшейся в экономической зависимости от империалистических держав.

Особенности развития болгарской фабричной промышленности в начале XX в. обуславливались рядом взаимодействующих факторов. С одной стороны, в Болгарии в это время в основном завершается процесс первоначального накопления капитала и, таким образом, складываются основные условия, необходимые для развития крупной капиталистической промышленности: наемная рабочая сила, капитал и внутренний рынок.

<sup>1</sup> «Икономика на България», т. I (Икономика на България до социалистическата революция). София, 1969, стр. 300.

С другой стороны, в основных европейских странах к этому времени завершается переход к монополистической стадии капитализма. В начале XX в., когда, как указывает В. И. Ленин, «капитализм превратился в империализм»<sup>2</sup>, Болгария становится объектом острой борьбы между империалистическими державами, стремящимися превратить ее в сферу приложения капиталов и закрепить в качестве своего аграрно-сырьевого придатка.

Развитие капиталистической промышленности в Болгарии в известной степени определялось также и экономической политикой болгарского буржуазного государства. Получила свое дальнейшее развитие политика протекционизма и поощрения крупной промышленности, которую болгарское правительство начало проводить с середины 90-х годов XIX в. Таможенный тариф 1904 г.<sup>3</sup>, носивший ярко выраженный протекционистский характер, и заключенные на его основе торговые договоры с европейскими государствами<sup>4</sup>, а также законы о поощрении отечественной промышленности от 1905 и 1909 гг.<sup>5</sup>, несмотря на их недостатки несомненно стимулировали развитие крупной капиталистической промышленности.

Для развития капиталистической промышленности в начале XX в. характерно ускорение темпов роста крупных промышленных предприятий. Эту тенденцию отметил Д. Благоев уже в 1905 г. В статье «Капиталистическое развитие и социализм» он писал, что «крупная промышленность, то есть капиталистическое развитие Болгарии, не только прогрессирует, но прогрессирует в последние годы очень быстро»<sup>6</sup>. В другой своей статье («Крупная промышленность и рабочий класс в Болгарии»), написанной весной 1908 г., Д. Благоев констатировал, что «промышленное развитие усиливается с 1901 года, главным образом в последнее пятилетие»<sup>7</sup>.

Хотя в Болгарии промышленная статистика учитывала лишь наиболее крупные предприятия, поощряемые государством, тем не менее данные этой статистики характеризуют развитие болгарской фабричной промышленности в целом, ибо этими предприятиями почти исчерпывалась крупная промышленность в тех отраслях, которые пользовались покровительством закона. Пользуясь этими и другими данными, мы попытаемся осветить также особенности развития некоторых отраслей промышленности, которые государством не поощрялись.

Развитие поощряемой государством промышленности за 1900—1912 гг. представлено в табл. 1<sup>8</sup>.

<sup>2</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 317.

<sup>3</sup> «Доклад до негово величество Фердинанд I от министерския съвет». София, 1912, стр. 193; S. H. A. B. a. d. j. e. f. f. Die Handelspolitik Bulgariens. Leipzig, 1910, S. 62.

<sup>4</sup> А. Яранов. Стопанска политика на България (от 1878 до 1928). София, 1934, стр. 166; Н. Пиперов. Икономическа България в миналото и настоящето, т. I. Лейпциг, стр. 120—121.

<sup>5</sup> «Дневници на XIII Обикновено народно събрание (ОНС)». II редовна сесия. София, 1905, стр. 2622—2627; «Дневници на XIV ОНС», I редовна сесия, кн. VIII. София, 1909, стр. 3195—3204; «Държавен вестник», 1905, № 66, 26 III 1909, № 53, 10 III.

<sup>6</sup> Д. Благоев. Съч., т. 9, стр. 388.

<sup>7</sup> Там же, т. 12, стр. 545.

<sup>8</sup> Источники: Д. Яблански. Каква трябва на бъде икономическата политика на България — изобщо и частно — спремо съседните ѝ държави. «Списание на Българското икономическо дружество» (далее — СБИД), 1901, год. V, кн. 4—5, стр. 222; «Доклад до негово царско височество българския княз Фердинанд I от министерския съвет». София, 1907; Ж. Йорданов. Преброяване на индустриите, насърчавани от държавата, СБИД, 1906, год. X, кн. 5—7; «Статистически годишник на Българското царство, 1912». София, 1915, стр. 181—188, 189—193; «Enquête sur l'industrie encouragée par l'état en 1909». Sophia, 1913.

Таблица 1

Годы	Кол-во предприятий	Основной капитал в тыс. левов	Число рабочих	Мощность механических двигателей в л. с.	Годовая продукция в тыс. левов
1900	103	19 823	4 716		
1904	166	30 697	6 149	8 977	32 777
1907	207	53 962	7 646		41 503
1909	266	66 032	12 943	21 801	78 317
1911	347	82 061	15 061	27 146	115 575
1912	389	94 953	15 569	32 421	115 087 *

\* Некоторое снижение стоимости продукции в 1912 г. по сравнению с 1911 г. объясняется тем, что ряд предприятий прекратили работу в связи с начавшейся осенью 1912 г. первой Балканской войной.

Из табл. 1 видно, что количество цензовых промышленных предприятий возросло за 12 лет в 3,8 раза. Как показывают статистические данные наиболее быстро увеличивалось количество предприятий в металлообрабатывающей промышленности — с 5 до 37 (в 7,4 раза), пищевой — с 32 до 158 (в 5), лесной — с 5 до 22 (в 4,4), химической — с 7 до 30 (в 4,3) и в кожевенной — с 7 до 28 (в 4 раза)<sup>9</sup>.

В несколько раз увеличились и все другие показатели поощряемой промышленности. Так, ее основной капитал увеличился в 4,8 раза. Больше всего он увеличился в металлообрабатывающей промышленности — с 282 до 9382 тыс. левов (в 33,3 раза)<sup>10</sup>, бумажной — с 90 до 1708 (в 19), лесной — с 490 до 3723 (в 7,6), химической — с 595 до 3797 (в 6,4) и в горной — с 774 до 4435 (в 5,7 раза)<sup>11</sup>.

Число рабочих увеличилось в 3,3 раза. Здесь также впереди была металлообрабатывающая промышленность — со 101 до 2200 (в 21,8 раза), затем химическая — со 102 до 602 (почти в 6 раз), лесная — со 125 до 657 (в 5,2), бумажная — с 52 до 201 (почти в 4) и пищевая — с 834 до 5202 (в 3,8 раза)<sup>12</sup>.

Мощность механических двигателей (в л. с.) за 1904<sup>13</sup>—1912 гг. возросла в 3,6 раза. Более всего в металлообрабатывающей промышленности — с 43 до 1368 л. с. (в 31,8), бумажной — с 26 до 446 (в 17,1), горной — с 71 до 757 (в 10,6), кожевенной с 93 до 754 (в 8,1) и керамической — с 218 до 1612 л. с. (в 7,4 раза)<sup>14</sup>. Увеличилась и средняя мощность одного двигателя, а также число предприятий, имеющих механические двигатели, и общее количество последних. В 1904 г. средняя мощность одного механического двигателя составляла 20,8 л. с., а в 1912 г. — 47,3 л. с. В 1904 г. имелось 431 механических двигателей, применявшихся на 117 из 166 предприятий (70,5%), а в 1912 г. их было уже 685 на 369 предприятиях из 389 (94,8%). За эти же годы увеличилось количество таких

<sup>9</sup> Д. Я б л а н с к и. Там же, стр. 222; «Статистически годишник...», стр. 181—182.

<sup>10</sup> Действительное увеличение основного капитала и других показателей в металлообрабатывающей промышленности было значительно меньшим, ибо в данные за 1900 г. не включены самые крупные предприятия — государственные.

<sup>11</sup> Данные для горной промышленности за 1904—1912 гг. см. Д. Й о р д а н о в. Преброяване на индустриите..., стр. 327—328; Д. Я б л а н с к и. Там же, стр. 222; «Статистически годишник...», стр. 183—184.

<sup>12</sup> Д. Я б л а н с к и. Там же, стр. 222; «Статистически годишник...», стр. 185—186.

<sup>13</sup> Данных о мощности механических двигателей за 1900 г. нет.

<sup>14</sup> Д. Й о р д а н о в. Преброяване на индустриите..., стр. 417; «Статистически годишник...», стр. 183—184.

механических двигателей как паровые машины, электромоторы и двигатели внутреннего сгорания: паровых машин с 120 до 228, а электромоторов и двигателей внутреннего сгорания — с 40 до 340<sup>15</sup>.

Об усилении технической оснащённости поощряемой промышленности свидетельствуют данные двух промышленных переписей об удельном весе капитала, вложенного в машины и оборудование, в общей сумме основного капитала. Если в 1904 г. капитал, вложенный в машины и оборудование<sup>16</sup>, составлял 28% всего основного капитала, то в 1912 г. — 53,4<sup>17</sup>.

Абсолютный рост поощряемой промышленности сопровождался концентрацией производства. Это прослеживается при сопоставлении уже приведенных данных о росте количества предприятий с другими показателями. Так, если за 1904—1912 гг. число предприятий увеличилось в 2,3 раза, то их основной капитал увеличился в 3,1, число рабочих — в 2,5, мощность механических двигателей — в 3,6, стоимость годовой продукции — в 3,5 раза. Таким образом на одно предприятие в 1912 г. в среднем приходилось основного капитала, рабочих, мощности механических двигателей и готовой продукции больше, чем в 1904 г.

Процесс концентрации производства подтверждают также данные двух переписей ценовой промышленности 1904 и 1909 гг., говорящие о снижении удельного веса мелких предприятий в общем количестве предприятий — с 58,2 до 44,5%, а в общей сумме основного капитала — с 11,6 до 7,9%, при увеличении общего количества мелких предприятий (с основным капиталом менее 100 тыс. левов) с 96 до 117 (на 21,9%).

За этот же период количество средних предприятий (с основным капиталом от 100 до 500 тыс. левов) увеличилось как абсолютно, так и относительно. В 1904 г. было 56 средних предприятий (34% всех предприятий) с 10 952 тыс. левов основного капитала (35,7%). К 1909 г. их стало 115 (на 105,4% больше), их доля в общем количестве предприятий составила 43,7%, а основной капитал достиг 24 812 тыс. левов, увеличившись на 126,5% и составив 37,6% всего основного капитала.

Значительно быстрее росло количество крупных предприятий (с основным капиталом свыше 500 тыс. левов). В 1904 г. их насчитывалось 13 (7,8% всех предприятий) с основным капиталом в 16 187 тыс. левов (52,7% всего основного капитала), а в 1909 г. — 31 (на 138,5%), причем их доля в общем количестве предприятий выросла до 11,8%. Основной капитал их составил 35 974 тыс. левов (увеличившись на 122,2%), а его доля во всем основном капитале — 54,5%.

В то же время количество самых крупных предприятий (с основным капиталом более 1 млн левов) возросло в 3 раза (с 4 до 12), однако сумма их основного капитала увеличилась только в 2,3 раза (с 9807 до 22 367 тыс. левов). Таким образом удельный вес крупнейших предприятий возрос с 2,4 до 4,6% (на 91,7%), а удельный вес их основного капитала увеличился с 31,9 до 33,9% (только на 6,3%)<sup>18</sup>. Все эти данные свидетельствуют о том, что в ценовой промышленности происходила концентрация производства.

<sup>15</sup> Д. Йорданов. Преброяване на индустриите..., стр. 416; «Статистически годишник...», стр. 183—184.

<sup>16</sup> Без капиталов, вложенных в машины и оборудование в горной и пищевой промышленности, так как данные о них отсутствуют.

<sup>17</sup> «Enquête...», р. 35—36; I. S l a w o f f. Beitrag zu der Frage der ausländischen Kapitalien in Bulgarien. Erlangen, 1909, S. 47; Ch. R u s s e f f. Die Fortschritte der staatlich unterstützten Fabrikindustrie in Bulgarien, Halle, 1914, S. 91.

<sup>18</sup> Д. Йорданов. Преброяване на индустриите..., стр. 329; «Enquête...», р. 44; Ch. R u s s e f f. Ibid., S. 93; G. E n t s c h e f f. Die Industrie Bulgariens mit besonderer Berücksichtigung der Mehl — und Wollindustrie. Zürich und Leipzig, 1915, S. 121.



Можно отметить некоторые особенности концентрации промышленного производства в Болгарии. Хотя удельный вес мелких предприятий уменьшился, их абсолютное число продолжало расти. Следовательно, концентрация производства происходила не столько за счет вытеснения мелких предприятий, сколько за счет более быстрого роста средних и крупных предприятий. Крупные предприятия, опережая средние по темпам количественного роста, вместе с тем отставали от них по темпам роста основного капитала. Поэтому удельный вес основного капитала средних и крупных предприятий во всей сумме основного капитала ценовой промышленности остался в 1909 г. примерно на том же уровне, как в 1904 г. Это свидетельствует о замедленных темпах процесса концентрации производства.

Что касается уровня концентрации производства болгарской промышленности, то следует учитывать относительность приведенных выше данных. Действительно, хотя в 1909 г. 11,8% всех ценовых предприятий сосредоточивали 54,5% основного капитала ценовой промышленности, однако по настоящему крупных предприятий среди них было мало. Как уже отмечалось, в 1909 г. только у 12 предприятий основной капитал превышал 1 млн левов, среди них было только два предприятия с капиталом более 3 млн левов. Всего на двух предприятиях число рабочих превышало 500 человек и только на одном было более тысячи рабочих<sup>19</sup>. Следовательно, степень концентрации производства была низкой.

Важнейшим условием концентрации производства являлась централизация капитала. В рассматриваемый нами период процесс централизации капитала ускорился по сравнению с предыдущими годами. Ведущей формой централизации капитала и организации болгарской промышленности становятся акционерные общества, ставшие организационной формой наиболее крупных промышленных предприятий.

Промышленные акционерные общества начали возникать вскоре после освобождения страны от турецкого ига и к началу XX в. их было уже довольно много. По подсчетам С. Бочева, за период 1880—1901 гг. в Болгарии было основано 131 акционерное общество, из них 32 промышленных, а в 1902—1912 гг. — соответственно 139 и 69. Большинство промышленных акционерных обществ появилось в последние годы этого периода: в 1910—7, в 1911—19, в 1912—19, всего — 45 обществ; причем они создавались как в поощряемой, так и в непоощряемой промышленности<sup>20</sup>. Часть этих обществ, по-видимому, прекратила свое существование, так как, по данным А. Чакалова, в 1912 г. в Болгарии насчитывалось всего 192 акционерных общества, из них промышленных — 98<sup>21</sup>.

Капитал промышленных акционерных обществ, по приблизительным данным Ю. Иванова и Д. Йорданова, за 1902—1912 гг. вырос с 13 395 до 44 779 тыс. левов, или в 3,3 раза<sup>22</sup>. Хотя в последние три года рассматриваемого периода удельный вес акционерных предприятий в болгарской промышленности увеличился, все же в 1912 г. акционерный капитал составлял несколько менее половины основного капитала поощряемой промышленности.

<sup>19</sup> См. «Enquête...», р. 44, 74.

<sup>20</sup> С. Б о ч е в. Акционерного дело в България. В кн. «Акционерного дело в странство и у нас». София, 1925, стр. 285—289, 292, 294, 296—301.

<sup>21</sup> А. Ч а к а л о в. Форми, размер, дейност на чуждия капитал в България (1878—1944). София, 1962, стр. 53.

<sup>22</sup> Ю. И в а н о в. Нашите ценни книги през 1902 година. СБИД, 1904, год. VIII, кн. 4, стр. 228, 231—235, 238—240, 242—254, 255—257; Д. Й о р д а н о в. Преглед на българските дружества и банки, 1922. София, 1923, стр. 141—508.

Материалы переписей поощряемой промышленности за 1904—1910 гг. позволяют более точно определить место акционерного капитала в болгарской промышленности. По их данным число акционерных обществ в поощряемой промышленности возросло с 26 в 1904 г. до 37 в 1909 г., а их основной капитал — соответственно с 14 574 до 24 969 тыс. левов<sup>23</sup>.

В 1909 г. по сумме основного капитала акционерные предприятия занимали первое место среди всех других форм предприятий — 37,8% всего основного капитала поощряемой промышленности; на долю же частных предприятий приходилось 23,1, собирательных обществ — 29,1, командитных обществ — 7,5, государственных предприятий — 2,5%. Акционерные предприятия были самыми крупными. Основной капитал, пришедшийся в среднем на одно предприятие, составлял в 1909 г. для частных предприятий — 163,9 тыс. левов, собирательных обществ — 167,4, командитных обществ — 308, а для акционерных обществ — 674 тыс. левов<sup>24</sup>.

Акционерные предприятия были также лучше оснащены технически. В 1909 г. доля капитала, вложенного в машины, в общей сумме основного капитала составляла: на предприятиях, принадлежавших частным собственникам — 44,4%, собирательным обществам — 50,6, командитным обществам — 44,3, акционерным обществам — 64,3%<sup>25</sup>.

Рост числа акционерных предприятий и суммы акционерного промышленного капитала является несомненным показателем утверждения наиболее передовых форм организации болгарской промышленности.

Известно, что концентрация производства на определенном уровне своего развития ведет к образованию монополий. В. И. Ленин указывал, что «концентрация, на известной ступени ее развития, сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии. Ибо нескольким десяткам гигантских предприятий легко прийти к соглашению между собой, а с другой стороны затруднение конкуренции, тенденция к монополии порождается именно крупным размером предприятий»<sup>26</sup>.

Как уже отмечалось, концентрация производства в Болгарии до Балканских войн шла медленно. Она еще не достигла той степени, которая подводит «вплотную к монополии». Тем не менее в рассматриваемый период под влиянием проникавшего в страну иностранного капитала в некоторых отраслях болгарской промышленности возникли монополистические объединения.

Более или менее достоверные сведения у нас имеются только о двух монополистических объединениях — в пороховой и табачной промышленности.

В 1909 г. владельцы трех пороховых заводов (из 6 имевшихся) в целях сохранения высоких цен на порох основали «Синдикат пороховых заводов Болгарии» с резиденцией в Габрове<sup>27</sup>. О деятельности порохового синдиката нам ничего не известно. Что же касается заводов, которые он объединял, то это были небольшие предприятия. По данным К. Попова, в 1909 г. основной капитал всех шести пороховых заводов составлял 568 тыс. левов, число рабочих — 67 чел., мощность механических двигателей — 99 л. с., стоимость годовой продукции — 346 тыс. левов<sup>28</sup>.

<sup>23</sup> Д. Йорданов. Преброяване на индустриите..., стр. 415; «Enquête...», р. 46.

<sup>24</sup> «Enquête...», р. 46.

<sup>25</sup> Ibid., р. 50.

<sup>26</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 311—312.

<sup>27</sup> СВИД, 1910, год. XIV, кн. 9—10. Хроника, стр. 744. G. E n t s c h e f f. Ibid., S. 177. Д. Йорданов считает, что объединение пороховых заводов произошло в 1910 г. (см. Д. Йорданов. Принос за промишлената история на града София. София, 1928, стр. 21).

<sup>28</sup> К. Попов. Стопанска България. София, 1916, стр. 353.

В табачной промышленности в 1909 г. насчитывалось 63 предприятия<sup>29</sup>, в основном мелких, которые не удовлетворяли быстро растущий спрос на табачные изделия.

Группа крупных фабрикантов во главе с итальянским капиталистом, влиятельным членом совета Балканского банка Карлом А. Вакаро, владевшим в Софии большой табачной фабрикой, взяла на себя инициативу создания объединения табачных фабрик, с целью добиться монополии в табачной промышленности.

В августе 1909 г. 52 владельца табачных фабрик основали акционерное общество под названием «Соединенные табачные фабрики» с капиталом в 4 млн левов. Общество начало свою деятельность 1 января 1910 г. Вместо 52 мелких фабрик были созданы четыре крупные фабрики и четыре табачных склада<sup>30</sup>.

Кроме Вакаро, представлявшего Балканский банк, основанный банкирами Вены, Антверпена и Парижа, акционерами табачного общества были также представители Генерального банка (франко-венгерский капитал), Кредитного банка (германский капитал), Парижского Banque de l'Union Parisienne<sup>31</sup>. Все это свидетельствует о прямом воздействии иностранного капитала на создание в Болгарии табачного треста.

Табачный трест занял господствующее положение в табачной промышленности Болгарии: в 1912 г. из 31 табачной фабрики ему принадлежало только пять, но они давали 60% всех табачных изделий, потреблявшихся в стране<sup>32</sup>.

«Соединенные табачные фабрики» — наиболее яркое проявление тенденции к образованию капиталистических монополий в Болгарии. Это была капиталистическая монополия наиболее устойчивого и законченного типа.

Данные о монополистических объединениях в других отраслях промышленности (мукомольной, пивоваренной, спиртовой и текстильной) крайне скудны, неопределенны и противоречивы; подчас они основаны скорее на предположениях, чем на фактах.

Это относится прежде всего к мукомольной промышленности. Наиболее крупные ее предприятия, работающие на экспорт, были сосредоточены в Варненском округе, а Варна была главным портом по вывозу муки. В 1905 г. Варненская торгово-промышленная палата выступила инициатором созыва съезда торговцев-экспортеров муки и владельцев мельниц с целью создания мукомольного синдиката<sup>33</sup>.

Такой съезд состоялся в апреле 1906 г.<sup>34</sup> В резолюции съезда рекомендовалось создать специальный комитет, который вместе с руководством варненской торгово-промышленной палаты должен изучить вопрос о создании синдиката и заботиться об интересах мукомольной промышленности<sup>35</sup>.

Достоверно ничего не известно о том, был ли создан мукомольный экспортный синдикат в действительности. Единственное упоминание о суще-

<sup>29</sup> «Доклад до негово височество...», стр. 215; «Статистически годишник...», стр. 368.

<sup>30</sup> Ж. Натан, Л. Беро в. Монополистическият капитализъм в България. София, 1958, стр. 94.

<sup>31</sup> См. там же, стр. 63, 94.

<sup>32</sup> «Доклад до негово величество Фердинанд I от министерския съвет», 1912, стр. 208.

<sup>33</sup> «Юбилеен сборник на търговско-индустриалните камари в царството». София, 1920, стр. 316.

<sup>34</sup> Ж. Натан и Л. Беро в без оснований утверждают, что не известно, был ли созван этот съезд (см. Ж. Натан, Л. Беро в. Там же, стр. 93).

<sup>35</sup> См. Г. Т. Д. Мелничарският конгрес в Варна. СБВД, 1906, год. X, кн. 1, стр. 35—41; G. E n t s c h e f f. Ibid., S. 193—194.

ствовании синдиката мы находим у Д. Йорданова<sup>36</sup>. Никаких данных о его составе и деятельности Д. Йорданов не приводит. Ссылаясь на Д. Йорданова, Ж. Натан и Л. Беров утверждают, что синдикат был создан в 1906 г. Они пишут, что «по-видимому», синдикат вначале охватывал только варненские мельницы, обосновывая это свое предположение тем, что в 1910 г. варненские владельцы мельниц избрали совет, которому было поручено содействовать картелированию всех мукомольных предприятий Болгарии<sup>37</sup>.

Нам существование мукомольного экспортного синдиката представляется спорным. Трудно представить, чтобы деятельность такого синдиката прошла совершенно незамеченной и не нашла никакого отражения в экономической литературе, в том числе и в специальных исследованиях о мукомольной промышленности Болгарии. Отметим кстати, что в хронике, опубликованной в журнале Болгарского экономического общества в 1910 г., отмечается, что в Болгарии существовало четыре картеля, при этом мукомольный картель не упоминается<sup>38</sup>.

Спорным является также вопрос об образовании монополистического объединения в пивоваренной промышленности. По сведениям Г. Данаилова, в 1907 г. владельцы пивоваренных заводов на съезде в Софии учредили общество пивоваренных заводов<sup>39</sup>. По-видимому, Д. Йорданов, утверждая, что в 1908 г. был образован картель пивоваренных заводов<sup>40</sup>, имеет в виду это общество. Никаких сведений о составе и деятельности картеля Йорданов не сообщает. Что же касается общества пивоваренных заводов, то имеющиеся в нашем распоряжении весьма скудные сведения о его деятельности не дают оснований считать его картелем<sup>41</sup>. Пивоваренный картель не включен и в упомянутую выше хронику, опубликованную в журнале Болгарского экономического общества.

В начале XX в. болгарские спиртозаводчики<sup>42</sup> создали синдикат с целью установления единых цен на спирт. И хотя о его деятельности у нас нет никаких сведений, известно, что этот синдикат существовал до 1910 г.<sup>43</sup>

Был создан синдикат и текстильной промышленности. Как сообщает Д. Мишайков, еще в конце XIX в. владельцы фабрик шерстяных тканей с целью монополизации выгодных поставок военному ведомству создали синдикат, в который входили 10 фабрик — пять сливенских, две габровских и по одной в Самокове и Карлове<sup>44</sup>. Этот синдикат был одним из первых монополистических объединений в болгарской промышленности.

Об этом синдикате упоминает также и Я. Чакалов<sup>45</sup>, однако ничего не известно ни о его деятельности, ни о продолжительности существования. По-видимому, он существовал сравнительно недолго. Известно, что в октябре 1910 г. на собрании текстильных фабрикантов в Софии обсуждался вопрос о создании нового синдиката по поставкам шерстяных тканей для армии. Об этом пишут Ж. Натан и Л. Беров, ссылаясь на печать того

<sup>36</sup> Д. Йорданов. Принос за промишлената история..., стр. 21.

<sup>37</sup> Ж. Натан, Л. Беров. Там же, стр. 93.

<sup>38</sup> См. СБИД, 1910, год. XIV, кн. 9—10, стр. 744.

<sup>39</sup> Г. Т. Данаилов. Стопански преглед. СБИД, 1907, год. XI, кн. 6, стр. 388.

<sup>40</sup> Д. Йорданов. Принос за промишлената история..., стр. 21.

<sup>41</sup> «Юбилеен сборник...», стр. 436.

<sup>42</sup> Я. Чакалов в 1902 г. писал, что спиртозаводчики «недавно» образовали синдикат (см. Я. Н. Чакалов. Търговските договори на България от 1897 година на насем. СБИД, 1902, год. VI, кн. 2, стр. 115).

<sup>43</sup> См. СБИД, 1910, год. XIV, кн. 9—10. Хроника, стр. 744.

<sup>44</sup> Д. Мишайков. Очерк на фабричната вълнена индустрия в България. СБИД, 1904, год. VIII, кн. 7—8, стр. 560—561.

<sup>45</sup> Я. Чакалов. Там же, стр. 115.

времени, в которой сообщалось, что синдикат тогда же, в октябре 1910 г., был «образован» (кавычки принадлежат Ж. Натану и Л. Берову. — С. Г.). Вместе с тем они указывают, что, по сведениям Д. Йорданова, договор о создании синдиката не был подписан, так как часть фабрикантов отказалась к нему присоединиться, а потому был образован только частичный картель<sup>46</sup>. Об образовании текстильного синдиката сообщают также Г. Энчев и А. Цанков, но никаких данных о нем не приводят<sup>47</sup>. Таким образом, подробных и убедительных данных об этом синдикате или картеле, как его называет Цанков, не имеется, и это признают Ж. Натан и Л. Беров<sup>48</sup>.

Мы считаем, что в отношении некоторых отраслей промышленности правильнее говорить о попытках создания монополистических объединений, чем об их действительном существовании. Кроме того единичные монополистические объединения, образовавшиеся в этот период, не играли заметной роли в болгарской промышленности в целом. Ж. Натан и Л. Беров, определяя стоимость продукции картелированных предприятий в болгарской промышленности в 1911 г. в 35 млн левов (25% стоимости продукции всей болгарской промышленности), явно преувеличивают их удельный вес. Правда, они приводят оговорку, что указанная ими цифра является, по их мнению, максимальной и весьма ненадежной и что без текстильного картеля, сведения о котором неточны, продукция картелированных предприятий составляла только 18% продукции всей промышленности<sup>49</sup>. Эти расчеты, построенные на предположениях, нам представляются малообоснованными, тем более, когда речь идет об объединениях, само существование которых является проблематичным.

Характеризуя сущность и отличительные черты капиталистических монополий, В. И. Ленин указывал, что на высокой ступени концентрации производства и капитала образуются «монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни»<sup>50</sup>. В Болгарии появившиеся в начале XX в. промышленные монополии, если даже согласиться с данными об их удельном весе, которые приводят Ж. Натан и Л. Беров, в хозяйственной жизни страны не играли решающей роли.

Таким образом, первые промышленные монополии в Болгарии не были, как правило, результатом высокой степени концентрации производства; в отдельных случаях своим появлением они были обязаны влиянию иностранного монополистического капитала. Небольшое число монополий, их малые размеры, неустойчивость, а также весьма ограниченное влияние, которое они оказывали на хозяйственную жизнь страны, свидетельствуют о том, что накануне Балканских войн в Болгарии только наметилась тенденция к образованию промышленных монополий.

В рассматриваемый нами период в Болгарии возникает ряд крупных банков, основанных главным образом иностранным капиталом, и обнару-

<sup>46</sup> Ж. Натан, Л. Беров. Там же, стр. 94—95.

<sup>47</sup> G. E n t s c h e f f. Ibid., S. 210. А. Цанков. България след войната. СБИД, год. XVII, 1914, кн. 2—3, стр. 114.

<sup>48</sup> Ж. Натан, Л. Беров. Там же, стр. 95.

<sup>49</sup> См. там же. В первом томе «Икономика на България» (см. стр. 386). Л. Беров приводит те же цифры, оговариваясь при этом, что они основаны на предположениях и что это «оценка максимальная». Следует отметить, что точку зрения Ж. Натана и Л. Берова на роль монополистических объединений в промышленности Болгарии накануне Балканских войн полностью разделяет Ст. Цонев. Более того, он еще в большей степени, чем они, преувеличивает эту роль, утверждая, что в 1911 г. монополистические объединения господствовали в 60% всего промышленного производства Болгарии (см. Ст. Цонев. Държавно монополистическият капитализъм в България. Варна, 1968, стр. 16).

<sup>50</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 386.

живается тенденция к сращиванию банковского и промышленного капитала и образованию финансового капитала. Приводя ряд примеров сращивания банковского и промышленного капитала, Ж. Натан и Л. Беров приходят к выводу, что в Болгарии накануне Балканских войн происходил процесс формирования финансового капитала<sup>51</sup>.

Случаи участия банков в промышленных предприятиях и промышленников в банках известны были задолго до наступления эпохи империализма. Однако В. И. Ленин говорил о слиянии «банковского и промышленного капитала в связи с образованием капиталистических монополий...» и характеризовал финансовый капитал, как «концентрированный в немногих руках и пользующийся фактической монополией»<sup>52</sup>. В Болгарии же промышленные монополии только зарождались, не было и мощных банков, которые распоряжались бы, по выражению В. И. Ленина, «миллиардами и миллиардами»<sup>53</sup>.

В приведенных Ж. Натаном и Л. Беровым примерах сращивания банковского и промышленного капитала в Болгарии в подавляющем большинстве случаев речь идет не о капиталистических монополиях. Никак нельзя назвать монополиями шесть промышленных предприятий, с которыми был связан Болгарский торговый банк, общий капитал которых составлял 4 млн левов и среди которых были мельница, завод по производству рапсового масла и ваксы и т. п. То же следует сказать и о большинстве предприятий, которые были связаны с другими болгарскими банками. Таким образом, отдельные факты сращивания банковского и промышленного капитала в Болгарии, имевшие место до Балканских войн, едва ли можно считать образованием финансового капитала.

Касаясь степени развития болгарского капитализма, Ж. Натан и Л. Беров утверждают, что иностранный монополистический капитал, ускоряя переход к монополистическим формам капитализма в Болгарии накануне Балканских войн, тем самым «косвенно ускорял и процесс з а г н и в а н и я (разрядка моя. — С. Г.) болгарского капитализма»<sup>54</sup>. При этом необходимо иметь в виду, что Болгария была в то время аграрной страной со слабо развитой промышленностью, а болгарский народ страдал не только от капиталистической эксплуатации, но и от недостаточности развития капитализма.

Начало XX в. ознаменовалось дальнейшим проникновением иностранного капитала в промышленность Болгарии. Уже в конце XIX в. сумма иностранного капитала, вложенного в поощрявшуюся государством промышленность, составляла 8753 тыс. левов (или 37,6% всего ее основного капитала)<sup>55</sup>. К 1909 г. эта сумма, согласно данным переписи ценовой промышленности 1910 г., возросла до 14649 тыс. левов (22,2%)<sup>56</sup>, а в 1912 г., по приблизительным подсчетам Ж. Натана и Л. Берова, она равнялась 25—30% всего основного капитала поощряемой промышленности<sup>57</sup>, что составляло, примерно, 24—28 млн левов. Согласно Д. Симидчиеву иностранный акционерный капитал во всей промышленности Болгарии составил в 1912 г. 32 млн левов<sup>58</sup>. Приведенные данные свидетельствуют об определенном уменьшении удельного веса иностранного капи-

<sup>51</sup> Ж. Натан, Л. Беров. Там же, стр. 96—103.

<sup>52</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 350.

<sup>53</sup> Там же, стр. 333.

<sup>54</sup> Ж. Натан, Л. Беров. Там же, стр. 90.

<sup>55</sup> Д. Яблански. Там же, стр. 222; I. S l a w o f f. Ibid., s. 96.

<sup>56</sup> «Enquête...», p. 54.

<sup>57</sup> Ж. Натан, Л. Беров. Там же, стр. 71.

<sup>58</sup> Д. Симидчиев. Чуждите капитали в нашето народно стопанство и техната доходност. София, 1928, стр. 11.

Таблица 2

Отрасли промышленности	Кол-во предприятий	Основной капитал	Число рабочих	Мощность механических двигателей	Годовая продукция
Горная	1,6	4,7	12,9	2,3	4,5
Металлообрабатывающая	9,5	9,9	14,1	4,2	5,9
Керамическая	6,2	8,0	11,0	5,0	3,6
Химическая	7,7	4,0	3,9	1,8	3,0
Лесная	5,7	3,9	4,2	3,4	1,1
Кожевенная	7,2	3,2	3,4	2,3	5,4
Бумажная	1,5	1,8	1,3	1,4	0,7
Электроэнергетическая	0,5	7,4	0,3	26,9	1,2

тала в общей сумме основного капитала, вложенного в болгарскую промышленность.

В то же время уменьшается и удельный вес иностранного капитала, вложенного в промышленность, в общей сумме иностранных капиталовложений в Болгарии. За 1900—1912 гг. общая сумма ввезенного банковского и промышленного капитала увеличилась с 10 до 81 млн левов<sup>59</sup>; из них в 1900 г. только на ценовую промышленность приходилось 87,5% всей суммы (8753 тыс. левов), тогда как на акционерный промышленный капитал приходилось лишь 39,5% общей суммы вложенного капитала (32 млн левов) в основном в промышленность, то к 1912 г. они сосредоточились преимущественно в банках.

Все это было следствием усиления экспансии банковского капитала в эпоху империализма, приносившего более высокие прибыли. Возрастание удельного веса иностранного капитала, вкладываемого в банки и займы, усиливало финансовую и экономическую зависимость Болгарии и способствовало консервированию ее промышленной отсталости. Западноевропейские банки, выкачивая из Болгарии огромные прибыли, тем самым обескровливали ее экономику, препятствуя накоплению капиталов внутри страны. В целом, проникновение иностранного капитала, хотя в определенной степени оно и способствовало развитию отдельных отраслей промышленности, в конечном счете задерживало развитие производительных сил Болгарии.

Важнейшей особенностью развития болгарской промышленности следует считать ее однобокость. В поощряемой государством промышленности в начале XX в. преобладали две отрасли — пищевая и текстильная. На них в 1912 г. приходилось 60,1% предприятий, 57,1 основного капитала, 48,9 рабочих, 52,7 мощности механических двигателей и 74,6% стоимости годовой продукции всей поощряемой промышленности. Пищевая промышленность (по всем этим показателям, кроме числа рабочих) значительно превосходила текстильную<sup>60</sup>. Если же учесть огромное количество мелких мельниц и табачные предприятия, не поощрявшиеся государством, то удельный вес всей пищевой промышленности в промышленности в целом окажется еще большим.

Соотношение указанных показателей (в %) для других отраслей поощряемой промышленности видно из табл. 2<sup>61</sup>.

Наряду с перечисленными поощряемыми отраслями следует отметить, кроме табачной, о которой речь шла выше, еще одну отрасль промышлен-

<sup>59</sup> «Материалы по истории на Българската комунистическа партия». София, 1955, стр. 70.

<sup>60</sup> «Статистически годишник...», стр. 183—188.

<sup>61</sup> Там же, стр. 181—188.



ности, не поощрявшуюся государством — полиграфическую. В начале XX в. полиграфическая промышленность также развивалась высокими темпами. Число типографий выросло с 25 в 1891 г. до 164 в 1910 г. и до 181 в 1913 г. Больше всего типографий было в Софии: в 1910 г. — 33, в 1913 г. — 40. Они были наиболее крупными: в 1910 г. на их долю приходилось 61,9% типографских рабочих и 49,2% печатных машин всей полиграфической промышленности. Некоторые из них были крупными капиталистическими предприятиями. В то же время в 1910 г. 131 типография ( $\frac{4}{5}$  общего числа), разбросанные по 54 провинциальным городам, за исключением типографии в Пловдиве, представляли собой мелкие предприятия, в подавляющем большинстве без механических двигателей<sup>62</sup>. Таким образом, полиграфическая промышленность, хотя и являлась одной из важных отраслей болгарской промышленности, все же в целом еще не вышла из стадии мелкого капиталистического производства.

Анализ структуры болгарской промышленности обнаруживает в ее развитии черты, типичные для экономически отсталых, аграрных стран: преобладание легкой и пищевой промышленности, незначительный удельный вес тяжелой промышленности, зачаточное состояние производства средств производства.

Однoboкoe развитие болгарской промышленности объясняется не только влиянием иностранного капитала, в нем повинна и болгарская буржуазия. Накопленные в стране капиталы устремлялись преимущественно в кредитное дело и в торговлю, а также в предприятия легкой и пищевой промышленности, где они быстрее оборачивались и приносили большую прибыль, чем капиталы, вложенные в тяжелую промышленность.

Для болгарской промышленности было характерно также неравномерное размещение по стране. В начале XX в. идет процесс концентрации промышленных предприятий в определенных районах, а также все более отчетливо выявляется их промышленная специализация.

К 1912 г. в Тырновском, Софийском, Варненском и Пловдивском округах размещалось 60,7% всех поощряемых государством промышленных предприятий, тогда как в Видинском, Врачанском, Кюстендилском и Шуменском — лишь 9,5%<sup>63</sup>.

В трех наиболее развитых в промышленном отношении округах (Софийском, Тырновском и Варненском) в 1909 г. было сосредоточено 61,2% основного капитала, 57,1 рабочих и 56,7 стоимости годовой продукции всей поощряемой промышленности. На первом месте среди этих округов стоял Софийский: 38,5% основного капитала, 36,8 рабочих и 25,7 стоимости годовой продукции поощряемой промышленности<sup>64</sup>.

Наиболее крупными промышленными центрами в 1909 г. были София с окружающими ее селами, где находилось 38 ценовых предприятий, Русе — 25, Габрово — 20, Сливен с близлежащим селом Сотир — 18, Варна с селом Гебедже — 16, Пловдив — 14 предприятий<sup>65</sup>. Наряду со старыми центрами промышленного производства, такими, как Сливен и Габрово, выросли новые промышленные центры, которые вместе с тем стали крупнейшими городами Болгарии.

Явно обозначилась и промышленная специализация отдельных районов страны. Так, к 1912 г. только в трех округах (Софийском, Русенском и Варненском) было сосредоточено 62,2% всех металлообрабатывающих

<sup>62</sup> М. Б е н м а й о р. Типографското производство в България. СБИД, 1910, год. XIV, кн. 3—4, стр. 232, 235, 248, 253; С. К у т и н ч е в. Печатното производство в София. СБИД, 1914, год. XVII, кн. 4—5, стр. 227, 229.

<sup>63</sup> «Статистически годишник...», стр. 181—182.

<sup>64</sup> «Доклад до негово величество Фердинанд I...», стр. 439.

<sup>65</sup> «Enquête...», р. 3—8.

предприятий, в Софийском и Сливенском округах — почти половина (11 из 24) предприятий керамической промышленности; 83,3% всех предприятий химической промышленности находилось в четырех округах (Софийском, Пловдивском, Варненском и Русенском); 63,2% всех текстильных предприятий — в Тырновском и Бургасском округах. 12 из 22 предприятий лесной промышленности, все шесть бумажных фабрик находились в Софийском и Пловдивском округах; в Тырновском и Софийском округах — 71,4% всех кожевенных заводов. Только предприятия пищевой промышленности, перерабатывавшие сельскохозяйственную продукцию, имелись во всех округах страны <sup>66</sup>.

Таким образом, размещение цензовых промышленных предприятий свидетельствует о том, что развитие крупной промышленности привело к образованию нескольких относительно более развитых промышленных районов, в то время как на большей части территории страны почти безраздельно господствовало мелкое производство.

Болгарская крупная капиталистическая промышленность лишь частично удовлетворяла потребности внутреннего рынка. Объем годовой продукции некоторых отраслей поощряемой промышленности (металлообрабатывающей, химической, бумажной и сахарной) был значительно меньше объема соответствующих импортируемых промышленных товаров <sup>67</sup>. Импортные товары составляли значительную часть продукции текстильной и кожевенной промышленности <sup>68</sup>. Только мукомольная, спиртовая и пивоваренная промышленность полностью или почти полностью обеспечивали потребности внутреннего рынка <sup>69</sup>.

Импорт промышленных товаров и промышленного сырья занимал основное место в болгарском импорте в целом, он непрерывно рос как абсолютно, так и относительно. Так, среднегодовой импорт 14 важнейших видов промышленных товаров и промышленного сырья составил в 1901—1905 гг. 74 081 тыс. левов, или 77,9% всего болгарского импорта, в 1906—1910 гг. — 111 684 (79,6), в 1911 г. — 161 339 (80,1), в 1912 г. — 177 660 тыс. левов (83,4%) <sup>70</sup>.

В то же время, хотя абсолютный объем промышленных товаров, ввозимых в Болгарию, продолжал возрастать, а также увеличивалась их доля в общем импорте, соотношение между количеством импортируемых промышленных товаров и производившихся болгарской цензовой промышленностью изменялось в пользу последних. По данным Г. Энчева, в 1904 г. стоимость продукции болгарской цензовой промышленности составила только третью часть стоимости импортных промышленных товаров, а в 1909 г. — уже 60% <sup>71</sup>. В 1912 г. эта доля повысилась до 73,3% <sup>72</sup>. Это свидетельствует о развитии отечественной промышленности, все больше удовлетворяющей потребности Болгарии в промышленных изделиях.

Продукция крупной промышленности шла главным образом на удовлетворение потребности горожан, составлявших только пятую часть всего населения страны. Основная масса сельского населения все еще удовлетворяла большую часть своих потребностей в промышленных товарах за счет продукции домашнего и ремесленного производства. По приближи-

<sup>66</sup> «Статистически годишник...», стр. 181—182.

<sup>67</sup> Там же, стр. 187, 188, 192—193, 212, 214, 216, 218, 220, 222, 367.

<sup>68</sup> Там же, стр. 187, 188, 192, 193, 218; К. П о п о в. Стопанска България, стр. 331.

<sup>69</sup> «Статистически годишник...», стр. 366.

<sup>70</sup> «Доклад до негово величество Фердинанд I...», стр. 496—497;

<sup>71</sup> «Статистически годишник...», стр. 205, 211, 212, 214, 216, 218, 220, 222, 225.

<sup>72</sup> G. E n s c h t e f f. Ibid., S. 237.

<sup>72</sup> «Статистически годишник...», стр. 187, 188, 205, 211, 212, 214, 216, 218, 220, 222, 225.

тельным подсчетам К. Попова, стоимость годовой продукции всей болгарской промышленности в 1911 г. составила от 441 до 501 млн левов; из них на ремесленное производство приходилось 200—250, на домашнее — 120—130, на фабричное (цензовое и нецензовое) — 121 млн левов <sup>73</sup>. Таким образом, фабричная промышленность давала примерно четвертую часть всей промышленной продукции страны. Несмотря на относительно быстрый рост крупной капиталистической промышленности, мелкое производство занимало в Болгарии вплоть до Балканских войн господствующее положение.

О низком удельном весе промышленности в экономике страны свидетельствуют данные о структуре населения и о национальном доходе. Население (самодельное и иждивенцы), занятое в промышленности, хотя и заметно возросло к концу рассматриваемого нами периода, однако, составляло очень небольшую часть всего населения: в 1900 г. — 363 тыс. чел. (9,7%), в 1905 г. — 361 (8,9), в 1910 г. — 435 (10,0). Примерно  $\frac{3}{4}$  населения страны было занято в сельском хозяйстве: в 1900 г. — 2803 тыс. чел. (74,8% всего населения страны), в 1905 г. — 3109 (77,0), в 1910 г. — 3266 (75,3) <sup>74</sup>. Подавляющее большинство населения страны составляло сельское население: в 1900 г. — 80,1, в 1905 г. — 80,4, в 1910 г. — 80,9% <sup>75</sup>.

Официальных данных о национальном доходе Болгарии нет. По данным К. Попова, он в 1911 г. составлял 1200 млн левов, из которых на сельское хозяйство приходилось 60%, на крупную промышленность, ремесла и транспорт — 14,6, на торговлю, банковское дело, свободные профессии и др. — 25,4% всей суммы <sup>76</sup>. А. Иширков определяет сумму национального дохода Болгарии в 1911 г. в 1649 млн левов, из которых на сельское хозяйство приходилось 56,9%, на промышленность — 12,1, на торговлю, банковское дело и др. — 31,0% <sup>77</sup>. По подсчетам же Вайсс-Бартенштейна, сельское хозяйство Болгарии накануне Балканских войн давало  $\frac{2}{3}$  всего национального дохода страны <sup>78</sup>.

Таким образом, хотя в 1900—1912 гг. крупная капиталистическая промышленность в Болгарии развивалась довольно быстрыми темпами, достигнутый ею к концу этого периода уровень развития все еще оставался низким. В экономике страны она по-прежнему играла подчиненную роль. Сложившаяся к этому времени весьма скромная по своим масштабам крупная промышленность не привела к существенным переменам в экономической и социальной структуре страны. Болгария продолжала оставаться отсталой аграрной страной со слабо развитой промышленностью, в которой преобладало мелкое производство.

<sup>73</sup> К. П о п о в. Стопанска България, стр. 282. Методы подсчета см. там же, стр. 301—303.

<sup>74</sup> «Общи резултати от преброяване на населението в княжество България на 31 декември 1900 г.», кн. II, стр. 4—45, 84—85; «Статистически годишник...», стр. 21; К. П о п о в. Стопанска България, стр. 40; Ж. Н а т а н, Л. Б е р о в, Там же, стр. 21.

<sup>75</sup> «Статистически годишник...», стр. 29.

<sup>76</sup> К. П о п о в. Стопанска България, стр. 455.

<sup>77</sup> A. I s c h i r k o f f. Bulgarien. Land und Leute. Leipzig, 1917, S. 77.

<sup>78</sup> W. K. W e i ß - B a r t e n s t e i n. Bulgariens Volkswirtschaft und ihre Entwicklungsmöglichkeiten. Berlin, 1918, S. 18.



МАРИЯ ТОДОРОВА

## «СИНИЕ КНИГИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БАЛКАН И ТУРЦИИ В 1814—1856 гг.

Объемистые тома английских парламентских дебатов (так называемые «Синие книги») окружены едва ли не магическим ореолом. Это в значительной степени обусловлено тем, что с этой «чудовищной синей армией» трудно иметь дело.

«Синие книги» (хотя отдавая дань точности, нужно заметить, что не все они синие) представляют собой публикации английского парламента<sup>1</sup>. Сюда включены резолюции, ставившиеся на голосование, запросы, дебаты обеих палат, а также материалы, издававшиеся правительственными учреждениями, доклады различных комиссий, рапорты, корреспонденции и т. д. Здесь представлено значительное количество материалов по внешней политике, поступавших в распоряжение парламента. Учитывая роль парламента в общественной жизни Англии, не трудно оценить значение содержащейся в «Синих книгах» информации. Они дают возможность уяснить множество вопросов, относящихся ко внешней политике Великобритании, а также рассмотреть объекты этой политики.

В данной статье мы рассмотрим документы, касающиеся событий<sup>2</sup> на Балканах и в Османской империи в период 1814—1856 гг., нашедших отражение в деятельности английского парламента.

Из нашего обзора четырех десятилетий между Венским конгрессом и Крымской войной мы исключили данные, имеющие непосредственное отношение к подготовке и ходу войны<sup>3</sup>.

Надо заранее подчеркнуть, что документы по проблемам Балкан и Османской империи относятся преимущественно к политической жизни этого района. Если распределить материал по странам, нужно отметить, что

<sup>1</sup> Начало публикации материалов парламентских заседаний положено палатой общин в 1681 г. Каждая палата отдельно публиковала свои дебаты, в основном в связи с различными критическими ситуациями. Систематически они стали издаваться с 1814 г. С 1836 г. введена свободная продажа этих публикаций. Н. Темперлеу, Л. Пенсон. *A Century of Diplomatic Blue Books, 1814—1914*. Cambridge, 1936, p. 1.

<sup>2</sup> В работе мы опирались на вышеупомянутый совместный труд Темперлеу и Пенсона. Это объемистое издание, которое представляет содержание дипломатических материалов в «Синих книгах», является незаменимым проводником по лабиринту многотомной серии. Материал разделен на части, хронологически соответствующие времени деятельности министров иностранных дел. Каждому разделу предшествует краткая характеристика отношения министров иностранных дел к публикации «Синих книг», позволяющая судить о том, насколько полно издавались материалы в данный период и в какой степени можно опираться на представленные документы. Том снабжен именным и предметным указателями.

<sup>3</sup> Вопрос о положении православной и католической церквей в Османской империи, имеющий отношение к Крымской войне, включен постольку, поскольку он затрагивает одну из более широких проблем — положение христиан в империи.

в исследованный период больше всего материалов опубликовано по Греции<sup>4</sup>. Это прежде всего юридические документы о международном урегулировании греческого кризиса — Петербургский протокол от 4 апреля 1826 г., о котором речь пойдет ниже (159), а также Лондонский договор от 6 июля 1827 г. об умиротворении Греции, подписанный Россией, Великобританией и Францией (158, 160). Представляет интерес корреспонденция, относящаяся к раннему периоду восстания, посвященная греческому вопросу и отношениям между Россией и Турцией в период 1821—1822 гг. (417). Эта корреспонденция, однако, не была опубликована в «Синих книгах», а появляется на страницах «British and Foreign State Papers»<sup>5</sup>. В 1830 г. греческим делам посвящен целый том. В него включены протоколы конференций, проходивших в Лондоне с июля 1827 г. по апрель 1830 г., материалы о блокаде Дарданелл и греческого побережья и портов, протоколы Поросской конференции 1828 г., предусматривавшей автономию Греции и устанавливавшей границы по линии Арта — Волос, переписка между Портой и европейскими представителями в Константинополе относительно определения границ Греции и т. д. (171, 176b). В 1832 и 1843 гг. были опубликованы протоколы лондонских конференций по греческому вопросу, относящиеся ко времени до 1837 г. (195, 313) и материалы об урегулировании вопроса о наследственных правах на греческую корону (194, 203, 446). Год спустя после подписания (4 октября 1837 г.) была опубликована торговая и морская конвенция между Великобританией и Грецией (239). Борьба между великими державами за политическое преобладание во вновь созданном государстве порождала их заинтересованность во внутренних делах Греции. Восстание в сентябре 1843 г., в результате которого в Греции была провозглашена конституция, а баварцы были удалены из войск и государственного аппарата, нашло свое отражение в корреспонденции о событиях в Греции, изданной в 1844 г. К середине 40-х годов отношения между Грецией и Великобританией охлаждаются. Англия оказывает на греческое правительство сильное давление с целью удовлетворить свои претензии. Довольно много материалов посвящено спорным вопросам между двумя государствами. Сюда включены иск Финли, англичанина, грекофила и историка греческого восстания, земельный надел которого был конфискован (401f), корреспонденция с «деле Дона Пацифико», португальского еврея и английского подданного, чья собственность была разгромлена толпой афинян, воспользовавшейся бездействием полиции (414), переписка относительно спорной собственности на два маленьких острова<sup>6</sup>, находившихся во время восстания в руках греков и на которые Великобритания претендовала как на прилежащие к Ионическим островам (401—401e). Отношения обостряются до такой степени, что в январе 1850 г. Пальмерстон настаивает на том, чтобы прибегнуть к блокаде Пирея и оккупации обоих островов. В июле 1850 г. между Великобританией и Грецией подписывается конвенция об удовлетворении британских пре-

<sup>4</sup> В свою книгу Темперли и Пенсон включили около 2000 документов, 525 из них относятся к периоду 1814—1856 гг. Из 59 документов по проблемам Балкан и Османской империи 14 касаются непосредственно Крымской войны. В книге дается заглавие документа, указывается сессия, том, страница в серии «Parliamentary Papers». Кроме того, указана дата представления документа парламенту и обозначен характер документа: является ли это ответом на запрос одной из палат или он внесен королем, а также обозначены соответствующие даты. Мы указываем в тексте ту нумерацию документов в скобках, которая дана у Темперли и Пенсона.

<sup>5</sup> Издание этой серии начато в 1825 г., она включала в себя прежде всего опубликованный материал. Однако встречаются и документы, не входившие в «Синие книги». Вначале она предназначалась для распространения исключительно среди дипломатического персонала, но вскоре начала продаваться свободно.

<sup>6</sup> Нынешние острова Элафонисос и Сипиенца.

тензий (407). Здесь же нужно упомянуть о греческом займе. Конвенцией, подписанной 7 мая 1832 г., предусматривался заем греческому правительству в размере 2 400 000 английских фунтов. До 1835 г. грекам дважды предоставлялись суммы из этого определенного конвенцией займа, а срок выплаты оставшейся части зависел от общего решения России, Франции и Великобритании, хотя заем был гарантирован последней. На этой основе осуществлялся нажим на греческое правительство и контроль за его деятельностью. Дважды, в 1836 и 1846 гг., перед парламентом ставился вопрос о предоставлении Греции оставшейся части обещанного займа. По этому поводу была также опубликована обширная корреспонденция (220, 220а, 349).

После разгрома наполеоновской Франции Ионические острова попали под протекторат Великобритании, осуществлявшийся до 1862 г. Первые материалы, касающиеся Ионических островов, включают именно те договоры с Россией, Австрией и Пруссией от 1815 г., которыми устанавливается статус островов (62q). Документы, освещающие вопросы их внутреннего управления, публиковались несколько раз в течение 1821, 1840 и 1853 гг. (102, 266, 441, 441а). Против английского протектората оформилась сильная оппозиция, одним из главных руководителей и выразителей которой становится историк Андреас Мустоксиди (ум. в 1861 г.). Интересен его мемориал, датированный 1839 г., а также ответ на него, изданные в 1840 г., в результате поданного запроса (266а). Данные о положении в этой части Европы можно получить и из материалов о пиратстве в Адриатике (267, 440d).

Турецко-египетский конфликт привлек внимание всей европейской дипломатии. В этот период окончательно оформляется политика Великобритании, направленная на поддержку целостности и неприкосновенности Османской империи. Этого курса Великобритания придерживалась в течение нескольких десятилетий. Имеются материалы о соглашении 1833 г. между Портой и Мухаммедом Али (255), переписка Мухаммеда Али 1838 г. (256) и целый том, содержащий левантйскую корреспонденцию, изданную в 1841 г. Завершает серию Лондонская конвенция о проливах от 13 июля 1841 г., положившая конец этому серьезному конфликту (293).

Самое большое количество документов, имеющих непосредственное отношение к Османской империи, посвящено развитию торговых отношений между двумя странами. Одной из значительных побед английской дипломатии в Константинополе явилось заключение Балта-Лиманского торгового договора 1838 г. Этот договор, к которому еще в том же году присоединилась Франция, а вскоре Россия и почти все европейские государства, по существу означал, что Османская империя открыла свои рынки для развитых европейских стран и отказалась от поддержки местного производства. Торговый договор был представлен английскому парламенту в 1839 г. (253), а переписка о нем публиковалась в 1841, 1842 и 1844 гг. (284, 304, 327а). Здесь нашли место и тарифы, выработанные Англией и Османской империей в 1838 и 1850 гг. (244, 417а).

Обстоятельно представлено в парламентских книгах положение протестантов в Османской империи. При наличии русского покровительства православной церкви, французского — католической, Великобритания, естественно, устремляет свое внимание на протестантство, получившее распространение главным образом среди армян. Это единственный вопрос, относящийся к внутреннему развитию Османской империи, который заинтересовал парламент.

В ответ на запросы с 1841 до 1854 гг. неоднократно публиковалась обширная корреспонденция о положении протестантов в Османской империи (327, 417, 479). В связи с этим в томе документов, освещающих канун

Крымской войны, содержатся и материалы о положении и правах католической и православной церквей в Османской империи (460—466).

Вопрос о судьбе польских и венгерских эмигрантов, участников революции 1848—1849 гг., которые нашли убежище на территории Османской империи, не затрагивал Турцию непосредственно только на первый взгляд. Заручившись поддержкой Великобритании, Порта отказалась выдать по требованию России и Австрии польских и венгерских революционеров. Переписка о венгерских эмигрантах была опубликована в 1851 и 1852 гг. (419а, 434).

Нельзя проследить эволюцию английской внешней политики в XIX в. в отношении Османской империи, не учитывая развития англо-русских отношений. Представляет интерес опубликованная в 1823 г. в «British and Foreign State Papers» корреспонденция о политических и торговых отношениях между Россией и Османской империей (124).

Ункяр-Искелесийский договор был опубликован в 1836 г. (222), а переписка, касающаяся самого договора, появилась позже на страницах «British and Foreign State Papers»<sup>7</sup>. В 1854 г. на страницах этого издания представлены все договоры, заключенные между Россией и Османской империей в период 1774—1849 гг. (467, 474). Свидетельством того, в каком направлении формировалось общественное мнение в отношении России являлось «дело Виксена» (225, 236, 236а). С этим же делом связано имя Дэвида Уркварта<sup>8</sup>. Его переписка с Бекхаусом, помещенная в издаваемом им «Портфолио», в 1836, 1838 и 1839 гг., нашла отражение на страницах парламентских книг в 1848 г. (381). В качестве иллюстрации экономических противоречий между Великобританией и Россией могут служить материалы, посвященные навигации по Дунаю и Сулишскому каналу (450). Россия сознательно не поддерживала навигацию по Сулишскому каналу, преследуя цель помешать успешной конкуренции Галаца в отношении Одессы, а это затрагивало британские торговые интересы<sup>9</sup>.

В рассматриваемый нами период вопросы балканских провинций империи освещались слабо. В 1842 г. в Сербии был свергнут с престола Михаил Обренович, его место занял Александр Карагеоргиевич, поддерживаемый уставобранителями и Россией. Интересно отношение Великобритании к этим событиям. Эбердин, ставший министром иностранных дел, придерживался общей с Россией политической линии, но Стратфорд-Каннинг, влиятельный посол в Константинополе, на практике следовал своей собственной, направленной на поддержку Обреновичей и противодействие России<sup>10</sup>. Все это можно проследить лишь по дипломатической переписке: в 1843 г. вниманию парламента были предложены договоры и хатти-шерифы в отношении Сербии (319), а о Валахии и Молдавии упоминалось лишь постольку, поскольку был опубликован договор между Россией и Османской империей 1849 г. в отношении этих двух княжеств (387).

Что же касается неевропейских владений, то кроме турецко-египетского конфликта в публикации нашло свое отражение и движение в Ливане, руководимое эмиром Баширом, а в 1856 г. были опубликованы документы о претензиях, предъявляемых им к Порте (344).

Наконец, для уяснения некоторых сторон деятельности британской дипломатии на Ближнем Востоке могут служить материалы о деятель-

<sup>7</sup> V. XXIV (1835—1836), p. 1292—1293.

<sup>8</sup> Публицист, знаток Османской империи, написал «Turkey and Its Resources». London, 1833 и др. Известен прежде всего как сторонник крайней оппозиции в отношении России.

<sup>9</sup> M. S. Anderson. The Eastern Question. London, 1966.

<sup>10</sup> E. F. Malcolm-Smith. The Life of Stratford Canning. London, 1933, p. 196—197.



ности британских консульств в Леванте в 1845 г. (341), а также опубликованные в 1854 г. инструкции о покровительстве, оказываемом британским и французским подданным в торговле (461).

Наш обзор был бы неполным и неточным, если бы мы не учитывали, какая часть дипломатических документов нашла отражение в парламентских публикациях. Система публикации парламентских материалов на практике означает доступность их иностранным правительствам<sup>11</sup>. Сам по себе этот факт предполагает определенную политику в отношении публикации в «Синих книгах» парламентских материалов по внешнеполитическим вопросам.

Будучи новшеством в политической практике, издание документов в 1-й половине XIX в. в сравнении с позднейшим периодом в значительно большей степени являлось орудием политики<sup>12</sup>. При этом нужно заметить, что проводимая министрами иностранных дел политика в этот период далеко не идентична. Для того, чтобы можно было в полной мере оценить важность подобного издания и, соответственно, возможность его использования, должен был пройти известный отрезок времени. И если при Кестльри<sup>13</sup> все еще нельзя говорить о сложившейся политике в отношении публикации парламентских материалов, то при его преемнике Каннинге<sup>14</sup> ловко используется то преимущество, которое обеспечивает подобная гласность.

Что же касается собственно восточной политики Каннинга, то сложившаяся практика необходимости информировать о своих действиях парламент и общество послужила ему в качестве предлога для отклонения предложения Меттерниха о созыве европейского конгресса с целью предотвращения опасности военного вмешательства России в поддержку греческого восстания<sup>15</sup>.

Каннинг у Темперли представлен едва ли не жертвой собственной идеи гласности. Одним из особо веских аргументов в пользу этого довода является судьба Петербургского протокола по греческому вопросу от 4 апреля 1826 г.<sup>16</sup>. Обыкновенно он расценивался как большая дипломатическая победа России. Ошибкой Веллингтона считалось допущение включения в протокол ст. III, предусматривавшей возможность односторонних действий со стороны России в отношении Османской империи, что было досадно для Каннинга<sup>17</sup>. Но все это преувеличение. Односторонность действий русских была предусмотрена инструкцией, данной Каннингом Веллингтону перед его отъездом в Санкт-Петербург<sup>18</sup>. Единственно, что действительно вызвало недовольство Каннинга, это слишком быстрое появление протокола в прессе (через неделю после подписания), в то время, как его сначала следовало бы довести до сведения французского, австрийского и прусского правительств и одновременно подготовить английское общественное мнение. Это, разумеется, никак не меняло характера достигнутого соглашения, что же касается самого протокола, то он был представлен парламенту лишь 31 января 1828 г., уже после смерти Каннинга. Подобное имело место и с Лондонским договором о Греции от 6 июля 1827 г., когда Каннинг занимал пост премьер-министра. Впрочем, сам Темперли счи-

<sup>11</sup> Н. Темперлеу, L. Пенсон. Ibid., p. XI.

<sup>12</sup> Ibid., p. XI.

<sup>13</sup> Кестльри — министр иностранных дел в 1812—1822 гг.

<sup>14</sup> Каннинг — министр иностранных дел в 1822—1827 гг.

<sup>15</sup> Н. Темперлеу. *British Secret Diplomacy from Canning to Grey*. «The Cambridge Historical Journal», 1938, v. VI, № 1, p. 4.

<sup>16</sup> Н. Темперлеу, L. Пенсон. Ibid. m. p. 36—37.

<sup>17</sup> M. S. Anderson. Ibid., p. 65—66.

<sup>18</sup> «The Cambridge History of British Foreign Policy», 1923, v. II, p. 90—91.

тает, что оба эти документа, исходя из их содержания, не могли долго оставаться секретными<sup>19</sup>.

Преемником Каннинга на посту министра иностранных дел стал Эбердин<sup>20</sup>. Хотя глава кабинета Веллингтон был враждебно настроен по отношению к публикации государственных документов, это не отразилось на издании материалов, касающихся Греции, которые, как уже говорилось, составили целый том<sup>21</sup>.

В 1830—1834, 1835—1841, 1846—1851 гг. пост министра иностранных дел занимал Пальмерстон. Этот период назван «золотым временем „Синих книг“»<sup>22</sup>. Пальмерстон целиком следовал политике Каннинга в отношении публикации документов в подходящие для Великобритании и неудобные для других государств моменты. Его собственная позиция относительно использования публикации материалов в качестве орудия дальнейшей политики четко сформулирована в следующем заявлении:

«Практика и обязанность правительства заключается в том, чтобы сообщать ту часть сведений дипломатического характера, которая сможет дать ему правильную картину всех главных и существенных обстоятельств. Но не является обязанностью правительства, даже наоборот, было бы нарушением этой обязанности, если бы оно доводило до сведения парламента ту часть корреспонденции, которая содержит исключительно мнения и конфиденциальные сообщения, исходящие от министра иностранных дел и направляемые в адрес представителей за границей и касающиеся других вопросов, разглашение которых нанесло бы большой вред общественному благу»<sup>23</sup>.

Иллюстрацией этого может служить позиция, занятая Пальмерстоном после подписания Ункяр-Искелесийского договора между Россией и Турцией от 8 июля 1833 г. Известия о договоре вызвали бурную реакцию со стороны Великобритании и Франции и стремление обеих помешать его ратификации. Текст договора был давно известен английскому правительству, парламент же был ознакомлен с ним только 7 марта 1836 г. и то лишь после запроса палаты общин от 19 февраля 1836 г. Как уже отмечалось выше, переписка между Великобританией и Россией об Ункяр-Искелесийском договоре, датированная октябрём и ноябрём 1833 г., не попала в число опубликованных парламентских материалов, а запрос, требующий ее представления парламенту, был отвергнут 20 февраля 1836 г.<sup>24</sup>. Широко известна и интерпретация Ункяр-Искелесийского договора, как документа, поставившего Османскую империю в вассальную зависимость от России и отсюда пагубность последствий его заключения для перспектив развития британской торговли и безопасности подступов Англии к Индии. Эти опасения вызывала трактовка тайной статьи договора, оговаривавшая только для России право прохода через проливы. Действительно, начиная с 1833 г. в английской прессе развертывается активная антирусская кампания и именно этот год характеризуется резким углублением англо-русских противоречий и даже «революцией в английской внешней полити-

<sup>19</sup> Н. Темперлеу, L. Пенсон. Ibid., p. 36.

<sup>20</sup> В период 1828—1830 гг.

<sup>21</sup> Темперли и Пенсон считают, что столь исчерпывающая публикация материалов по греческому вопросу была предпринята как контрмера в ответ на публикацию в прессе документов по этому вопросу русским правительством. Н. Темперлеу, L. Пенсон. Ibid., p. 50.

<sup>22</sup> Ibid., p. VIII.

<sup>23</sup> Выступление Пальмерстона в палате общин 1 марта 1848 г. «Hansard Debates», 3-rd Series, XCII, 68. Цит. по Н. Темперлеу, L. Пенсон. Ibid., Appendix, II, p. 567.

<sup>24</sup> Н. Темперлеу, L. Пенсон, Ibid., p. 67 n.

ке в отношении России и Турции»<sup>25</sup>. Несмотря на это, утверждение, что сам Пальмерстон разделял эти опасения, мало вероятно<sup>26</sup>. Скорее, это сознательная спекуляция на страхе перед Россией<sup>27</sup>. Достаточно хорошо известная политика Пальмерстона в отношении «распространения» или «задержки» информации проявляется и при публикации материалов по «делу Вискена». Почти все документы, относящиеся к России, были представлены в ответ на запросы «неохотно»<sup>28</sup>. И в то же время, будучи вынужденным «неохотно» публиковать одни материалы, он «охотно» отказывал в публикации других. Характерной является позиция, занятая в отношении Дэвида Уркварта, отстраненного от дипломатической службы в связи с «делом Вискена». Вопреки настоятельным требованиям парламента дать объяснения по поводу отстранения Уркварта, Пальмерстон сумел отстоять право короны держать в тайне свои соображения. Однако все это не помешало в подходящий момент появиться на страницах парламентских публикаций крайне русофобской корреспонденции Уркварта. Учитывая подобные факты, трудно согласиться с утверждением Темперли о том, что в отличие от Каннинга, который позволял себе противостоять парламентским требованиям опубликовать тот или иной документ, Пальмерстону это удавалось редко<sup>29</sup>. В конечном итоге Пальмерстон при наличии своего «слабого меньшинства» и перед лицом «критической оппозиции» оказывается совсем не таким уж беспомощным<sup>30</sup>.

Показательной также является и так называемая левантийская переписка Пальмерстона. Публикация материалов, связанных с первым турецко-египетским конфликтом 1832—1833 гг., отсрочена до 1839 г. Однако второй кризис 1839—1841 гг. представлен достаточно полно, хотя и там есть значительные отсрочки в публикации документов, объясняемые ображениями политического характера<sup>31</sup>. В целом сравнение с оригинальными документами подтверждает, что наличие купюр не нарушает основной картины. В отличие от довольно подробного освещения упомянутого конфликта «ни причины Крымской войны, ни разразившийся позже Агадирский дипломатический кризис не представлены столь полно в «Синих книгах» того времени»<sup>32</sup>. В то же время опущен ряд обстоятельств, затрагивающих Россию, Австрию и Пруссию, обнародование которых в момент политического сотрудничества с этими странами признавалось нецелесообразным<sup>33</sup>.

Основное внимание обращено на дипломатические материалы, которые освещают прежде всего политику великих держав на Ближнем Востоке, а не внутривосточное развитие этого района. Внутренние проблемы Османской империи и Балкан еще не стали предметом внимания парламента и общественного мнения Англии. Однако именно в этот период растет

<sup>25</sup> J. H. Gleason. *The Genesis of Russophobia in Great Britain*. Cambridge 1950, p. 146.

<sup>26</sup> См., например: M. S. Anderson. *Ibid.*, p. 85.

<sup>27</sup> Показательным в этом отношении является письмо княгини Ливен, адресованное леди Каупер (будущей леди Пальмерстон), отправленное из Парижа 26 февраля 1836 г.: «Наконец лорд Пальмерстон высказал то, что мы всегда знали, но чего он не признавал в свое время: наш договор в Ункяр-Искелеси — ничто, если только мы сами не захотим, чтобы он вступил в силу. Не согласитесь ли Вы, милая, что если бы они открыли это немного раньше, то все мы были бы избавлены от множества недоразумений и бесполезных переговоров». «*The Lieven—Palmerston Correspondence, 1828—1856*». London, 1943, p. 116.

<sup>28</sup> H. Temperley, L. Penson. *Ibid.*, p. 57.

<sup>29</sup> H. Temperley. *British Secret Diplomacy...*, p. 5.

<sup>30</sup> H. Temperley, L. Penson. *Ibid.*, p. 56.

<sup>31</sup> H. Temperley. *British Secret Diplomacy...*, p. 5—6.

<sup>32</sup> H. Temperley, L. Penson. *Ibid.*, p. 82.

<sup>33</sup> *Ibid.*

интерес Великобритании к событиям на Ближнем Востоке и в соответствии с этим активизируется ее политика в этом районе. Расширение торговых отношений с Османской империей, особенно усилившееся после заключения конвенции 1838 г., положило начало систематическому изучению возможностей экономической экспансии в балканские провинции империи. Там учреждаются британские консульства, и обширная консульская переписка отражает многочисленные события внутривосточной жизни. В этом отношении особенно интересны материалы консульств в Белграде, Бухаресте и Галаце, поскольку они освещают внутривосточную жизнь этих полузависимых частей Османской империи, а также проливают свет на попытки британской дипломатии создать в этом районе буферную зону против России<sup>34</sup>. Богатый архив британского посольства в Константинополе дает возможность воспроизвести картину политической жизни в столице империи, а также показать место и роль Великобритании<sup>35</sup>.

Поэтому для исследования периода 1814—1856 гг. парламентские материалы могут иметь вспомогательное значение. Приступая к работе с богатым архивным материалом министерства иностранных дел Англии, исследователь этого периода, не рискует, в отличие от историка более позднего времени, обнаружить значительную часть документов опубликованной.

---

<sup>34</sup> В основном на английском дипломатическом материале построена, например, книга S. K. P a v l o w i t c h. *Anglo-Russian Rivalry in Serbia. 1837—1838. The Mission Colonel Hodges*. Paris, 1961, которая дает широкую картину вмешательства английской дипломатии в дела Сербии.

<sup>35</sup> См. напр. E. F. B a i l e y. *British Policy and The Turkish Reform Movement*. Cambridge, 1942.



Ф. Т. ЖИЛКО

## НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ АТЛАСАХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В процессе работы над созданными и создающимися национальными и региональными атласами славянских языков были выработаны перспективные системы и технические приемы лингвистического картографирования.

Целью данной статьи является рассмотрение некоторых вопросов теории лингвистического картографирования на основе опыта национальных атласов славянских языков, а также описание объектов картографирования, картографических средств и методов картографического изображения, используемых в этих атласах.

В ареальном функционировании языка между лингвистическими элементами одного уровня, относящимися к разным системам, существуют отношения тождества и различия, которые выражаются в виде а р е а л ь н ы х ( д и а л е к т н ы х ) п р о т и в о п о с т а в л е н и й (оппозиций). Членами ареального противопоставления являются парадигматические или синтагматические лингвистические элементы, их соединения (системы, поля и т. д.).<sup>1</sup> Ареальное противопоставление представляет собой минимальную единицу (компонент) ареального лингвистического пространства.

Простейшей, элементарной единицей («клеточкой») лингвистического картографирования является моделирование картографическими средствами ареального противопоставления (различия). Картографическое моделирование ареального противопоставления заключается в построении географической проекции членов противопоставления и отображении их отношений посредством контраста а р е а л с в. А р е а л лингвистического элемента представляет собой пространственно-лингвистическую единицу — абстракцию территории распространения элемента—и является членом картографически моделированного ареального противопоставления в географической проекции последнего на карту.

Ареальное лингвистическое микропространство в географической проекции на карту преобразуется в к а р т о г р а ф и ч е с к о е п р о с т р а н с т в о, которое представляет собой его картографическую модель.

Западноевропейской лингвистической географии в значительной мере свойствен атомизм в определении объектов картографирования и их картографического изображения. Следует отметить, что лингвистическое картографирование по своей природе до некоторой степени атомистично. Ведь картографируются только те элементы системы языка (диалекта), которые являются членами ареальных противопоставлений (различий) на территории, определенной для картографирования. Это, так сказать, внешний атомизм лингвистического картографирования. Но кроме внешнего атомизма картографирования, в национальных атласах западноевропейских

языков отмечается внутренне им присущий атомизм, который характеризуется особенностями картографического видения объектов и их отображением в качестве разрозненных, не связанных между собой определенными отношениями единиц. Этот внутренне присущий лингвистическому картографированию атомизм унаследован от младограмматических концепций языка.

Преодоление внутреннего атомизма лингвистического картографирования выражается в поисках способов картографического изображения объектов в их системно-структурных связях и отношениях, а также в определении самих объектов. Особенно заметно проявилась тенденция преодоления атомизма в лингвистическом картографировании в региональном атласе французского языка в Валлонии<sup>1</sup>. Составители этого регионального атласа (г. Льеж, Бельгия) стремились объекты картографирования изобразить в их связях и отношениях, т. е. во многих планах (фокусах картографического видения). Многоплановость изображения объектов картографирования дает возможность представить их на карте в качестве элементов ареального микропространства.

В лингвистическом картографировании московской школы была поставлена специальная цель преодоления атомизма картографического изображения. Авторы Атласа русских народных говоров в теоретической части опубликованного тома следующим образом определяют эту свою задачу: «картографировать не произвольно оказавшиеся в поле зрения составителей факты языка, а языковые явления как элементы системы языка или, во всяком случае, в связи с системой языка»<sup>2</sup>.

Внутренний атомизм лингвистического картографирования выражается также в единичной лексической репрезентации изображаемых объектов. В национальных атласах ряда западноевропейских языков особенно заметен атомизм лексической репрезентации элементов (явлений) фонетического и морфологического уровней: элементы (явления) фонетического и морфологического уровней картографируются на основе отдельных лексем (слов). Тенденция преодоления атомизма лексической репрезентации путем объединения карт соответствующего явления, отображенного на основе отдельных лексем, отчетливо выражена в Атласе словацкого языка<sup>3</sup>, а также в Атласе украинского языка<sup>4</sup>. Например, в Атласе словацкого языка в т. I серия № 1 объединяет 11 карт с отдельными лексемами — репрезентантами рефлексов \*a, серия VI — 34 карты с отдельными лексемами — репрезентантами рефлексов \*e. Преодоление атомизма лексической репрезентации в Атласе словацкого языка осуществляется также и картографическим способом — при помощи синтетических карт. Объединение единичных репрезентантов в одно картографируемое явление происходит путем синтезирования ареалов, изоглоссы которых образуют отдельные пучки. Например, III серия в т. I насчитывает 48 карт, на которых пред-

<sup>1</sup> Atlas linguistique de la Wallonie, t. 1. Introduction générale. Aspects phonétiques. Par L. Remacle. Liège, 1953; t. 3. Les phénomènes atmosphériques et les divisions du temps. Par E. Legros, 1955.

<sup>2</sup> Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957, стр. 8.

<sup>3</sup> Atlas slovenského jazyka, t. I. Vokalizmus a konsonantizmus. Vedecký red. E. Pauliny. Bratislava, 1968.

<sup>4</sup> Атлас української мови, т. I (Полісся, Середня Наддніпрянина і суміжні землі). За ред. Ф. Т. Жилка (в печати). Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні АН УРСР — Інститут суцільних наук АН УРСР (у Львові); Атлас української мови, т. II (Волинь, Наддністриянина, Закарпаття і суміжні землі). За ред. Ф. Т. Жилка (в печати). Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні АН УРСР; Атлас української мови, т. III, ч. 1 (Слобожанщина, Донеччина і суміжні землі); ч. 2 (Нижня Наддніпрянина, Причорномор'я, Кубань і суміжні землі) (готовиться к печати).

ставлены рефлексы \*ъ, \*ь, и имеет 14 синтетических карт, объединенных путем обобщения их ареалов.

В Атласе украинского языка картографируемые объекты объединяются (независимо от их расположения в программе) в отдельные группы с различной лексической репрезентацией. Каждая группа имеет вначале те карты, где отображены объекты или на практически неограниченной лексической репрезентации или на репрезентации нескольких лексем, а затем следуют карты с изображениями явлений на основе единичных лексем.

Преодоление атомизма лексической репрезентации начинается уже с составления программ (анкет) записи материалов для лингвистических атласов. Определение объектов в картографировании является весьма существенным в лингвистической географии. Атомизм лингвистического картографирования прежде всего зависит от определения объектов в программах (анкетах) записи материалов для атласов. Один из основных принципов структуральных концепций языка — выделение элементов, исходя из их общности, объединенной отношениями тождества и различия, — должен быть положен в основу построения программ (вопросников или анкет) записи материалов для атласов. В наше время ставится задача формулировать вопросы программ записи материалов для лингвистических атласов таким образом, чтобы определялись не только элементы лингвистической субстанции (в планах содержания и выражения), но и отношения между ними, а также только отношения<sup>5</sup>. Это дает возможность определять соединения (системы, поля и т. д.) лингвистических элементов, а также и комплексные объекты разных структурных уровней.

В славянских национальных атласах в основном распространен метод аналитического картографирования (при помощи цветов, значков, заливок площадей, штриховок и изоглосс). Синтетическое картографирование (с помощью транскрипции, т. е. непосредственной записи в пунктах сетки), которое широко распространено в романской лингвистической географии, в национальных атласах славянских языков встречается крайне редко. Например, в Малом атласе польских говоров<sup>6</sup>.

На первых этапах лингвистического картографирования значковый способ изображения применялся преимущественно экстенсивно: для каждого явления избирался отдельный знак, не соотносимый с другими знаками на карте. Подобное применение знаков вело к перегруженности карты, что создавало известные трудности для восприятия (чтения) ее и анализа материалов. Так, в атласе немецкого языка<sup>7</sup> количество знаков на одной карте достигает многих десятков. Например, карта № 21 (4 выпуск) имеет 322 отдельных знака.

По мере развития техники лингвистического картографирования количество отдельных знаков резко уменьшается прежде всего за счет их модификаций. Особенно заметно по пути модификации знаков пошли составители Малого атласа польских говоров. Кроме перечеркиваний контурных знаков, полос в залитых знаках и различной заливки, в польском атласе широко применяются внешние модификаторы знаков — черточки, усики, треугольнички. Распространен также способ модификации знаков путем вписывания одних знаков в другие.

В московской школе лингвистической географии впервые был установлен постоянный набор из довольно ограниченного числа фигурных зна-

<sup>5</sup> Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. «Вопросы языкознания», 1963, № 1, стр. 43.

<sup>6</sup> Mały atlas gwar polskich, t. I, 1957, карты № 11, 45, 47, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1957.

<sup>7</sup> Deutscher Sprachatlas. Unter Leitung von F. Wrede. 23 Lieferungen. Marburg (Lahn), 1926—1956.



ков (со строгой последовательностью их применения), а именно: 1) круг, 2) равносторонний треугольник вершиной вверх, 3) квадрат, 4) ромб, 5) прямоугольник. Если этих знаков оказывается недостаточно, то авторы карт по своему усмотрению подбирают другие фигурные знаки, что на практике случается крайне редко. Была установлена и последовательность модификации знаков путем перечеркиваний: 1) горизонтального, 2) вертикального, 3) горизонтального и вертикального. Подобная последовательность применения фигурных знаков и их модификаций облегчает восприятие (чтение) карт, а главное является основой для применения их в определенных соотношениях. Последнее имеет огромное значение для картографически эксплицитного изображения отношений тождества и различия картографируемых объектов. По образцу московской школы лингвистической географии тождественные фигурные знаки и такой же порядок (последовательность) их употребления применены в Атласах белорусского<sup>8</sup> и украинского языков.

Интересный поиск в применении модификаций фигурных знаков произведен составителями Атласа словацкого языка: полосы и перечеркивания (а также неполная заливка) имеют особую картографическую символику: вертикальные служат для изображения парадигматических (инвариантных) элементов, горизонтальные — для синтагматических (вариантных) элементов. Этот картографический способ дает возможность изображать ареальное лингвистическое пространство в его двух планах — парадигматическом и синтагматическом. Например, в т. I Атласа словацкого языка на карте № I. 9 контурным кругом изображена структура *grajcar*, а контурным кругом с горизонтальным перечеркиванием — структура *grajcar*. На карте № IV.4 кругом сплошной заливки изображена структура *rebierko*, а кругом со светлой горизонтальной полоской *r'ebierko*. Таким образом, одновременно картографически эксплицитно изображаются инвариантные и варианты структуры лексем.

Следует отметить в плане поисков предпринятую в польском и словацком атласах попытку картографически эксплицитно изобразить объекты разных структурных уровней. Например, в Атласе словацкого языка линейными знаками изображены элементы соседнего с фонетическим морфологического уровня (т. I, карты № III.34; IV.7).

Цвет в качестве картографического средства всегда используется на первом плане для изображения основных ареальных противопоставлений. Иногда из-за мотивов рентабельности дорогостоящих изданий по лингвистической географии роль цвета в качестве изобразительного средства выполняют одноцветная заливка, штриховка и контурные знаки («белые»). Так, например, в опубликованном томе Атласа русских народных говоров, в Атласах белорусского и украинского языков черные, белые (черные контурные) знаки выполняют функции цветов. В московской школе лингвистической географии была установлена строгая последовательность применения цветов на одной и той же карте, а именно: 1) красный, 2) зеленый, 3) желтый, 4) синий, 5) коричневый, 6) оранжевый, 7) фиолетовый. Последним при любом количестве использованных цветов спектра используется черный цвет. Подобное же применение цветов в качестве картографического средства введено в Атласах белорусского и украинского языков. Кроме того, в Атласах украинского и белорусского языков красному цвету присвоена особая картографическая символика: им обозначаются те диалектные элементы, которые одновременно являются нормативными в

<sup>8</sup> Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Пад рэд. Р. І. Аванесавы, К. К. Крапівы, Ю. Ф. Мацкевіч, Мінск, 1963; Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Пад рэд. Р. І. Аванесавы, К. К. Крапівы, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1968, 1969.

литературных языках. В Атласе украинского языка особая символика присвоена также и белому цвету: им обозначается отсутствие объекта, т. е. изображаются противопоставления с одним нулевым членом. Кроме того, в т. III Атласа украинского языка специальной символикой наделяется черный цвет: им изображаются обобщенные члены ареальных противопоставлений. В ареальных различиях подобным членам противопоставляются несколько объектов. Ясно, что в т. III Атласа украинского языка черный цвет из-за приданной ему картографической символики не используется в качестве последнего цвета, как в первых двух томах атласа. Например, в т. II на карте № 72 «Рефлексы \**tort* (нагорода, охорона, ворог)» черным цветом изображаются старославянские структуры *наг'рада*, *ох'рана*, *враг*, которым картографически противопоставлены все другие лексические структуры.

Одной из важнейших проблем современного лингвистического картографирования представляется изображение отношений между картографируемыми объектами. Отмеченные выше два фундаментальных вида отношений между элементами структурного уровня в современных лингвистических атласах отображаются непосредственным противопоставлением ареалов, каждый из которых имеет свои картографические знаки. Кроме того, отношения тождества и различия между элементами передаются соотносительностью знаков. Как известно, в теории лингвистического картографирования имеется понятие **соотносительности знаков**. Одинаковые знаки (и их модификации, а при употреблении цветов и одинаковые цвета) изображают отношения тождества объектов. Разные знаки (и их модификации), а также разные цвета изображают отношения различия объектов и их компонентов. Соотносительность знаков отмечается во многих атласах западноевропейских языков, особенно в упоминаемом выше региональном атласе французского языка. В национальных атласах славянских языков соотносительность знаков утвердилась в качестве распространенного картографического средства. В системе картографирования московской школы соотносительность знаков впервые применяется последовательно. Для примера приведем простейший случай из опубликованного тома Атласа русских народных говоров. На карте № 43 «Качество долгого звонкого шипящего согласного не на стыке морфем» ареальные противопоставления долгих звонких согласных передаются цветами в графической реализации круга, сочетания *ж'д'ж*, *ждж*, *з'д'з* изображены треугольниками (разных цветов), а сочетания *ж'д'*, *жд'*, *жд* — треугольниками с просветами. Соотносительность знаков картографически эксплицитно изображаются ареалы сочетаний звуков *с д* между двумя согласными и отдельно — субареал сочетаний *д* с одним согласным. Или другой пример: в Атласе белорусского языка на карте № 38 изображены структуры местоимения *вы*. Основные ареальные противопоставления — гласные фонемы *ы — у — і — е* — изображены цветами в графической реализации круга, противопоставления членов ареальных различий второго плана — структуры со слогом *те* — изображаются цветами в графической реализации треугольника. Соотносительность знаков на этой карте выражена кругами и треугольниками разных цветов.

Соотносительность знаков в Атласе словацкого языка картографически эксплицитно выражаются, помимо всего прочего, парадигматические и синтагматические ареалы, которые изображаются вертикальными и горизонтальными полосами или перечеркиваниями фигурных знаков. Следует еще привести пример и з атласа болгарского языка<sup>9</sup>. Так, в т. II

<sup>9</sup> Български| диалектен атлас. София, 1964—1966 (т. I. Югоизточна България. Съставен под ръководството на Ст. Стойков и С. Б. Бернцейн; т. II. Североизточна България. Съставен под ръководството на Ст. Стойков).

на карте № 215 все суффиксальные лексемы изображены цветными кругами с просветами или полосами, а несуффиксальные — сплошной заливкой круга. Основное противопоставление отображено цветами. Соотносительность знаков последовательно применяется в качестве картографического способа изображения в Атласах белорусского и украинского языков. Соотносительность знаков предоставляет возможность картографически эксплицитно изображать многоплановую структуру объектов географической проекции на карту, т. е. картографически отображать ареальные микропространства.

Выше указывалось, что простейшей формой («клеточкой») картографического изображения лингвистических элементов является картографирование бинарных ареальных противопоставлений, т. е. изображение контрастов их ареалов. Картографические изобразительные средства дают возможность выразить на карте противопоставления ареалов в виде контрастов цветов, знаков (фигурных и линейных), штриховок и линий.

Ареальное микропространство в географической проекции на карте трансформируется в картографическое пространство. Планы (срезы) ареального микропространства представляются в виде уровней (планов) карты. Каждый уровень карты характеризуется картографическими средствами одного типа. Ареальные противопоставления горизонтального плана ареального микропространства выражаются средствами горизонтального картографического изображения, а вертикального плана — средствами вертикального картографического изображения. Тем самым горизонтальные и вертикальные картографические изображения формируют (организуют) картографическое пространство каждой карты. Картографическое пространство карты характеризуется наличием точек пересечения контрастных отношений картографических средств, символизирующих отношения тождества и различия ареалов членов ареальных противопоставлений по горизонталям и вертикалям ареального микропространства. Приведем пример. В т. I Атласа словацкого языка на карте № VII.4 контурными фигурными знаками изображен первый горизонтальный уровень ареальных противопоставлений: *star* 'пахта'—*ster*—*stor*—*stur*—*mir*; второй уровень ареальных противопоставлений картографирован залитыми фигурными знаками: *sṫiar*—*sṫier*—*sṫor*; третий уровень ареальных противопоставлений изображен контурными знаками с перечеркиваниями и неполной заливкой: *star*—*ster*—*stor*. На каждом горизонтальном уровне соответственные по вертикали члены ареальных противопоставлений изображены одинаковыми фигурными знаками с различной модификацией, которые по вертикали символизируют отношения тождества и различия ареальных противопоставлений ареального микропространства, а именно: треугольниками: *star*—*sṫiar*—*mir*; кругами: *ster*—*sṫier*—*sṫer*; квадратами: *stor*—*sṫor*—*sṫor*.

В центре картографического пространства карты изображаются исходные (основные) ареальные противопоставления, которые представляют собой точку отсчета для применения картографических средств изображения ареальных противопоставлений соседнего (второго) уровня карты и т. д. Уровень карты, на котором изображены исходные (основные) ареальные противопоставления можно назвать о с н о в н ы м. В зависимости от ареальных противопоставлений основного уровня карты определяется ее тема, название и отношение к уровню (субуровню) языка.

В ряде атласов славянских языков сделана попытка изображать графическими средствами иного, нежели знаки элементов основного картографируемого уровня, типа элементы других структурных уровней, представленные на карте. Так, в Атласе словацкого языка при изображении

фигурными знаками картографируемых элементов фонетического уровня элементы морфологического уровня картографируются линейными знаками (например, в т. I карты № III. 32—35, 43; IV.7). Подобное отмечается и в Малом атласе польских говоров. В опубликованном томе Атласа русских народных говоров при помощи черточек (прямых и волнистых) разного цвета под фигурными знаками изображаются элементы различных сопутствующих явлений — «фоны», т. е. элементы соседнего структурного уровня по отношению к картографируемым элементам.

В процессе составления Атласа украинского языка была создана особая система вертикального картографического изображения, которая названа картографирование способом наложения ареалов. Способом наложения ареалов изображаются элементы иного ареального микропространства (часто это элементы и другого структурного уровня) по сравнению с элементами картографируемого ареального микропространства. Элементы иного ареального микропространства находятся в отношениях комплементарности (дополнительности) с элементами картографируемого микропространства. Для иллюстрации картографического изображения способом наложения ареалов приведем простейшие примеры. В т. I Атласа украинского языка на карте № 7 изображены цветами в графической реализации круга рефлексy \**ě* после *p*: *i — u — e — ei*. Синей штриховкой картографируется звукосочетание *pj*, т. е. объект иного ареального микропространства, который находится в отношении комплементарности к членам ареальных противопоставлений *i, e, ie*. Ареал синей штриховки накладывается на ареалы, где изображены *i, e, ie*. Каждый знак (цветной круг), на который накладывается ареал синей штриховки, меняет свою картографическую символику, его символика корректируется символикой изобразительного средства накладываемого ареала, а именно: изображаемый звук находится после *pj*. Ареал синей штриховки картографически не контрастирует с ареалами, изображенными цветными кругами: он дополняет их, выражая отношения комплементарности звукосочетания *pj* к изображаемым звукам. На карте № 299 того же тома атласа представлены семемы (лексические значения) 'сумка для кормления лошадей'. Цветами в графической реализации круга картографируются лексемы: 'торба — 'шан'ка — 'рептух — 'каїстра — о'палка. Лексема 'шан'ка в части говоров территории т. I атласа выражает также лексическое значение 'сумка пастуха', а в других говорах — 'сумка школьника', что картографируется разными штриховками зеленого цвета (символ лексемы 'шан'ка). Ареалы, картографируемые штриховками зеленого цвета, отображают элементы иного ареального микропространства (семантического); они накладываются на ареал, изображенный зеленым кругом. Картографический символ «зеленый круг» соответственно меняет свое картографическое значение.

Прием картографического изображения способом наложения ареалов отмечается в Малом атласе польских говоров в тех случаях, когда цветными изоглоссами картографируются ареалы добавочной информации.

Весьма существенными в современном лингвистическом картографировании являются изображения на картах тех объектов, которые конструируются путем обобщений. Их нельзя формулировать в программах (вопросниках). Обобщенные объекты определяются путем абстрагирования материалов, записанных в качестве ответов на разные вопросы программы (анкеты). Тенденция к обобщенным объектам особенно отчетливо выражена в Атласе украинского языка, где объектами картографирования являются фонемные оппозиции, системы фонем (ударного и безударного вокализма), фрагменты словообразовательных моделей (полей), фрагменты парадигм, семантические микрополя и т. д. Для изображения обобщенных

объектов используются цвета в графических реализациях заливок площадей (полос), штриховок и изоглосс. Например, в т. I на карте № 126 изображена оппозиция (*p*) — (*p'*) в ее ареальном функционировании. Красным цветом на площади картографируется наличие оппозиции, зеленым цветом — ее нейтрализация, т. е. отсутствие; черными штриховками (разного направления) на красных площадях изображаются оппозиции с известными ограничениями (только в ряде позиций), а изоглоссами красного цвета — лишь в отдельных положениях. На карте № 297 того же тома изображено семантическое микрополе — лексические значения (семемы) и лексемы названия возов. Красным цветом на площади картографируется лексема *воз* в ее обобщенном лексическом значении 'средство перевозки тяглом'. Цветами в графической реализации круга изображаются лексемы — названия возов для перевозки снопов, сена, соломы; цветными штриховками — названия возов для перевозки колод, жердей; цветными изоглоссами — названия возов для перевозки зерна. С еще большей степенью обобщения определены как объекты картографирования микросистемы вокализма (ударного и безударного). На карте № 1 изображена микросистема ударного вокализма в говорах соответствующей территории. Цветными площадями картографируются две ареально противопоставляемые микросистемы: (*a — o — e — i — y*) (красный цвет) и (*a — o — e — ie — u — y*) (зеленый цвет). Модификации этих двух микросистем ударного вокализма изображаются при помощи вертикальных цветных полос. Каждая цветная полоса символизирует отдельную фонему; фонемы (цветные полосы) представляют собой дифференциальные признаки микросистем. Отсутствие ареально противопоставляемой фонемы изображается полосой белого цвета. Элементы ареального микропространства в его синтагматическом виде — варианты фонем, т. е. звуки их выражающие, — картографируются цветными изоглоссами.

Объекты картографирования одного синхронного среза при условии парадигматически выраженного дифференцированного их изменения и развития на данной территории можно картографически эксплицитно изображать и в диахронном плане. В 3-й части т. III Атласа украинского языка сделана попытка картографировать некоторые объекты фонетического и морфологического уровней в диахронном плане на всей территории языка. Объекты картографирования определены в результате интерпретации собранного синхронного материала всех трех томов атласа.

Временная последовательность изменения фрагментов диалектных систем выражается наличием диахронных ареальных микропространств. Главным звеном диахронного картографирования является изображение отдельных «шагов» диахронных изменений: возникновения, исчезновения и преобразования дифференциальных признаков лингвистических элементов. Звенья изменений и преобразований элементов (явлений) диахронного картографирования рассматриваются в качестве взаимосвязанных: каждое звено имеет предыдущие и последующие звенья. Точкой отсчета диахронного картографирования в Атласе украинского языка определена восточнославянская общность эпохи ее распада. Звенья изменений, выражаемые дифференциальными признаками, изображаются цветами, а их ареальные варианты (синтагматические элементы) — графическими реализаторами цветов, принятыми в системе картографирования синхронного плана.

В национальных атласах славянских языков в различной мере проводится синтезированное картографирование на основе составленных карт, представляющее собой наивысшую степень обобщения картографируемого материала. На синтетических (сводных) картах, как известно, изображаются ареалы в их общих очертаниях. Прикрепление к пунктам осуще-

ствляется только в крайних точках ареалов. Прием очерчивания ареалов изоглоссами на обычных картах, заимствованный из практики немецкой (марбургской) школы лингвистической географии, широко применяется в национальных атласах польского и сербо-лужицких<sup>10</sup> языков. Этот картографический прием подвергается значительному изменению в Атласе словацкого языка. В этом атласе большинство явлений фонетического уровня, изображенных обычными знаковыми способами, группируются (в зависимости от ареалов их лексической репрезентации) в сочетания, которые в обобщенном виде представляют их ареальное функционирование. Сочетания ареалов на картах изображаются в виде пучков изоглосс. Каждый ареал, очерченный изоглоссой, представляет один из членов ареального противопоставления. Таким образом, на синтетических картах ареальные противопоставления изображены в виде различий с одним нулевым членом. Применяемый способ синтезированного картографирования в Атласе словацкого языка имеет большое значение для картографически имплицитного изображения взаимодействия ареалов лексической репрезентации объектов фонетического и морфологического уровней.

Более обычным и весьма распространенным является способ синтезированного картографирования на основе знакового изображения объектов (явлений) различной системно-структурной сущности и разных уровней. Обобщения для синтезированного картографирования производятся на основе объектов одного уровня или разных структурных уровней. Этим способом картографирования изображаются пучки изоглосс ареальных (диалектных) элементов языка.

Как уже сказано, при синтезированном картографировании эксплицитно изображается только один член ареального противопоставления. Второй его член иногда отмечается в легенде карты. Например, подобное упоминание о втором члене ареального противопоставления изредка встречается в опубликованном томе Атласа русских народных говоров.

В Атласе украинского языка часто применяется при синтезированном картографировании изображение обоих членов ареального противопоставления при помощи двух параллельных изоглосс разного цвета или конфигурации. В зонах конфронтации членов ареального противопоставления один из его членов часто оказывается более активным и проникает на территорию (ареал) второго члена противопоставления. В таком случае отмечается наложение ареалов. Если изоглоссы в зоне конфронтации членов ареального противопоставления располагаются параллельно, то это является свидетельством наличия фронтальных контактов. Если же ареал одного из членов противопоставления наложен на часть ареала другого его члена, то это является свидетельством афронтальных контактов. Для иллюстрации параллельного изображения ареалов обоих членов противопоставления приведем пример из т. I Атласа украинского языка, а именно карту № 351, где изображены северные (полесские) ареалы фонетического уровня. Параллельными изоглоссами (зеленого и желтого цветов) изображены ареалы обоих членов противопоставления *e/u* — *i* на основе лексической репрезентации *де'док*—*д'і'док*, *ди'ла* — *д'і'ла*.

В зависимости от того, ареалы каких элементов языка (диалекта) — парадигматических или синтагматических — изображаются при помощи изоглосс, различаются парадигматические и синтагматические изоглоссы. Парадигматические изоглоссы изображают ареалы компонентов ареального парадигматического микропространства; синтаг-

<sup>10</sup> Sorbischer Sprachatlas. Bearbeitet von H. Faßke, H. Jemtsch und S. Michalk. Bautzen, B. 1—4, 1965—1971.

математические изоглоссы — ареалы компонентов синтагматического ареального микропространства. Зона парадигматических и синтагматических изоглосс представляет собой арену функционирования ареального противопоставления.

Частота лексической репрезентации картографируемого объекта — члена ареального противопоставления определяет или его нормальное функционирование на данной территории, или его рассеивание. Незначительная частота лексической репрезентации отмечается в зонах рассеивания членов ареального противопоставления. В Атласе украинского языка на синтетических картах ареалы незначительной частоты лексической репрезентации (в зонах их рассеивания) изображены пунктирными изоглоссами. Интерпретация зон рассеивания изображаемых членов ареальных противопоставлений свидетельствует или о расширении ареалов изображаемых объектов (экспансии) (например, т. I карты № 152, 178, 240, 263 и др.; т. II карты № 130, 162, 219 и др.), или о сужении, «отступлении», их ареалов (например, т. I карты № 123, 184 и др.; т. II карты № 112, 172 и др.).

Описанные в рамках журнальной статьи некоторые особенности развития лингвистического картографирования (теория и способы изображения) в национальных атласах славянских языков свидетельствуют о том, что славянская лингвистическая география вышла на передовые рубежи мировой лингвистической географии. В наше время значительно расширяются ее горизонты. Помимо национальных атласов, создается Общеславянский лингвистический атлас, пробный выпуск которого издан к VII съезду славистов (1973 г.). В последнее время заметно ускоряются темпы успешных поисков в области способов картографического изображения. Создаются новые методы лингвистического картографирования. Развивается его теория в рамках общей теории лингвистической географии. Эти поиски будут продолжаться.





# КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

*Д. В. МЕЛЬЦАР, П. З. САВАЧКИН. Беларусь і Балгарыя — дружба, супрацоўніцтва, братэрства. Выд-ва БДУ, 1973*

*Д. В. МЕЛЬЦЕР, П. З. САВОЧКИН. Беларуссия и Болгария — дружба, сотрудничество, братство*

В рецензируемой книге на основе археологических находок и произведений устного народного творчества показывается общность происхождения славянских народов, большое значение деятельности Кирилла и Мефодия в развитии культуры Белоруссии и всего славянства, а также книг, проникавших в Болгарию из Белоруссии, Украины и России для культурного развития болгарского народа.

С волнением читаются страницы, повествующие о помощи России болгарскому народу в его борьбе против турецкого ига, в частности во время Апрельского восстания 1876 г. Из книги мы узнаем, что важную роль в подготовке восстания сыграли революционеры А. Д. Трусов и Н. К. Судиловский, друг Х. Ботева.

Передавая общественность и широкие слои населения Белоруссии и всей России выступили в защиту болгарского и других славянских народов в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Много внимания в книге уделяется героям войны — выходцам из Белоруссии генерал-лейтенанту И. В. Гурко, старшему унтер-офицеру К. В. Хруцкому и др.

Рассматривается развитие широких культурных связей болгарского народа и народов России в конце XIX — начале XX в.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало интернациональным связям белорусского и болгарского народов.

Болгарская рабочая социал-демократическая партия (тесные социалисты) возглавила борьбу народных масс в защиту Советской республики. Среди героев-болгар, сражавшихся в интернациональных формированиях Красной Армии, мы встречаем имена С. Джорова, И. Някшева, Х. Янакиева, П. Захариева, С. Миленкова и др.

Трудящиеся Белоруссии вместе со всем советским народом с глубоким сочувствием восприняли Сентябрьское народное восстание 1923 г. Росли и крепили мошровские связи Советской Белоруссии и Болгарии. Общие условия работы БКП

и КПЗБ определили братскую взаимопомощь в борьбе трудящихся Болгарии и Западной Белоруссии. Большая заслуга в создании и развитии единого пролетарского и широкого народного антифашистского фронта принадлежит видным деятелям болгарского и международного коммунистического движения Георгию Димитрову и Василу Коларову. Весть о победе Г. Димитрова и его болгарских товарищей на лейпцигском фашистском судилище с удовлетворением была встречена белорусским народом. Вопреки прощам полицейских властей развивались болгаро-советские культурные связи и дружественные контакты во второй половине 30-х годов. И несмотря на то, что монархо-фашистское правительство Болгарии подписало протокол о присоединении к тройственному блоку фашистских государств и в страну были введены немецкие войска, под руководством Коммунистической партии развернулось мощное антифашистское движение.

Волнуют страницы книги, повествующие о деятельности интернационального полка, легендарной партизанской бригады особого назначения «Неуловимые», в которой сражались и болгары, о боевом пути капитана Я. Маслинкова, Лили и Александра Карастаяновых, командира партизанского отряда им. Г. Димитрова Д. Дмитриева, командира батареи С. Ангелова и многих других, знаменем которых был девиз: «Без победы нет Болгарии». Благодаря успехам Советской Армии стало возможным равертывание борьбы Народно-освободительной повстанческой армии, приведшей к победоносному восстанию 9 сентября 1944 г.

В книге освещается общественно-политическое, экономическое, научное и культурное сотрудничество БССР и НРБ после победы в Болгарии социалистической революции.

Авторы на большом фактическом материале раскрывают активное сотрудничество БССР и НРБ на международной арене в интересах мира и мирового революционного процесса, широкий и плодотворный обмен опытом социалистиче-

ского и коммунистического строительства. При этом исследуются самые разнообразные формы сотрудничества.

Хорошей традицией являются встречи и визиты партийных и государственных деятелей СССР и НРБ, обмен делегациями, широкие контакты между трудящимися. Полезными формами связи стали «Поезда дружбы» советских и болгарских профсоюзом, деятельность советско-болгарского клуба творческой молодежи и т. д. Вызывает чувство глубокого удовлетворения быстрое и плодотворное развитие сотрудничества трудящихся Габровского округа НРБ и Могилевской области БССР, примеру которых последовали многие города и села. Убедительно звучит вывод авторов о том, что дружба между СССР, БССР и НРБ превратилась в постоянно действующий фактор их взаимных отношений.

В книге показана большая заслуга Всесоюзного комитета болгаро-советской дружбы, созданного в 1957 г. под председательством видной революционерки Цолы Драгойчевой, а также Товарищества советско-болгарской дружбы (осн. в 1958 г.) и его Белорусского отделения (осн. в 1961 г.) в развитии братских связей. Прослежены формы работы этих организаций. О размахе ее красноречиво говорят, например, такие приведенные в книге цифры: во время декады белорусской культуры в Болгарии в сентябре — октябре 1965 г. было проведено 43 422 различных мероприятий, а во время декады болгарской культуры в БССР только в сентябре 1965 г. — более 25 тыс.

Богатый, интересный статистический материал ярко иллюстрирует огромные экономические успехи НРБ. Одной из важнейших причин такого прогресса является экономическое сотрудничество с СССР, развивающееся по пути социалистической экономической интеграции в рамках Комплексной программы, утвержденной на XXV сессии Совета Экономической Взаимопомощи в 1971 г. Углубляются двусторонние экономические связи, осуществляется тесная координация народнохозяйственных планов, специализация и кооперирование производства, возникают советско-болгарские межнациональные хозяйственные комплексы.

Большой вклад в развитие советских внешнеэкономических отношений с другими странами, в том числе и с НРБ, вносит БССР, активно участвующая в международном, социалистическом разделении труда. Ее автомашины и тракторы, мотоциклы и металлорежущие станки, электронно-вычислительные машины, льноволокно и многие другие товары поставляются в страны СЭВ, в том числе и в Болгарию. В 1966—1970 гг. доля БССР в советском экспорте электронно-вычислительных машин в Болгарию со-

ставляла около 100%, скреперов — более чем 50, станков — около 45, комбайнов — 25, грузовых автомашин — более 10, подшипников — более чем 8%. Болгарские друзья дают высокую оценку белорусской продукции.

С другой стороны, из года в год растут поставки болгарских товаров в СССР. В Белоруссию поставляются подъемно-транспортное оборудование, технологическое оборудование для предприятий бытового обслуживания, сельскохозяйственная техника и другие товары.

Значительное место в экономических связях БССР и НРБ занимает научно-техническое сотрудничество: обмен документацией, передовым производственным опытом, специалистами и т. д. Постоянные производственные связи сложились между коллективами крупнейших промышленных и сельскохозяйственных предприятий двух стран. Они находят отражение и в социалистическом соревновании отдельных бригад и цехов. Примером интернационального братства является многолетняя дружба белорусских и болгарских тракторостроителей. Специалисты БССР и НРБ успешно выполнили задание, связанное с созданием единой системы электронно-вычислительных машин в социалистических странах.

Авторы приводят большое количество фактов, свидетельствующих о заметном вкладе БССР в развитие советско-болгарского сотрудничества в области науки, народного просвещения и культуры. Белорусско-болгарские научные связи характеризуются большой разносторонностью. В области общественных наук обращает на себя внимание осуществляемая в течение нескольких лет коллективная работа по составлению общеславянского лингвистического атласа, творческие связи между коллективами Белорусской Советской Энциклопедии и Болгарской Энциклопедии и др. Тесное сотрудничество установилось между профессорами и преподавателями вузов, педагогами общеобразовательных школ, литераторами, работниками библиотек, кино и телевидения.

Яркие примеры развития сотрудничества БССР и НРБ по всем направлениям, во всех основных формах позволили авторам создать цельную, впечатляющую картину социалистического сотрудничества двух братских народов.

Недостатки работы носят частный характер. Это — некоторая перегрузка книги фактическим материалом, порой без достаточного его анализа, иногда нарушение последовательности изложения. В целом книга заслуживает одобрения и внимания пропагандистов, лекторов, студентов, преподавателей школ и вузов и всех интересующихся братскими связями с зарубежными странами.

В. Н. Сидорцов

J. KOZIK. *Ukraiński ruch narodowy w Galicji w latach 1830—1948*. Wydawnictwo literackie. Kraków, 1973, 308 s.

ЯН КОЗИК. *Украинское национальное движение в Галиции в 1830—1848 годах*

Работа Яна Козика — первое серьезное марксистское исследование в ПНР, посвященное очень важному и далеко еще не изученному периоду 1830—1848 гг.

Советские исследователи уже затрагивали проблему национального движения в Галиции в своих работах<sup>1</sup>.

В рецензируемой книге идейно-политическая борьба украинского народа в Галиции показана на широком фоне культурно-политических движений других славянских народов, в органической связи с историей основной части украинского народа, проживавшего на Украине, входившей в состав России.

Монография основана на большом количестве источников, опубликованных, главным образом в серии «Украинско-русский архив», и литературы как дореволюционной, так и советской. О большой эрудиции автора свидетельствует хорошее знакомство с польскими, украинскими, чешскими, русскими дореволюционными изданиями. В монографии использованы материалы прессы того времени, переписка, мемуары, а также рукописные материалы, хранящиеся в Ягеллонской библиотеке в Кракове, в Оссолинеуме во Вроцлаве, материалы Львовской библиотеки и т. п.

Во вступительной части Я. Козик акцентирует внимание читателя на тяжелом положении украинского народа в Галиции, где он подвергался и социальному и национальному угнетению.

В первой главе показаны внутренние и внешние условия формирования украинского национального движения в первой половине XIX в., дана характер-

ристика феодально-крепостнической системы, прослеживаются настроения крестьянства и униатского духовенства в Галиции, рассматривается вопрос о формировании украинской интеллигенции. Автор отмечает, что на рост национального самосознания украинцев Галиции большое влияние оказали национально-освободительные движения славянских народов, социально-политические процессы, происходившие в России.

В главе освещается участие украинской молодежи в польском национально-освободительном движении 30-х годов, рассматривается революционная публицистика Ю. Горашкевича и К. Цеиглевича. Автор подчеркивает, что украинцы внесли в польские революционные организации элементы социального радикализма.

Вторая глава посвящена деятельности Перемышль-Венского кружка 1815—1830-х годов, и так называемой «Русской Троицы» И. Вагилевича, Я. Головацкого и М. Шашкевича. Автор подверг вполне заслуженной критике верхушку униатского духовенства, занявшую враждебную позицию по отношению к творческим начинаниям молодых энтузиастов из «Троицы».

В третьей главе показывается борьба украинцев Галиции за свой литературный язык и правописание, рассматривается социальная и национальная проблематика в произведениях членов «Троицы».

Обстоятельно излагается история «алфавитной борьбы» между сторонниками кириллицы и латинского алфавита, повод к чему дал Иосиф Лозинский, выступив с проектом введения латинского алфавита для украинской письменности. Я. Козик считает, что в Галиции возникли тогда три политические группировки: пропольская во главе с И. Лозинским и И. Головацким, украинская, под руководством М. Шашкевича и Я. Головацкого и прорусская, которую возглавили Д. Зубрицкий и И. Левицкий (стр. 162). На наш взгляд, едва ли можно известного своими австрофильскими взглядами Иосифа Левицкого считать поклонником России.

Автор стоит на позиции литературно-языкового единства украинского народа в Галиции с украинцами Восточной Украины. Он отмечает, что литература Восточной Украины была для украинских писателей в Галиции 40-х годов XIX в. «непостижимым, достойным поразжения образом» (стр. 180, 181).

Рассматривая наболевший социальный вопрос в Галиции, Я. Козик считает, что

<sup>1</sup> И. С. М и л л е р. Накануне отмены барщины в Галиции. Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. I. М., 1949; е го же. Революционное движение и национальная борьба в Галиции в 1848 г. Сб. «Революции 1848—1849 гг.», т. I. М., 1952; И. И. К о с т у ш к о. Польская демократия первой половины XIX в. и освободительное движение украинского народа. Кр. сообщ. Ин-та славяноведения. М., 1954, № 13, стр. 28—38; Г. Ю. Г е р б і л ь с ь к и й. Передова суспільна думка в Галичині. Львів, 1959; е го же. Розвиток прогрессивних ідей в Галичині у першій половині XIX ст. Львів, 1964; В. О. Б о р и с. Деякі питання польсько-українських відносин під час революції 1848 р. в Галичині. «Українське слов'янознавство», Львів, 1972, № 6.

несмотря на значительный социальный консерватизм деятелей, близких к «Троице», они проводили острую критику барщины.

В четвертой главе рассмотрены связи «Русской Троицы» со славянским миром.

Он подчеркивает положительную роль деятельности К. В. Запа, хорошо понимавшего положение дел в Галиции и сумевшего выявить связь социального и национального вопросов<sup>2</sup>. В этом австрийском «Кронланде» проявилось влияние и знаменитого Я. Коллара. Я. Козик приписывает большие заслуги в развитии чешского славяноведения Я. Головацкому, И. Вагилевичу и И. Борецкому (стр. 233).

В последней главе автор рассматривает события 1846 г. в Западной Галиции, когда австрийскому правительству удалось использовать в своих интересах классовый антагонизм в галицийской деревне (стр. 271).

Он останавливается на работе Я. Головацкого «Положение русин в Галиции»<sup>3</sup>, изданной под псевдонимом Гаврило Русин. По мнению Я. Козика, эта работа призвала Австрию взять украинцев под свою защиту, поднять уровень просвещения в Галиции, отменить барщину. Я. Головацкий подверг острой критике

галицийского митрополита М. Левицкого и верхушку униатского духовенства.

Работа выходит за рамки чисто исторического исследования и ее можно охарактеризовать как историко-литературоведческую, так как автор большое место отводит языково-литературным проблемам и борьбе за язык.

Хорошее впечатление оставляет указатель имен, богатый научный аппарат. Приятно отметить, что Я. Козик пользуется наиболее удачной транскрипцией украинских имен, фамилий и вообще названий когда-либо встречающихся в польской историографии.

Хотелось бы обратить внимание автора на несколько более слабые, на наш взгляд или дискуссионные стороны монографии. Во-первых, возникает вопрос об использовании архивных материалов гор. Перемышля, о роли и значении которого пишет сам автор. Есть основание полагать, что автор мог бы найти ценные архивные материалы по теме в Капитульном латинском архиве. Несколько необычной выглядит структура книги: примечания даны после каждой главы, и это как бы разделяет книгу на ряд очерков, хотя они органически связаны между собой. Если исходить из заглавия, то оно обязывало довести события до 1848 г. включительно. Однако высказанные замечания не снижают ценности книги. Можно с уверенностью сказать, что монография Яна Козика является существенным вкладом в изучение украинского национального движения и украинско-польских отношений.

В. А. Борис.

<sup>2</sup> K. V. Z a p. Cesty a procházky po Haličké zemi. Praha, 1844.

<sup>3</sup> J. G o l o w a c k i. Zustände der Rusinen in Galizien. «Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft». Leipzig, 1946.

J. PETRAŇ. *Nevolnické povstání 1775*. Prolegomena edice pramenů. Praha, Karlova universita, 1973, 280 str.

И. ПЕТРАНЬ. *Восстание крепостных крестьян 1775 г.*

Вопросы характера, движущих сил и идеологии крестьянских восстаний эпохи позднего феодализма привлекают в последние годы все большее внимание советских и зарубежных историков-марксистов.

Чехословацкой марксистской историографии принадлежит немалая заслуга в постановке ключевых проблем истории классовой борьбы народных масс эпохи феодализма. У истоков этого направления стоит профессор Карлова университета Вацлав Гуса, выдающийся чешский историк-марксист, внесший значительный вклад в историческую науку Чехословакии в послевоенный период.

Под его руководством и при ближайшем участии коллектив кафедры чехословацкой истории подготовил и издал три выпуска трудов по истории классовой борьбы в Чехии. Уже после прежвременной кончины В. Гусы в 1963 г. была продолжена работа по подготовке к публикации свода источников по истории восстания крестьян в Чешских землях в 1775 г. В этой работе приняли участие представители центральных и местных архивов в Чехии и Моравии. Монография ученика В. Гусы И. Петраня представляет собой своего рода историко-теоретическое введение к намеченному своду источников. Вместе с тем она обобщает

многолетние исследования по данному вопросу как самого автора, так в известной мере и достижения чешской марксистской исторической науки. Книга состоит из пяти глав, статьи моравского историка И. Обршлика «Восстание 1775 г. в Моравии», библиографии, географического и именного указателей, а также весьма ценных карт, отражающих весеннюю и летнюю фазы восстания в Чехии и ход восстания в Моравии.

В первой главе «Повод восстания в требованиях повстанцев» автор дает общую характеристику эволюции феодально-крепостной системы в Чешских землях и Австрийской монархии в целом, показывая отношение к ней как господствующим классам, так и народных масс. Неизбежность реформы крепостного права все более становилась очевидной для правящих кругов. Еще в 1740-х годах верховный канцлер И. Ф. Кинский представил правительству меморандум, в котором доказывал необходимость смягчения феодального угнетения в деревне во имя сохранения существующей системы (стр. 30—31). Все более усиливавшаяся классовая борьба в деревне и общий кризис, охвативший экономику страны, побуждали венское правительство к выработке каких-то мер по упорядочению экономических и политических отношений в деревне. В этой связи заслуживает внимания материал, собранный и проанализированный И. Петранем в разделе «Государственные меры по подготовке реформы». Даже умеренные, паллиативные шаги правительства, предпринимавшиеся с целью спасения существующего порядка, наталкивались на ожесточенное сопротивление крупного и, особенно, среднего и мелкого дворянства, в классовом ослеплении не желавшего идти ни на какие уступки. Вопрос остался нерешенным вплоть до начала восстания 1775 г. (стр. 53—54), причины которого подробно проанализированы автором.

Во второй главе «Стихийность, организация, программа» рассматриваются важные в историко-теоретическом отношении вопросы соотношения стихийности и сознательности в восстании 1775 г. О значении подобных вопросов на примере восстания под руководством Е. И. Пугачева писали в последнее время В. И. Буганов, В. В. Мавродин, Л. В. Черепнин и другие советские историки<sup>1</sup>. Со-

бренные в монографии И. Петраня наблюдения могли бы быть полезны при обсуждении проблемы в более широком плане. Автор останавливается также на сходстве и отличиях, существовавших между восстанием 1775 г. и крестьянскими выступлениями предшествующего периода.

В главе «Повстанцы» автор рассматривает социальную структуру и стремления восставших масс. И. Петрань считает, что национально-патриотические настроения в среде восставших, как впрочем и в других движениях такого рода в Чехии и остальных странах Центральной Европы XVIII в., не имели особого значения, а крестьян чешского и немецкого происхождения, проживающих в Чешских землях, объединяли требования социально-политического характера, общие для всех крестьян, независимо от их этнической принадлежности. Автор касается степени участия в восстании крестьян, тайно исповедовавших протестанство, нередко называемых в источниках того времени «гуситами» и последовавших венским правительством как «еретики». Венское правительство, подчеркивает И. Петрань, стремилось не допустить соединения социальных требований народных масс с требованиями религиозными (стр. 129). В этой связи он выступает против огульного решения вопроса об отношении протестантов к восстанию — в одних случаях они вместе шли с основной массой крестьян-католиков, в других случаях эти взаимоотношения были сложнее. В частности, И. Петрань считает необходимым различать позиции протестантов и сектантов. В отличие от первых, сектанты весьма активно участвовали в восстании (стр. 131—132). Столь же осторожный, дифференцированный подход автор демонстрирует при решении вопроса об отношении к восстанию горожан. Более или менее однозначный ответ здесь, по его мнению, невозможен. Он освещает также роль сельских старост в ходе восстания, характеризует позиции старост — участников «сельского губерниума». В этой связи заслуживал бы более подробного рассмотрения вопрос о влиянии, которое оказывало на крестьянское восстание руководство со стороны верхушки деревни — в какой мере сам по себе этот факт был неожиданным и ослаблял ли революционность движения народных масс?

Представляется важным поставленный И. Петранем в главе «Государство и восставшие» вопрос о самозванстве, которое, хотя и в ограниченных размерах, получило все же проявление в ходе крестьянского восстания в Чешских землях. И. Петрань анализирует биографии крестьян-претендентов на положение «сельского императора». В специальном разделе этой главы (стр. 184—190) проана-

<sup>1</sup> В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. «Вопросы истории», 1973 № 9, стр. 76; Л. В. Черепнин. Крестьянские войны в России периода феодализма. К 200-летию начала восстания крестьян под водительством Е. И. Пугачева. «Коммунист», 1973, № 13, стр. 85; В. И. Буганов. Об идеологии участников крестьянских войн в России. «Вопросы истории», 1974, № 1, стр. 60.

лизированы, хотя и далеко не полно, отклики на восстание за рубежом.

В заключительной главе «От весенней бури к августовскому патенту» рассматриваются особенности восстания в различных областях Чехии и значение патента о барщине, которым взаимоотношения между помещиками и крестьянами регулировались не только до отмены Иосифом II в 1781 г. личной зависимости крестьян в Чешских землях, но в значительной степени и до революции 1848 г. На примере восстания 1775 г. Й. Петрань впервые ставит вопросы — чем определяется топография народных движений, является ли возникновение крестьянских бунтов и мятежей в тех или иных местностях обстоятельством случайным или оно сопряжено с какими-то поддающимися учету обстоятельствами? Ссылаясь на данные о важнейших крестьянских выступлениях с середины XVII в. до 1775 г. автор приходит к выводу о воздействии на топографию восстаний таких факторов, как экономическое положение крестьян, природные условия и продуктивность поместий, к которым они были приписаны, соотношение здесь сельскохозяйственного и ремесленного труда, а также бытование в определенных местностях революционных традиций (стр. 215—216).

Автор анализирует результаты восстания: «...Революционное движение сельского населения,— заключает Й. Петрань,— ускорило общественное развитие в направлении к созданию на пороге национального Возрождения капиталистических основ в жизни деревни, к раз-

рушению феодальной системы» (стр. 229). Й. Петрань полагает, что революционная роль крестьянских восстаний здесь состояла в том, что они «давали импульс и ускоряли осуществление перемен» (стр. 230). Не будет ли точнее сказать, что массовые крестьянские восстания типа чешского движения 1775 г. заставляли правящие круги идти на вынужденные уступки, чтобы сохранить свое господство?

Значение труда Й. Петраня выходит далеко за рамки собственно чешской истории, подобно тому, как само восстание с самого начала приобрело значительный международный резонанс, ибо многие черты его повторяли другие народные движения эпохи позднего феодализма в районах «восточнее Эльбы». Наибольшее сходство, пожалуй, можно усмотреть между восстанием 1775 г. и только что отшумевшим российским крестьянским движением под руководством Е. И. Пугачева. И не случайно русский посол в Вене Д. М. Голицын скрупулезно извещал Екатерину II о перипетиях «непокорности тамошних крестьян к их помещикам». К сожалению, этот примечательный аспект в монографии Й. Петраня должного освещения не получил. Тем не менее, она, несомненно, войдет в поле зрения широкого круга историков, занимающихся проблемами аграрной развития, общественной и классовой борьбы у народов Центральной и Восточной Европы в эпоху позднего феодализма.

А. С. Мильников

А. И. ОЗОЛИН. *Бюргерская оппозиция в гуситском движении*. Саратов, 1973, 122 стр.

Исследованию гуситской проблематики А. И. Озолин посвятил свыше 30 лет своей жизни. Вместе с другими советскими и чехословацкими учеными он много сделал для воссоздания на материалистической основе истории гуситского революционного движения. Последние годы А. И. Озолин изучает вопросы, связанные с формированием и ролью бюргерской оппозиции в Чехии накануне и в ходе гуситских войн<sup>1</sup>.

Внимание к этой теме объясняется ролью наиболее яркой фигуры бюргерской оппозиции — Яна Гуса в событиях конца XIV — начала XV в. в Чехии и значением бюргерской партии — чашников в период острой классовой борьбы в XV в.

Историков давно интересует вопрос, почему бюргерская оппозиция, подняв

Складывание национальной программы бюргерской оппозиции в Чехии конца XIV — начала XV века. В сб. «Средневековый город». Саратов, 1968; его же. Политическое развитие Чехии в XIV — начале XV в. Идеологи бюргерской оппозиции о королевской власти и сословной монархии. В сб. «Экономическое развитие и классовая борьба в средние века и античность». Саратов, 1968; его же. Томаш Штитный — идеолог дворянского крыла бюргерской оппозиции и предгуситской Чехии. «Славянский сборник». Саратов, 1972.

<sup>1</sup> См. А. И. Озолин. Гуситские сочинения Будипинской рукописи как источник для изучения программных требований бюргерской оппозиции. «Славянский архив», М., 1959; его же. Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962; его же. Экономические требования бюргерской оппозиции в гуситском революционном движении. Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, т. 23, М., 1964; его же.



знами борьбы с католической церковью и онемеченным патрициатом, разработав важнейшие идеи гусизма, борясь в первый период гуситских войн против сил феодально-католического лагеря, в конце концов отошла от движения, удовлетворившись сделанными ей уступками, и помогла разбить военную силу таборитов, с которой не справились крестоносцы, собранные папой и императором Сигизмундом чуть ли ни со всех стран Западной Европы. Что это — результат незрелости чешского бюргерства, как полагают некоторые исследователи<sup>2</sup>, или же характерная черта средневекового бюргерства, не выдвигавшего никогда требования ликвидации феодализма в целом?

В качестве основных источников для своей работы автор привлек произведения Яна Гуса, его предшественников и продолжателей. Изучена им и «Гуситская хроника» Лаврентия из Бржезова<sup>3</sup>. Анализ этих источников, а также широкого круга литературы позволил автору сделать ряд новых выводов.

Книга состоит из двух разделов. Материал, приведенный в разделе «Зарождение бюргерской оппозиции в Чехии второй половины XIV — начала XV в.», подтверждает прочно закрепившееся в марксистской историографии мнение, что бюргерская оппозиция свой удар направила прежде всего на католическую церковь. Автор акцентирует внимание на том, что идеологи бюргерства не ограничивались разоблачением отдельных фактов злоупотребления католического клира (такие выступления обычно ереси не представляли и, как правило, были направлены на усиление авторитета церкви), критикой некоторых сторон церковной организации, а сконцентрировали критику на самих основах католического учения о церкви. Во взглядах Яна Гуса на церковь нашел отражение протест бюргерства против исключительного положения высшего духовенства в тогдашнем обществе и содержалась идея равенства верующих перед богом. В условиях нарастания противоречий массы воспринимали эту мысль по-своему, и она стала идеологическим оружием в руках более радикальных элементов, вкладывавших в нее революционное значение.

Гус и другие идеологи бюргерства утверждали, что церковь необходимо лишить светской власти. Большинство буржуазных ученых расценивает это требование как явление, порожденное обще-

человеческими моральными принципами. А. И. Озолин дает ему классовую оценку: «Объективно это отражало тенденцию к расширению политической роли дворянства и бюргерства и способствовало упрочению королевской власти, то есть централизации государства» (стр. 25). Данный вывод весьма важен, поскольку в нем сформулированы основы союза, складывающегося между бюргерством и рыцарством еще до начала гуситских войн, и который сыграет важную роль в развитии дальнейших событий.

Во втором разделе книги «Бюргерская оппозиция в годы народного восстания» прослеживается как в период гуситских войн (1419—1437) уточнялись требования бюргерства и как оно противодействовало распространению революционной идеологии таборитов. В ходе гуситского движения бюргерство напрягло свои силы для борьбы за сохранение «классов, государства и органов власти» (стр. 68). Такая позиция, по мнению автора, объясняется природой бюргерства, его местом в феодальном обществе и не зависит от степени его зрелости или незрелости.

Интересно написан параграф «Политическое устройство Чехии на первом этапе гуситского народного восстания» (стр. 80—101). Здесь определяется место гуситских сеймов в политической структуре тогдашней Чехии. Духовенство от участия в гуситских сеймах было почти отстранено, снизилась в них доля участия панов. Зато важную роль в сеймах стали играть города, и в первую очередь Прага, т. е. осуществились помыслы бюргерства об участии в управлении страной. Автор подчеркнул, что сеймы являлись важным органом управления. На них решались главные политические проблемы того времени.

Причины отхода бюргерства от борьбы с феодально-католическим лагерем А. И. Озолин видит в том, что «значительная часть требований бюргерской оппозиции не только в области экономической, но и в сфере политической была выполнена» (стр. 96), сказалось и «дальнейшее обострение внутренних социальных противоречий, столкновение с таборитами...» (стр. 97). Однако простое сопоставление требований бюргерской оппозиции и содержания пражских компактатов — условие объединения чашников с католической церковью — показывает, что бюргерство добилось незначительных уступок. Думается, что А. И. Озолин был прав, когда несколько лет назад писал, что католическая церковь «пошла на мизерные уступки в религиозных вопросах, но сохранила за собой право на владение богатствами, на феодальную эксплуатацию и политическую власть... О том, что церковь не может обладать светской властью, не было сказано ни слова. Духовенство вновь полу-

<sup>2</sup> См. А. С. С а з о н о в а. Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса. Краткие сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР, 1952, вып. 9, стр. 252.

<sup>3</sup> Источник издан в русском переводе: Л а в р е н т и й и з Б р ж е з о в а. Гуситская хроника. М., 1962.



чало право на владение церковными и светскими именами»<sup>4</sup>. Видимо, основной причиной отхода бюргерства от движения и выступления против таборитов явились классовые противоречия с крестьянско-плебейским лагерем. Конечно, и внутренние противоречия в бюргерской оппозиции сыграли свою роль. О них следовало бы сказать подробнее.

Автор иногда называет бюргерскую оппозицию «антифеодальной» (стр. 3). Но это противоречит его высказываниям о том, что идеологи бюргерства не «ставили под сомнение» классовую структуру общества (стр. 36) и что планы его пре-

<sup>4</sup> «История Чехословакии», т. I. Под ред. Г. Э. Савчука и П. Н. Третьякова. М., 1956, стр. 180.

образования они строили в расчете «на активное вмешательство господствующего феодального класса, светских феодалов и государя» (там же).

В числе источников по бюргерской оппозиции автор привлек сочинения Т. Штитного, который принадлежал к мелкому рыцарству и отражал взгляды этого слоя феодального класса. Его взгляды во многом совпадали со взглядами бюргерства, но не были им абсолютно тождественны.

Высказанные замечания не снижают научной ценности книги. Новая работа А. И. Озолина существенно обогащает наше представление о гуситском революционном движении.

Ю. Ф. Иванов

С. В. НИКОЛЬСКИЙ. *Карел Чапек — фантаст и сатирик*. М., «Наука», 1973, 431 стр.

Исследование С. В. Никольского, посвященное социально-фантастическим произведениям Карела Чапека, свидетельствует о плодотворности научного постоянства, верности однажды избранной теме. Отнюдь не являясь единственным героем работ ученого, Карел Чапек вот уже почти четверть века привлекает его пристальное внимание. В последние годы С. В. Никольский, автор многих монографических очерков о Кареле Чапеке, переходит от общей оценки и характеристики творчества писателя к теоретическому осмыслению его вклада в мировое литературное развитие, к раскрытию диалектики мировоззренческих посылок и художественно-познавательного процесса, к глубинному анализу художественной структуры отдельных произведений и выявлению специфически чапековского преломления общих закономерностей эволюции литературных жанров. В центре внимания ученого оказывается прежде всего своеобразие чапековской научной фантастики. Прокладывая новый методологический путь исследования литературных процессов, С. В. Никольский характеризует его как изучение «исторической макропоэтики, если понимать под последней динамику жанров, художественных форм и систем, обусловленную, в свою очередь, динамикой проблематики и обращением литературы к новым и по-новому увиденным сферам действительности» (стр. 7).

Опираясь на предыдущие собственные работы и труды других авторов (уважительное отношение к ним — характерная черта его научного стиля), С. В. Никольский обстоятельно проанализировал основные произведения чапековской научной фантастики: пьесы «R. U. R.» и «Дело Макропулос», романы «Фабрика

Абсолюта», «Кракатит» и «Война с самаандрами», придя на основе детального анализа к новым, интересным и широким обобщениям. Автор выступает не только как объективный исследователь, но и как тонкий критик художественной системы Чапека. Хочется отметить также точность и солидность предлагаемой информации, причем даже в тех случаях, когда она прямо не касается литературы.

Сопоставляя роль научно-фантастического элемента в произведениях Ж. Верна, Г. Уэллса и К. Чапека, С. В. Никольский справедливо отмечает, что Уэллс и Чапек синтезируют научную фантастику с жанром социальной утопии, с футурологией, причем у Чапека сильнее ощущаются сатира и ирония. С А. Франсом Чапека сближает обращение к жанру памфлета, использование пародийной формы повествования.

В анализе каждого из названных выше произведений Чапека удачно выделяется некая исследовательская доминанта.

В главе о пьесе «R. U. R.» С. В. Никольский исследует роль научно-фантастического допущения в творчестве Чапека и, в частности, вполне резонно уточняет некоторые формулировки автора этих строк (стр. 47—48). Научно-фантастическая идея, которая у Чапека является лишь «подвоем», на который «прививается» иное, например, философско-сатирическое построение (стр. 46), дается в самой общей форме, «как бы в свернутом виде», сжимается «чуть ли не до объема экспозиции» и вместе с тем обретает ассоциативное, символическое, переносное значение (так, в «R. U. R.» «робот» становится символом обезчеловечения человека). Детально и точно рассматривается в книге вопрос о социальной сущности конфликта, изображенного в пьесе.

Умение идти дальше своих научных предшественников, рассматривать материал глубже и шире наглядно выступает в анализе образа Домина, двойственность ко орогу раскрывается в книге убедительно и тонко. Точное социально-философское «прочтение» облегчает путь в мир макропоэтики. Исследователь раскрывает соотношение между «передним планом» пьесы и «глобальным» фоном, на котором разворачивается действие; между комическим и драматическим в сюжете; между авантюрно-приключенческой романтической фабульной схемой и ее психологическим и поэтическим наполнением. Показывая связь «симметричной» композиции пьесы с наличием в ней утверждающего начала, которое у Чапека всегда выступает как оборотная сторона «жалоб на мир», исследователь затем наглядно демонстрирует поэтическое мастерство драматурга. Замечания о «звуковых метафорах», ритмике, интонации и поэтизмах в «R.U.R.» относятся к лучшим страницам книги.

Детальный анализ «R.U.R.» избавил С. В. Никольского от необходимости столь же подробно характеризовать другие произведения 20-х годов и позволил сосредоточить внимание на том новом, что вносило каждое из них «в сфере проблематики, идей, метода, жанра, поэтики». Он справедливо рассматривает эту пьесу как концентрированное выражение идей Чапека, каждая из которых в отдельности получит развитие в последующих его вещах. В «Деле Макропулос» прослеживается соединение фантастики с детективным жанром, мелодрамой и «драмой идей». Особенно интересны замечания о наблюдающемся при этом нарушении «жанрового этикета» (фантастическая разгадка), о «фарсовом повороте» в поведении персонажей, о роли судебного разбирательства в «проблемной» драме XX века. Для «Фабрики Абсолюта» такая новая черта — перенесение центра тяжести на изображение мирового процесса в целом и ограничение роли центральных героев. При этом интересно освещаются трудности соединения утопии (с ее тягой к созданию иллюзии правдоподобия) и памфлетно-пародийного начала (в пародии, бурлеске, памфлете при наличии «документальной основы») обнажается сатирическое «смещение», фиктивность действия раскрывается). В романе «Кракатит» автор прослеживает соединение традиций реалистического романа с символикой, интересно характеризует это произведение как образец эпики с отрицательным знаком.

Вершиной развития сатирико-утопической линии в творчестве Карела Чапека явился роман «Война с саламандрами». И в книге анализ его, естественно, занимает центральное место. В литературе о Чапеке впервые дана такая глубокая и исчерпывающая идейно-жанровая

характеристика романа. С. В. Никольский ведет читателя по следам авторской фантазии, как сквозь джунгли, «выслеживая» все метаморфозы жанра, прослеживая конкретную динамику этого процесса. Бесспорным и убедительным представляется вывод автора о синтезе поэтики многих жанров (стр. 390—391). Наблюдая за «скользящей жанровой пикалой» в романе, С. В. Никольский делает множество интересных частных сопоставлений. Сравнивая «Войну с саламандрами» и пьесу братьев Чапек «Из жизни насекомых», исследователь показывает, как от однолинейной, монотематической, статичной метафоры писатель переходит к метафоре многогранной, динамической. Столь же плодотворно сопоставление поисков Уэллса и Чапека в области композиции «глобального» романа или «историзма» в «Острове пингвинов» А. Франса и в «Войне с саламандрами». В книге Никольского впервые подробно раскрыта связь и соотношение суждений Вольфа Мейнерта со взглядами Освальда Шпенглера. Особенно существенной представляется мысль о наличии в романе «психологического анализа с комическим подтекстом». С. В. Никольский опирается на такое фактическое знание материала, которое приближается к максимальному. Очень важно, например, сопоставление романа «Война с саламандрами» с чапековской публицистикой середины 30-х годов.

Следовало бы, однако, уделить еще большее внимание связям романа с конкретной обстановкой тех лет. Так, хотя все, что пишет С. В. Никольский об отношении Чапека к Англии, правильно, нужно все же учесть, что именно в августе — сентябре 1935 г., когда, видимо, и создавались соответствующие главы романа, Англия, в отличие от Франции, решительно настаивала на применении экономических и военных санкций против фашистской Италии, готовившей нападение на Эфиопию (см., например, главу «Счастливым случаем» в книге Женевиэвы Табуи «20 лет дипломатической борьбы», М., 1960, стр. 294—308). Очередной поворот в политике Англии совершился в начале октября 1935 г., уже после того, как роман был завершен. Интересно было бы также сопоставить рассуждения профессора Владимира Угера из Брно (глава «О человекоящерах») с трудами бременского ботаника и физиолога растений профессора Владимира Улеглы (1888—1947), сторонника теории кондионализма. По мнению доктора Галика, которому многим обязаны не только С. В. Никольский, но и другие чапековеды, это возможный прототип чапековского романа.

Большое место в книге уделено критике чапековских философских посылок и общей эволюции его творчества. Исследователь наглядно показывает, как писа-

тель подчас вступает в конфликт с собственной фило офией. Удачно раскрыта парадоксальная двойственность чапековской образной многозначности, с одной стороны позволяющей раскрыть многие реальные противоречия действительности, с другой — приводящей к смешению и нивелировке принципиально разных явлений, к философской иллюстративности. Однако однозначная оценка не всегда позволяет отразить реальную сложность эволюции писателя. Трудно, например, сказать, где он ближе к реализму и дальше от декаданса — в своих ранних рассказах или в «Распятии» и «Мучительных рассказах». Не поддается однозначной оценке и тот период, который автор называет периодом «кризиса философии» Чапека.

Книга отличается точностью, а подчас и художественной выразительностью формулировок. Научная объективность — главное ее достоинство. Проявляется она и в решении теоретических вопросов. Полемизируя с «предрассудками по отношению к возможностям условных форм в реалистическом искусстве» (стр. 405), С. В. Никольский свободен от «апологетизации условности», которой, например, не избежал А. Р. Волков в книге «Драматургия Карела Чапека» (1972).

Труд С. В. Никольского, особенно в разделе о «Войне с саламандрами», присуща, если так можно выразиться, некая позиция обстоятельности. Автор

не ограничивается доказательством общего кризиса, а с осязательным удовольствием проследживает реальное бытие той или иной художественной тенденции. Хотя изредка ощущается некоторая избыточность иллюстративного материала или его комментирования (стр. 278—281, 289—290, 302—304), пафос обстоятельности идет на пользу книге. Однако не все главы в этом отношении равноценны («Два лика», «Философский кризис»). Неоправданно мало сказано об «Адаме-творце». Тут проявилась и ставшая уже традицией недооценка этого произведения. Следовало бы и несколько подробнее оттенить те элементы в «Белой болезни» и «Матери», которые служат развитию фантастическо-сатирической, «глобальной» линии творчества писателя. Вместе с тем сама ограниченность книги проблемами одного жанра ведет к некоторой общей недооценке несатирической линии творчества Чапека. Поэтому хотелось бы пожелать, чтобы автор обратился к сферам творчества Чапека, еще детально им не обследованным, создав монографию о художественной системе писателя в единстве и во всем многообразии ее жанровых проявлений.

Книга С. В. Никольского — одна из наиболее значительных в литературе о Чапеке. Она поднимает общий уровень чапековедения на новую, более высокую ступень.

*О. М. Малевич*

## МОНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАШЕВСКОГО

Этот очерк принадлежит Винценти Данеку<sup>1</sup>, труды которого о Крашевском уже отмечались в нашей печати.

Отличительной чертой новой, рецензируемой книги польского ученого является сочетание популяризаторских целей с попыткой научного синтеза, заслуживающей особого внимания.

Крашевский является не только одним из самых плодотворных беллетристов в мире, но и человеком разносторонних дарований: он был выдающимся публицистом и влиятельным литературным критиком своего времени, искусствоведом, историком, этнографом и фольклористом, он систематически и притом не дилетантски занимался живописью и музыкой, коллекционированием произведений искусства и исторических ценностей, отдал немало сил редакционно-издательскому делу, вел обширную переписку с многочисленными корреспондентами и, наконец, на протяжении всей жизни участвовал в общественно-поли-

тической борьбе. Такая исключительная многогранность деятельности писателя, понятию, не могла не осложнить изучения его наследия в целом. Не случайно лишь немногие из массы работ о нем, список которых занимает весь 12-й том библиографического издания «Новый Корбут», могут претендовать на более или менее полное освещение его жизни и творчества. Но и из этих немногих работ к оригинальным можно отнести только книгу П. Хмельевского «Юзеф Игнацы Крашевский» (1888). Изданная год спустя после смерти писателя, она, естественно, была далека от всестороннего охвата материала и содержала много поспешных заключений. Тем не менее до недавнего времени она была в Польше единственной монографией, которая, представляя вполне самостоятельную научную концепцию творчества Крашевского, могла претендовать вместе с тем на полноту его освещения. И вот, наконец, появился труд, дающий иное, соответствующее современному уровню знаний, общее представление о жизни и деятельности знаменитого польского романиста.

<sup>1</sup> W. D a n e k. Józef Ignacy Kra-  
zewski. Warszawa, 1973, 547 s.

«Юзеф Игнацы Крашевский» В. Данека суммирует не только его собственные многолетние усилия, но и знания польской науки в целом о писателе. Опираясь на ее лучшие достижения, в особенности на современные исследования (С. Буркота, Т. Новацкой, С. Свежевского и др.), В. Данек четко и сжато формулирует свои суждения и оценки с учетом всей совокупности наследства Крашевского.

Широкому кругу читателей любопытными могут показаться и сведения о разведывательной деятельности престарелого романиста, помогавшего Франции в ее борьбе против Германии Бисмарка. Историков не могут не заинтересовать публицистические выступления Крашевского и характеристика его отношения к шляхетскому освободительному движению, его неверия в возможность для шляхты одержать победу над русским царизмом без вовлечения в борьбу народных масс, его установок на сближение с «будущей» Россией как главной естественной союзницей освобождения Польши и т. д. Для литературоведов более существенными окажутся, вероятно, наблюдения над новаторскими начинаниями автора «Ульяны», «Волшебного фонаря», «Двух миров», «Фамильных интересов» и др., над его отношением к романтизму и его борьбу за реализм в польской литературе, над его попытками создать новый, «документальный» тип исторического романа, над двумя способами использования исторических источников в художественных произведениях и др.

Свое изложение В. Данек основывает на хронологическом принципе, выделяя в жизни и деятельности писателя четыре периода. В книге им соответствуют четыре части: «Детство и юность», «Волея», «Варшава», «На чужбине», в которых публицистическая, художественная, литературно-критическая и ученая деятельность Крашевского рассматриваются как дополняющие и разъясняющие друг друга.

При рассмотрении литературно-художественного творчества Крашевского В. Данек, опираясь на принятое в науке разграничение современного и исторического жанров и на разработанную им самим классификацию повестей и романов польского прозаика, пользуется для их характеристики методом экзemplификации. Так, при характеристике волеянского периода в центре внимания исследователя оказывается современная проза Крашевского. Группа так называемых автобиографических повестей: «Поэт и мир», «Воспоминания незнакомца», «Сфинкс», «Повесть без названия» и «Метаморфозы» — представлена в книге преимущественно разбором первого из произведений. Равномернее анализируются крестьянские повести «История Савки», «Ульяна», «Остап Бондарчук» и

др. Зато из социально-бытовых повестей и романов, отображающих жизнь помещиков, подробнее всех рассматривается «Волшебный фонарь» как произведение особо важное с точки зрения польского историко-литературного процесса. При освещении дрезденского периода творчества Крашевского на передний план, естественно, выдвигаются исторические романы во главе со «Старым преданием» и т. д. Благодаря такой подаче материала книга В. Данека, при ее относительно небольшом объеме и типично очерковом, подчас даже фрагментарном характере, приобретает немаловажное свойство пособия, позволяющего читателю свободно ориентироваться в огромном наследии Крашевского и безошибочно выбирать показательные в том или ином отношении произведения.

Ценность этого монографического очерка заключается и в обстоятельном и глубоком раскрытии идеологии писателя, ее индивидуального своеобразие, что позволило исследователю пролить новый свет и на характерные для Крашевского колебания между консервативной и революционной польской шляхтой и на его творческую эволюцию, связанную с изменением общественно-политической позиции. Нельзя не согласиться с автором, что Крашевский никогда не одобрял повстанческо-революционных актов и что те польские демократы и революционеры, которые принимали его за своего соратника или попутчика, заблуждались насчет истинных мотивов протеста писателя против панского гнета, национального рабства, контрреволюционного террора и т. д. Все эти выступления романиста в защиту обездоленных В. Данек убедительно объясняет его упорной морализаторской проповедью любви к человеку.

Многогранность освещения личности Крашевского, в котором мы видим и великого деятеля, ошеломляющего своей титанической трудоспособностью, и обыкновенного человека, не лишено многих слабостей, и художника, и ученого, и журналиста, и т. д., — это, несомненно, самая замечательная черта рецензируемого труда. Но, к сожалению, эта установка на всесторонность оборачивается у автора и самым крупным просчетом в его построениях. Особенно заметен он в непомерном разрастании страниц, посвященных публицистике. Конечно, автор прав, когда замечает, что из-за недооценки значения публицистической, литературно-критической и ученой деятельности Крашевского «страдали прежние обобщения» его творчества (стр. 7). Но это еще не основание для того, чтобы в обобщающем монографическом очерке, претендующем прежде всего на цельность, а не на специальную разработку еще не решенных вопросов, отводить публицистике больше места, чем

литературному творчеству, поскольку последнее преобладало и в личной деятельности писателя и — что самое главное — оказалось его наиважнейшим вкладом в польскую и мировую культуру. Есть в книге и другие, правда, не столь существенные погрешности. Так, заниженной, создающей впечатление некоего бессистемного нагромождения очерков из истории польского политического сознания и национальных обычаев представляется характеристика «Польши во времена трех разделов» (стр. 495—497). А между тем в основе этого главного исторического труда Крашевского лежит взгляд на события 1772—1799 гг. как на необходимый результат борьбы внутренних противоречий в Речи Посполитой — точка зрения, хотя и проникнутая идеалистическим, гегельянским представлением об определяющей роли духа в истории, но тем не менее противостоявшая распространенным попыткам объяснять крушение польского государства проiscaми внешних сил. Именно эта концепция, нацеливавшая на объективное изучение истории, помогла автору «Польши во времена трех разделов» занять, безусловно, более правильную позицию, чем та, какой придерживались многие его соотечественники, и в их числе Ш. Аскенази, один из ведущих польских историков позднейшего времени (поэтому, между прочим, по данному вопросу не стоило бы опираться на авторитет Аскенази, как делает В. Данек, стр. 496). Неожиданной кажется, далее, и та оговорка, согласно которой Крашевский «историком по профессии не

был», хотя и был признанным «авторитетом среди современных ученых» (стр. 499). Неясно, также, на чем основано убеждение исследователя, что Крашевский «не знал литовского языка» (стр. 292). Из признания самого писателя, цитируемого на указанной странице, следует только то, что он изучил этот язык не в той степени, в какой ему хотелось бы, не в совершенстве владел им. По-моему, едва ли оправдано и сопоставление Крашевского с Тэном в том плане, что первый на пять лет раньше автора «Философии искусства» высказал мысль о связи художника с духом своей народности и своего времени (стр. 299). Эту идею задолго до Тэна высказывал, в частности, Гегель, а вслед за ним ее развивали в Польше — Дембовский, в России — Белинский и т. д.

Но в целом, при всех ее недостатках, книга В. Данека — это несомненное достижение современной польской литературоведческой мысли. Она по-новому освещает гигантскую фигуру Крашевского, знаменуя значительный шаг вперед по сравнению с той концепцией его жизни и творчества, которая была выдвинута еще Хмельевским и которая, прочно закрепившись в научном обиходе, дожила до наших дней. Все это, несмотря на популярный характер оцениваемого очерка, позволяет видеть в нем достаточно удачный синтез польской литературы о Крашевском, поднимающий наши знания о знаменитом писателе на новую ступень научности.

*И. К. Горский*

## ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ МОНОГРАФИЯ О И. ЮНГМАНЕ

Йозеф Юнгман (1773-1847) — один из крупнейших деятелей эпохи национального Возрождения, ученый-филолог и переводчик, патриот-просветитель, организатор национальной культурной жизни. Основное направление усилий Юнгмана — раскрытие богатства и жизнеспособности отечественной культуры. Эта цель вдохновляла его переводческую деятельность. Стремясь показать литературные возможности чешского языка, Юнгман перевел «Потерянный рай» Мильтона, «Аталу» Шатобриана, «Слово о полку Игореве». Самые крупные труды Юнгмана — многотомный чешско-немецкий словарь, огромный свод богатств чешского языка, и «История чешской литературы». На протяжении всей своей жизни Юнгман был преподавателем, негласным руководителем и наставником чешских просветителей, филологов, поэтов.

Юнгман был большим другом русского народа, симпатией к которому проникнута вся его деятельность, вся его жизнь, все его сочинения, письма, документы

вплоть до завещания, в котором он просил передать его библиотеку в Россию. История этого книжного собрания, которое хранится ныне в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, — сама по себе интереснейшая страница чешско-русских культурных связей.

Организация обмена книгами и собиранье русских книг, переводы русских произведений, встречи с русскими деятелями культуры, учет русского опыта в создании истории литературы, мысли о судьбе России и славянства — неотъемлемые слагаемые деятельности Юнгмана.

Книга известного советского ботаника д-ра ист. наук А. С. Мыльникова «Йозеф Юнгман и его время»<sup>1</sup>, сообщая основные сведения о Юнгмане, несомненно, представляет собой серьезный

<sup>1</sup> А. С. Мыльников. Йозеф Юнгман и его время. М., «Наука», 1973, 160 стр. (Серия «Из истории мировой культуры»).

вклад в изучение деятельности чешского просветителя. Популярная по своему характеру, она вместе с тем является солидным научным исследованием, основанным на богатейшем материале, в большей своей части неизвестном советскому читателю, а в определенной степени новым и для чешского читателя. Широко характеризуя не только деятельность Юнгмана, но и его эпоху (большой самостоятельный интерес представляют многочисленные страницы, посвященные другому крупному ученому и просветителю того времени Йозефу Добровскому), автор во многом опирается на малодоступные у нас источники. Это тем более важно, что период, освещенный в книге, разработан в советской богемистике слабее, чем история и история культуры второй половины XIX—XX вв.

Обилие исследованного и сведенного в систему материала составляет первое достоинство книги. Вторая заслуга автора — глубокие характеристики деятельности Юнгмана и его отношения к миру, отмеченной печатью двух эпох — эпохи Просвещения и романтизма. Следует подчеркнуть, что, рассказывая о Юнгмане-патриоте, о борьбе чешского народа против национального гнета, автор книги подчеркивает глубокое уважение Юнгмана к подлинным ценностям прогрессивной немецкой культуры — Гердеру, Гете, Шиллеру и т. д. Особенно актуальна тема русско-чешских культурных связей и сотрудничества, профилирующая в рецензируемой работе: А. С. Мыльников показывает не только большой интерес Юнгмана к России, но и внимание русской общественности к чешской культуре.

Работа о Юнгмане написана большим книголюбом. Поэтому она представит интерес не только для студентов, преподавателей, читателей, проявляющих внимание к чешской культуре, но и для библиофилов, любителей истории книги.

Книга открывается и завершается историей приобретения книжной коллекции Юнгмана императорской Публичной библиотекой (ныне Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина). В биографическую канву вплетены характеристики эпохи и сведения о современниках Юнгмана. Рассказ о его жизненном и творческом пути чередуется с тематическими главами, посвященными, например, истории проникновения

русской книги в Чехию, описанию библиотеки Юнгмана и т. д. Большой и самостоятельный источниковедческий интерес представляют приложенные к монографии список русских книг, зарегистрированных в каталоге личной библиотеки И. Юнгмана (стр. 155—158), и научное описание архива И. Юнгмана, хранящегося в ленинградской Публичной библиотеке (стр. 158—159).

Положительно оценивая рассматриваемую монографию, хотелось бы одновременно обратить внимание на спорные или недостаточно полно, на наш взгляд, освещенные вопросы. Так, было бы целесообразно в начальных главах книги более обстоятельно сказать о том состоянии, в котором оказалась чешская культура, язык, литература, книжное дело в результате двух веков иноземного гнета и контрреформации.

Спорной представляется попытка найти в воззрениях Юнгмана цельную систему философских взглядов и дать ей точные определения. В сущности законченной системы философских воззрений у Юнгмана, на наш взгляд, не было.

Недостаточное внимание уделено в книге «Чешско-немецкому словарю» Юнгмана, потребностью работы над которым отчасти объясняется и состав библиотеки Юнгмана.

Но все это — частности. Книга А. С. Мыльникова содержит обильный материал о Юнгмане, его эпохе и современниках, о чешско-русских литературных связях. Материал этот сведен в систему и хорошо осмыслен, что уже отмечалось в рецензиях на этот труд, опубликованных в чехословацкой общественно-политической и научной печати<sup>2</sup>. В советской славистической литературе книга А. С. Мыльникова впервые дает такое широкое и квалифицированное представление об одном из самых ярких деятелей эпохи чешского национального Возрождения, его времени, традициях русско-чешской дружбы и плодотворных культурных связях.

С. В. Никольский

<sup>2</sup> M. K ř e m o v á. Leningradský slavista o našem obrození. «Rovnost», Brno, 1973, 14 IX; S. Vlašín. O Josefu Jungmannovi rusky. «Rude pravo», 1973, 18 IX; M. K ř e m o v á. Leningradský slavista o J. Jungmannovi. «Naše řeč», 1973, № 4, s. 194—197.



*БОНЮ АНГЕЛОВ. Страницы из историята на старобългарската литература. София, 1974, 235 стр.*

*БОНЮ АНГЕЛОВ. Страницы из истории староболгарской литературы*

Рецензируемая книга болгарского профессора Б. Ст. Ангелова представляет собой сборник статей, касающихся общих и специальных вопросов староболгарской литературы IX—XVII вв. В каждой из 18 статей отчетливо вырисовывается позиция ученого по затрагиваемой проблеме.

В статье «Вопросы художественности, поэтики и литературной теории» Ангелов подчеркивает значение эстетической ценности староболгарской литературы, выступая против недооценки ее некоторыми учеными и культурными деятелями прошлого. Отметим, что в изучении поэтики, художественного метода и стиля отдельных древнеславянских памятников достигнуты определенные успехи, автор призывает славистов объединить свои усилия для дальнейших плодотворных разработок в этой области. По справедливому мнению Ангелова, на творческий метод и эстетическое отношение древнеславянских писателей к искусству могут пролить свет многочисленные высказывания писателей о своем творчестве, равно как и средневековые эстетические трактаты, наподобие труда византийского книжника Георгия Хировска «О образех», переведенного в Болгарии в конце IX — начале X в. Свои соображения ученый подкрепляет примерами из произведений древнеславянских писателей Иоанна Экзарха (X в.), Кирилла Туровского (XII в.), Евфимия Тырновского (XIV в.), Владислава Грамматика (XV в.).

В статье «Некоторые черты развития староболгарской литературы» рассматривается сложный вопрос о ее специфике. По мнению Ангелова, давний спор между учеными о характере древнеболгарской литературы (считать ее компилятивной и подражательной по отношению к византийской или оригинальной, самобытной?) разрешить весьма трудно. Определение удельного веса оригинальных памятников в древнеболгарской литературе осложняется рядом обстоятельств, среди которых наиболее важными являются: неопределенность относительно времени возникновения и распространения многих древнеславянских памятников; гибель значительного количества памятников в результате войн, небрежного отношения к рукописям или сознательного их уничтожения (например, еретических памятников); фрагментарность сохранившегося древнеславянского литературного наследия; отсутствие систематизации и точного учета дошедших до нашего времени памятников.

Статья «Некоторые общие черты в развитии древнеславянских литератур» содержит полемику ученого с акад. Д. С. Лихачевым по поводу создания единой истории древних славянских литератур до XVI в. Эту идею Б. Ст. Ангелов считает преждевременной, так как «древняя болгарская, русская и сербская литературы, а особенно болгарская и сербская, недостаточно изучены» (стр. 53). Такой аргумент вызывает у нас сомнение. Конкретные и теоретические знания в области литературоведения определенным образом взаимосвязаны между собой. Любые теоретические обобщения, не подкрепленные конкретным материалом, обыкновенно беспочвенны. Первые обобщения становятся возможными лишь в результате накопления известной суммы фактов, но после этого углубление конкретных литературоведческих знаний и развитие теоретической мысли идут как бы параллельно, причем теория выше эмпирики и нередко предугадывает то, что подтверждается затем фактами. Процесс овладения громадным конкретным материалом у медиевистов, по-видимому, будет длительным. Стоит ли дожидаться окончания этого процесса? Утвердительный ответ равнозначен отказу от теории и сведению медиевистики к фактографической науке на многие годы.

В этой же статье оспаривается целесообразность таких введенных акад. Д. С. Лихачевым понятий, как «литературная трансплантация», «болгарская литература-посредница», ставится под сомнение его мысль о единой судьбе древних славянских литератур.

Под новым углом зрения автор книги рассматривает болгаро-византийские литературные связи IX—XIV вв. (статья «Болгаро-византийские литературные связи»). Обычно эти связи в медиевистике сводились к одностороннему византийскому влиянию в Болгарии. Ангелов справедливо пишет, что, очевидно, речь следует вести о взаимовлиянии. Вскоре после возникновения славянской письменности болгарская литература стала оказывать свое воздействие на византийскую. Автор указывает на греческое «Житие Климента Охридского», написанное архиепископом Феофилактом; краткое «Житие Климента», созданное греком Димитром Хоматианом; греческое «Житие Иоанна Рильского», составленное Григорием Скилицей. Учтены и распространены в Византии болгарского еретического учения богомилов, деятельность реформатора церковных песнопений Иоанна Кукузеля и т. п.



В отличие от первых четырех статей, имеющих общетеоретический характер, остальные четырнадцать посвящены конкретным вопросам истории древнеболгарской литературы. Названия статей указывают на их содержание: «Гимн Кирилла-Философа в честь Климента Римского», «Сочинения Климента Охридского и их литературная судьба», «Климент Охридский — автор общей „Похвалы Кириллу и Мефодию“», «Климент Охридский — автор общих служб», «Полный южнославянский перевод сочинения „Небеса“», «Существовал ли поп Богомил?», «Сказание о железном кресте», «Болгарская литература XV в.», «О сочинениях Григория Цамблака», «Григорий Цамблак — автор „Службы Иоанна Сочавского“», «Цамблак не был автором „Рассказа о зографских мучениках“», «Новый список „Рассказа о восстановлении бол-

гарской патриархии“», «Об авторе „Болгарской хроники“ начала XV в.», «Жанр „хождений“ в южнославянских литературах до XVII в.».

Ученый приводит данные о новых списках древнеболгарских памятников, высказывает много верных наблюдений об авторстве таких произведений, как «Рассказ о зографских мучениках», «Служба Иоанна Сочавского», «Болгарская хроника», поднимает вопрос об исследовании жанра «хождений» в южнославянских литературах.

Книга проф. Б. Ст. Ангелова является важным вкладом в изучение древнеболгарской литературы. Обилие фактического материала и актуальность затронутых в книге тем — ее главные достоинства.

*И. И. Калиганов*

*Т. П. РУДАЯ. Иван Франко — дослідник слов'янського фольклору. Київ, 1974, 155 стор.*

*Т. П. РУДАЯ. Иван Франко — исследователь славянского фольклора*

И. Франко внес ощутимый вклад в исследование фольклора славянских народов. До недавнего времени его фольклористическое наследие в области славистики оставалось недостаточно изученным. Этот пробел в известной степени восполняет рецензируемая книга Т. П. Рудой.

Хотя во вступлении к книге скромно отмечено, что работа «является лишь первой попыткой сведения и анализа большого и разнообразного материала», все же рассматриваемая книга дает достаточно полное представление о широте и разнообразии славистических интересов Франко-фольклориста.

Опираясь довольно обширным фактическим материалом, исследовательница умело подбирает наиболее важные и весьма показательные факты, многие из которых она открыла и впервые вводит в научный оборот. Автор в достаточной мере углубляется в фольклористическую проблематику, стремится дать всестороннюю оценку многих научных источников, использованных И. Франко. На основе различных сопоставлений и изучения многих выводов, содержащихся в работах Франко и других исследователей, автор выдвигает и некоторые свои гипотезы, высказывает отдельные предположения, которые могут быть использованы в дальнейших исследованиях рассматриваемой темы.

Много важных и ярких фактов из области украинско-русских взаимосвязей освещено в первом разделе — «Прогрессивная восточнославянская фольклористика как источник формирования взгля-

дов Франко на народное творчество», где подчеркивается решающее влияние идей русских революционных демократов на развитие передовой фольклористической концепции Каменяра.

С интересом ознакомится читатель и с дальнейшими разделами книги, свидетельствующими о широте славистических интересов выдающегося писателя и ученого: «Иван Франко и польский фольклор и фольклористика», «Взаимосвязи Франко-фольклориста с чехами и словаками», «Болгария в кругу интересов Франко — фольклориста и писателя», «Сербо-хорватский фольклор как объект научных и художественных увлечений И. Франко».

Ценной чертой рецензируемой книги является то, что исследовательница не ограничивается чисто историографическим аспектом в освещении избранной ею темы, а постоянно держит в поле зрения важные теоретические проблемы, которые были особенно актуальны для европейской и отечественной фольклористики конца XIX — начала XX в., стремится определить вклад И. Франко в разработку методики собирания народного творчества, в изучение жанровой специфики славянского фольклора различных исторических эпох, в толкование фольклора как социально обусловленного явления. Много внимания в книге уделено изучению деятельности Франко как переводчика и популяризатора произведений различных жанровых форм фольклора славянских народов.

Завершает монографию Т. П. Рудой обширный список использованной лите-

ратуры и перечень многих архивных источников, которые могут быть в дальнейшем использованы исследователями.

Приходится, однако, сожалеть, что в книге отсутствует именной указатель. Ведь в исследовании Т. Рудой приводится так много интересных, порой забытых или малоизвестных, а иногда и совершенно новых фактов, связанных с именами выдающихся славянских ученых. Конечно же, именной указатель значительно бы облегчил использование этих фактов дальнейшими исследователями украинско-славянских фольклористических взаимосвязей.

По нашему мнению, автору рассматриваемой работы следовало бы занять более четкую позицию в вопросе Краледворской рукописи. В славистике, кажется, уже давно упрочилось мнение

об этом памятнике как о «гениальной подделке» В. Ганки. В книге же Т. Рудой порой скользят мысль об этом, как всего лишь о гипотезе, которую якобы еще следует доказать. Иногда автор называет отдельных деятелей не их настоящей фамилией, а псевдонимами, которыми они в определенное время выуждены были пользоваться (например, на стр. 121 упоминается Данило Млака, настоящая фамилия которого — и это широкоизвестно — И. Воробкевич). Имеются в книге отдельные мелкие погрешности стиля. Но все эти незначительные упущения не могут снизить или умалить значения рецензируемой книги Т. П. Рудой, являющейся ценным вкладом в советскую славистику.

*И. П. Березовский*

### ИЗУЧЕНИЕ ЭМБЛЕМЫ В ПОЛЬСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

В 1973 г. вышел в свет XXXVII том серии «Старопольские исследования», посвященный одному из основных жанров литературы XVII в. — жанру эмблемы. Его автор — известный исследователь старопольской литературы и литературы XVII в., перу которого принадлежит несколько крупных монографий и ряд основополагающих статей, профессор Януш Пельц<sup>1</sup>. Он давно интересуется эмблемой и эмблематикой вообще, изучая их в различных аспектах. Он анализировал структуру эмблемы, ее соотношение с другими литературными жанрами, изучал эмблематичность поэзии XVI—XVII вв., посвятив отдельные работы эмблематике М. Рея, Жб. Морштына. В рецензируемой работе проф. Я. Пельц сумел объединить эти аспекты, давая исчерпывающее описание польской эмблематики в ее историческом развитии, в широком сопоставлении с эмблематикой европейской.

Изучая только один жанр эпохи барокко, но очень обстоятельно, рассматривая возможные варианты его структуры, его прагматическую функцию, взаимодействие с другими жанрами в пределах литературы и вне ее, Я. Пельц дал картину литературы и, даже шире, культуры барокко в целом. В этом не только заслуга автора, но и важная особенность исследуемого им объекта.

Эмблема выявляет характерные черты литературы XVII в. — поэзии, прозы, басни и поэмы, концентрируя в себе наиболее типичные особенности искусства барокко. Она предельно воплотила тенденцию к символическому отражению мира, благодаря чему собрания эмблем

становятся своеобразными словарями символики XVII в. В конденсированном виде она осуществляет типичное для эпохи барокко взаимодействие изобразительного искусства и искусства слова, которые стремятся слиться в ней и перейти друг в друга. Эмблема включает в себя изобразительную (рисунок) и словесную часть, состоящую из подписи и надписи. Иногда налицо только подпись, иногда в словесную часть входит комментарий. В эмблеме слились воедино две противоположные доминирующие тенденции литературы барокко: к аллегоризации (и отсюда к условности) и к нравоучительности (отсюда к наглядности). Эмблема содержала в сентенции, т. е. надписи, аллегорию, загадку и в то же время в подписи давала конкретный урок читателю. Она классифицировала, упорядочивала мир и в то же время была неожиданна, непредсказуема, сочетая рисунок и слово, общую идею эмблемы. С наибольшей последовательностью она отразила соотношение знака и значения в литературе XVII в.<sup>2</sup>

Эмблематика в исследовании Я. Пельца не существует изолированно. Ее анализ сочетается с анализом философских основ искусства XVII в. (неоплатонизм), с анализом общих процессов, происходящих в литературе барокко, например с развитием сарматской ее линии, с восприятием античности, с эволюцией аллегории и с общей морализацией искусства. Анализ эмблематики автор связал с исследованием основных тем барокко: Mors — Fatum — Vanitas, с основопо-

<sup>1</sup> J. Pelc. *Obraz — Słowo — Znak*. Wrocław, 1973.

<sup>2</sup> Л. А. Софронова. Некоторые проблемы поэтики барокко. «Советское славяноведение», 1974, № 1.

лагающими принципами ее поэтики, например *Concors discordia*.

Представляя историю зарождения жанра, его названия, эволюцию его поэтики, Я. Пельц делает интересные сопоставления эмблемы с родственными в генетическом и типологическом отношении жанрами: с иероглифической, пользовавшейся громадной популярностью в XVI—XVII вв., с иконологией, а также с литературными жанрами, имеющими «прикладное» значение, с предшествующей эмблематике геральдикой (со стеммами). Исследователь освещает положение эмблемы в книгопечатании, показывает ее связь с иллюстрацией, гравюрой, ее принадлежность альбому (*album amicorum*), популярному домашнему литературному виду искусства того времени.

Особого внимания исследователей эпохи барокко заслуживают выводы Я. Пельца о эмблеме в пределах литературы. Он выявил соответствия в строении эмблемы и элоги, эмблемы и басни, эмблемы и загадки. Доказывая близость этих художественных структур, Я. Пельц упоминает сборники, объединявшие эмблемы, стеммы, апофтегматы, басни («Зверинец», М. Рея). Автор проследил жизнь эмблемы в риторических и агиографических сочинениях. Его книга — это не только исследование эмблематики, но и польской поэзии XVI—XVII вв. Рассматривая эмблему как художественный прием, Я. Пельц проанализировал творчество польско-латинских поэтов эпохи Ренессанса, а также М. Рея, Я. Кохановского, Ш. Шимоновича, Зб. Морштына, К. Твардовского, Ст. Г. Любомирского. На материале их творчества, а также привлекая менее известных поэтов, автор реконструировал созданную ими картину мира и человека (глава IV, раздел 3).

Отдельно в работе ставится вопрос об эмблематике в архитектуре, особенно окказиональной, в театре, показана жизнь эмблемы в паратеатральных действиях: церковных процессиях, триумфах, церемониях<sup>3</sup>.

Наблюдения Я. Пельца над эмблемой в различных областях искусства привели к выводу о том, что эмблематика выступает в двух видах: литературном, где эмблема преимущественно была трехчленной, и принадлежащем изобразительному искусству, где она чаще была двухчленной, распадаясь на рисунок и подпись.

Большую часть работы Я. Пельц посвящает собственно эмблематике. Он не только детально описал уже известные

сборники эмблем Ст. Г. Любомирского, Зб. Морштына, Ж. де Монтеней, а также соотносящиеся с ними западноевропейские сборники, но и ввел ряд новых, ранее не описанных сборников эмблем и гербов, включил в научный оборот новые имена мастеров эмблемы (стр. 230—232). Автор выявляет различные принципы построения сборников. Оказывается, они могли издаваться и без изображений, как «Горациевы эмблемы» в версии Ст. Лоховского или «Некоторые эмблемы» Ст. Доманевского, или содержать унифицированные в строфическом отношении тексты, как сборники А. М. Фредро, Ст. Г. Любомирского, подписи под изображением могли иметь фиксированную графическую структуру, имитирующую известные символы: колонны, обелиски, треугольник, крест, как в «*Adverbia Moralia*» Ст. Г. Любомирского. Сборники могли быть тематическими, могли посвящаться одному лицу или роду. Я. Пельц прослеживает отдельные тенденции эмблематики, как, например, развитие дидактики в эротической эмблематике, эволюцию значений отдельных эмблем — любви земной и любви небесной, напоминающая работы Э. Панофского.

Я. Пельц подробно рассматривает функцию эмблемы в литературной жизни, указывая, что собрания эмблем были для поэтов, архитекторов, художников настольной книгой, из которой они черпали свои образы, символы, орнаментальные фигуры. Эти сборники были необходимы и декораторам, оформителям интерьеров, организаторам триумфов, праздников, придворных и церковных церемоний. Прикладное значение эмблемы было, однако, второстепенным — к ней относились прежде всего как к самостоятельному жанру, обладающему моральным воздействием. «...В них может найти развлечение и поучение тот, кто хочет в этом мире руководствоваться разумом, а не блуждать, как неразумный скот. Чтобы знать, чего остерегаться, чем развлекаться, как жить в добродетели и как исправиться», — писал Ст. Доманевский о задачах эмблематики.

Анализ эмблематики позволил Я. Пельцу показать непрерывную связь и взаимное отталкивание художественных эпох. В этом аспекте автор сопоставляет художественные принципы Ренессанса и Барокко, культуру XVII в. с культурой эпохи Просвещения. Последние исследования в области литературы и театра показали, что культурные традиции XVII в. не были так сильно нарушены, как считалось раньше. Так, в XVIII в. наравне с другими жанрами продолжала существовать эмблематика, перепечатывались и переводились многие сборники эмблем XVII в. и выходили новые. Я. Пельц реабилитирует «Новые Афины» Б. Хмелевского, столько раз осмеянные польскими литературоведами, показывает

<sup>3</sup> В связи с эмблемой в погребальных церемониях возникает вопрос о эмблеме и ее соотношении с «труненным» портретом. См. Л. И. Танаева. Некоторые черты развития старопольского портрета (XVII—XVIII вв.). Проблемы портрета. М., 1974.

их зависимость от «Иконологии» Ц. Рины, основополагающего сборника эпохи Ренессанса и Барокко. Кроме того, эмблематика пародировалась, что также свидетельствовало о ее жизнеспособности. Она продолжала также занимать свое место в архитектуре и театре.

Пожалуй, в меньшей степени разработан, хотя и привлекает своей постановкой, вопрос об эмблеме как знаке. Я. Пельц делает продуктивное предположение о знаковой природе эмблемы, определяет ее как попытку создания общего языка различных искусств, системы универсальных знаков, как попытку сведения воедино слова и изображения. Он предполагает также, что эмблему можно рассматривать как сочетание различных способов описания одного и того же явления. Последнее предположение представляется чрезвычайно интересным, в то время как первое вызывает некоторые возражения. С нашей точки зрения, эмблема действительно представляет собой типичную для барокко попытку соединить несоединимое, связать слово и рисунок и в то же время их противопоставить. Они связаны как могут быть связаны два возможных перевода одного и того же текста на один и тот же язык, или на различные, так как эмблема предлагает разные способы описания одного и того же понятия на языке различных искусств. Они ориентированы на то, чтобы читатель-зритель мог оценить мастерство переводчика, убедился в возможности одно и то же явление называть различно, еще сильнее почувствовал воздействие искусства.

Возможно, что при описании структуры эмблемы полезно было бы рассматривать ее как соотношение одного означаемого с двумя означающими (изображение и слово), сочетающимися в единой худо-

жественной структуре. Означаемое, общая идея эмблемы, может быть явным и неявным (см., например, 48 эмблему из «Эмблем» Зб. Морштына), определенным и неопределенным в связи с тенденцией к многозначности, господствовавшей в XVII в. Между означающими возникают отношения различных типов. Они могут существовать параллельно, ничем не дополняя друг друга и не вводя ничего нового в осмысление образа. Они могут также соотноситься как конкретное и абстрактное понятия: рисунок конкретизирует, слово абстрагирует, или наоборот. Кроме того, они могут соотноситься как загадка — отгадка. Означающие могут различаться точкой зрения как организующей композиции, полнотой описания. Иногда они сами соотносятся как означаемое и означающее. Изображение становится означаемым (см. 61, 87 эмблемы Зб. Морштына), а текст — означающим, объясняя рисунок.

В заключение хотелось бы добавить, что книга о эмблеме Я. Пельца привлечет не только славистов, но и специалистов по русской литературе, которой также был известен этот жанр в XVII—XVIII вв. Русская эмблематика, как известно, во многом связана с польской, и исследование польского ученого может оказать существенную помощь при ее изучении, которое ведется в настоящее время <sup>4</sup>.

Л. Софронова

<sup>4</sup> См. А. А. Морозов. Падение «Готска Фаетонта» Ломоносова и эмблематика петровского времени. «Ceskoslovenská rusistika», 1972, № 1; е г о ж е. Купидоны Ломоносова. К проблеме барокко и рококо в России XVIII в. «Ceskoslovenská rusistika», 1970, № 3.

Л. АНДРЕЙЧИН. *Езикови тревоги*. София, 1973, 265 стр.

Л. АНДРЕЙЧИН. *Тревоги о языке*

Книги выдающегося болгарского лингвиста Л. Андрейчина, посвященные вопросам литературного болгарского языка и речевой практики, занимают видное место среди постоянно растущих средств лингвистического образования в Болгарии. После книги «На езиков пост» («На лингвистическом фронте»), изданной в 1961 г. и с интересом встреченной читателями, в 1973 г. вышла из печати вторая книга Л. Андрейчина, удачно названная «Езикови тревоги».

В течение нескольких десятилетий Л. Андрейчин, используя печать и радио, с большим опытом и умением борет-

ся за внедрение норм литературного болгарского языка, способствует формированию у каждого болгарина стремления к правильной, богатой и чистой родной речи, оказывает неоценимую помощь в общем деле осуществления целенаправленной языковой политики, разделяя озабоченность всей общественности по данному наиболее важному вопросу. Результаты этой многолетней благородной деятельности нашли отражение и в последней его книге.

Книга «Езикови тревоги» представляет собой сборник, в котором собраны статьи и критические заметки разнообразного

содержания. В них автор вновь рассматривает множество конкретных и злободневных вопросов речевой практики. В вводной части книги, озаглавленной «Наш национальный литературный язык» (стр. 7—31), кратко очерчены основные принципы языковой политики в современных условиях, те принципы, которыми Л. Андрейчин руководствуется в своей деятельности уже несколько десятилетий. Автор находит правильное объяснение тех трудностей, без которых невозможно усвоение литературного языка массами, и четко ограничивает вопросы языкового строительства от вопросов языковой культуры. Он различает степень развития современного литературного болгарского языка и степень владения им, правильно и умело используя его выразительные средства. Для того, чтобы в совершенстве овладеть языком, недостаточно лишь любить его. Для этого, по мнению Л. Андрейчина, необходимы как знание о строе, правилах и процессах его развития, так и умение пользоваться его словарным и стилистическим богатством.

Наряду с разъяснением общих теоретических положений о значении языка для развития всех сторон жизни общества, о роли литературного языка как средства общения, во вводной части приводятся и основные сведения о структуре литературного болгарского языка, его возникновении и формировании. Убедительно и профессионально рассматривается вопрос о взаимодействии между народным языком и влияниями языка традиционной письменности при создании новоболгарского литературного языка. Автор утверждает, что формирование и развитие языка идет одновременно с развитием познания и культуры, «но процесс языкового развития не является ни естественным, ни механическим. Это специфически общественный и специфически лингвистический процесс» (стр. 15). В этом плане и для развития литературного языка необходимо прилагать постоянные и всемерные усилия, так как все еще существуют односторонние и неточные представления о его природе, функции и составе.

Автор неоднократно обращался в своих трудах к вопросам языковой нормы и правильности, разъяснял понятия чистоты, богатства, точности и правильности языка. В рецензируемой книге эти вопросы вновь стали предметом исследования на основе свежего и конкретного материала. Л. Андрейчин полагает, что правила языка определяют внутренние закономерности строения языковой системы, а нормы языка — такие явления в литературном языке, которые связаны с имеющимися различиями между диалектной речью и речью интеллигенции. Несмотря на то, что автор стоит за целенаправленное вмешательство в стихийный процесс язы-

кового развития, за организованное руководство этим процессом, он не стремится дать однозначный ответ на сложные вопросы каждодневной практики. Не соглашаясь с пренебрежительным отношением к нормам языка, он понимает в то же время, что и излишний педантизм и категоричность также являются, во первых, односторонними и вредными в деле борьбы за повышение языковой культуры, и, во-вторых, препятствуют ее сознательному развитию. Эти вопросы автор разрабатывает в статьях «Язык и культура», «Язык и революция», «Язык и эстетика».

В статье «Некоторые вопросы литературного языка» (стр. 19—27) подробно и оригинально разработаны вопросы формирования литературного болгарского языка и его характера. Норму автор связывает с языковыми стилями, и это дает ему возможность уловить и определить допустимые пределы всего того в языковом материале, что является перспективным и способствует возникновению богатого стилистического разнообразия в языке. Л. Андрейчин считает, что нормативность — это отнюдь не закоренелость или скованность языка, препятствующая его дальнейшему развитию. Однако установлению той или иной нормы в литературном языке «может содействовать и научная оценка преимуществ и недостатков каждой отдельной возможности» (стр. 24). По мнению автора, языковая норма непрестанно развивается, и поэтому литературный язык может и должен допускать значительное количество вариантов. При оценке новых явлений в языке необходимо учитывать не только внутренние системные факторы, но и функциональные. При этом следует иметь в виду как частные тенденции развития и национальные традиции, так и возможности унификации, экономии, интернациональных связей и влияний. Именно с такой точки зрения автор оценивает каждый новый языковой факт и сложную языковую действительность. Иллюстрацией к сказанному может служить приводимый автором богатый материал в его критических заметках.

Основное внимание в книге уделено вопросам, связанным с практикой. Автор по тематическому принципу объединяет в отдельные главы заметки, в которых рассматриваются или типичные и характерные для каждодневного языкового общения ошибки и отклонения от норм литературного языка, или те же вопросы, которые все еще не могут считаться полностью решенными с точки зрения их функционирования. Здесь можно найти и указания справочного характера о правильном употреблении отдельных слов, форм и сочетаний, и практические ответы, консультации и надежные лингвистические советы о правильной и безупречной болгарской речи.

В главе «Произношение, графика, орфография» предметом рассмотрения, например, является обширный круг вопросов и проблем, поставленных самой жизнью, на которые необходимо незамедлительно дать правильные и обоснованные ответы. Здесь автор исследует вопросы из области графической стилистики, транскрипции, стихосложения и т. п. Обдуманно, спокойно и непредвзято Л. Андрейчин объясняет и некоторые все еще спорные вопросы языковой культуры и языковой политики в области болгарского правописания: написание глагольных окончаний в настоящем времени и членных форм мужского рода, чередование *e/я* и т. п. В этой главе читатель найдет и ответы на многие конкретные вопросы, связанные с типичными орфографическими, орфоэпическими и акцентными ошибками и колебаниями.

При анализе материала в главе «Грамматические вопросы» особенно ярко проявляется одна характерная черта деятельности Л. Андрейчина. Для него грамматика не является наукой, оторванной от жизни; по его убеждению, лингвист должен быть ученым, дающим советы и обоснованные, целенаправленные рекомендации, а не просто пассивным регистратором языковой стихии. Поэтому Л. Андрейчин активно вмешивается в процессы языка, объясняет их, предсказывает и обосновывает существующие тенденции, а там, где это необходимо, смело и открыто борется за внедрение в языковую практику богатых по выразительным средствам и правильных высказываний.

Содержащиеся в этой главе замечания об употреблении глагольных времен, существительных, числительных и местоимений снабжены убедительной аргументацией и исчерпывающими комментариями, часто на основе сравнительно-исторических данных. Хорошо подобранный иллюстративный материал помогает закреплению в памяти читателя объясненной закономерности и доводов правильности, а также добавляет новые сведения к ранее известным, в результате чего знания приводятся в систему и порядок, а сущность и причина ошибки становятся ясными и понятными.

Практика бесспорно свидетельствует о том, что лингвистические заметки дан-

ного типа, прекрасным мастером которых является Л. Андрейчин, читают и широко используют массы.

Правильное разграничение таких сфер действия языка, как диалект, разговорная речь и литературный язык, дает возможность автору производить тонкие стилистические наблюдения над материалом (в частности, в главах: «О правильном употреблении слов и выражений» и «Словообразование — важный вопрос в строительстве языка»). Критические замечания и здесь читаются не без пользы. Доступность стиля, индивидуальность авторских интонаций, удачно найденные подробности — все это имеет целью увлечь читателя, а не развлечь его. Автор сознательно стремился сделать изложение максимально ясным и убедительным, так как, по его убеждению, распространение лингвистических знаний является основным средством для повышения культуры речи.

В главе «В мире имен собственных» Л. Андрейчин комментирует некоторые орфографические и орфоэпические особенности болгарских и неболгарских (иноязычных) имен и фамилий, а в главе «Борьба за чистоту родного языка продолжается» рассматривает на конкретном материале одну важную сторону языковой культуры — вторжение и утверждение иноязычных заимствований в лексической системе болгарского литературного языка. В этом отношении состояние современного литературного языка, по мнению автора, все еще вызывает озабоченность и серьезные опасения.

Книга «Езикови тревоги» пронизана идеей сознательного, теоретически обоснованного и организованного воздействия на развитие языка. Проблемы языковой политики, как в общетеоретическом плане и освещении, так и в критических замечаниях и рекомендациях, явно присутствуют в книге и определяют ее направленность. Автор создал новый тип научных книг о языке, предназначенных для широкого круга читателей; не взирая на поставленные в них конкретные практические задачи, они выходят за рамки обыкновенного просветительства и представляют интерес для широкого круга лингвистов.

Тодор Бояджиев



## БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАХ  
ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ВЫШЕДШИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ  
В 1974 г.

## I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Актуальные проблемы международного рабочего движения. «Наука», 1974.

Богина Е. Л. Закономерности развития мировой системы социализма. (Лекция.) Моск. ун-т, 1974.

Ведущая роль рабочего класса в социалистических странах. Изд. 2. «Мысль», 1974.

Внешнеэкономические связи социалистических стран. «Наука», 1974.

Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 1—2. М., 1974.

Дзюбко І. С. Закономірності розвитку світової соціалістичної системи. Київ, 1974.

За дружбу и всестороннее сотрудничество. Материалы Консультативного совещания руководителей молодежных организаций социалистических стран. (Москва, 4—5 ноября 1974 г.). «Молодая гвардия», 1974.

Любовцев В. И. ПНР: активная политика мира. Междунар. отношения, 1974.

Международное коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение. Учебн. пособие. Изд. 2 доп., ч. 2. 1939—1973. «Мысль», 1974.

Международные отношения в Западной Европе. Междунар. отношения, 1974.

Международные отношения на Балканах. «Наука», 1974.

Печенев В. А. Мировая система социализма и международные отношения. «Знание», 1974.

Смолянский В. Г. Социалистическая организация общества и антикоммунизм. «Экономика», 1974.

Современные международные отношения и внешняя политика Советского Союза. Учебн. пособие. Изд. 2 доп. «Мысль», 1974.

Соловьева К. Ф. Ленинское учение о социализме и закономерности развития мировой социалистической системы хозяйства. «Высшая школа», 1974.

Социалистический интернационализм в действии (Деятельность КПСС и ВКП). Междунар. отношения, 1974.

Степанян П. А., Баженов В. Г. Диалектика национального и интернационального в защите мировой системы социализма. «Знание», 1974.

2. *Экономика. Экономическое сотрудничество*

Аграрно-промышленное кооперирование в европейских странах СЭВ. М., 1974.

Бородкин И. А. и др. Развитие интеграции в химической промышленности стран СЭВ. «Экономика», 1974.

Бутаков Д. Д. Финансовые проблемы хозяйственных реформ в странах—членах СЭВ. «Финансы». 1973.

Быков А. Н. Научно-техническая интеграция социалистических стран. Междунар. отношения, 1974.

Грабовский А. П., Пугачев Б. М. Мосты дружбы. Сотрудничество молодежи социалистических стран в экономике. «Знание», 1974.

Дудинский И. В. Социалистическая интеграция и общеевропейское экономическое сотрудничество. «Знание», 1974.

Душанов И. Бухгалтерский учет в Народной Республике Болгарии. «Финансы», 1974.

Клочко В. П. Проблемы підвищення ефективності промислового виробництва в європейських країнах РЭВ. Київ, 1974.

Козлов В. И. Капитальное строительство и его роль в развитии социалистической экономической интеграции стран—членов СЭВ. «Стройиздат», 1974.

Козлов Г. А. Основные черты экономики развитого социализма. «Мысль» 1973.

Комплексные программы в системе перспективного народнохозяйственного планирования. М., 1974.

Краснов Л. В. Экономика стран СЭВ на новых рубежах. «Знание», 1974.

Ларионов К. А. Социалистическая экономическая интеграция. М., 1974.

Лисовский В. И. Валюта и международные отношения. Междунар. отношения, 1974.

Лобев С. Д., Страхова Н. К. Развитие экономической интеграции в пищевой промышленности стран—членов СЭВ. Пищевая пром-сть, 1974.

Медведев А. М. Стандартизация в условиях экономической интеграции стран Европы. Обзорная информация. М., 1974.

Место экономических связей СССР и СФРЮ в системе хозяйственных связей СССР с зарубежными странами. Докл. на сов.-югосл. коллоквиуме (Москва, 11—15 декабря 1973). М., 1974.



Митрофанова Н. И. К общей оценке системы цен мирового социалистического рынка. М., 1974.

Народонаселение зарубежных стран. «Статистика», 1974.

Научно-техническая революция и интеграция стран СЭВ. «Наука», 1974.

Павлов Ю. М. Методологические проблемы изучения регионального аспекта экономической интеграции стран СЭВ. М., 1974.

Правовое положение социалистического сельскохозяйственного предприятия. М., 1974.

Проблемы развития сельского хозяйства социалистических стран Европы. «Наука», 1973.

Проблемы развития экономических отношений между социалистическими и капиталистическими странами. Моск. ун-т, 1974.

Проблемы социалистической экономической интеграции. «Мысль», 1974.

Размерная типология населения стран — членов СЭВ. «Легкая индустрия», 1974.

Савенко Ю. Н. Электроэнергетика стран — членов СЭВ и многостороннее сотрудничество. М., 1974.

Совершенство управления экономикой стран СЭВ. На примере НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР и ЧССР. «Наука», 1974.

Совет Экономической Взаимопомощи. 25 лет. «Прогресс», 1974.

Современный этап экономического и научно-технического развития социалистических стран. Моск. ун-т, 1974.

Состояние и перспективы развития нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности стран — членов СЭВ, М., 1974.

Сотрудничество стран СЭВ в обрабатывающей промышленности. «Экономика», 1974.

Стандартизация и социалистическая экономическая интеграция. М., 1974.

Степаненко С. И. Совершенствование научно-технического сотрудничества стран СЭВ. «Мысль», 1974.

Тарифные системы оплаты труда в промышленности стран — членов СЭВ. М., 1974.

Управление социалистическими промышленными объединениями и предприятиями, т. 1—2. Коллективная монография специалистов стран — членов СЭВ. «Прогресс», 1974.

Фадеев Н. В. Совет Экономической Взаимопомощи. 1949—1974. «Экономика», 1974.

Ширяев Ю. С. Этапы и перспективы экономической интеграции социалистических стран. «Знание», 1974.

Шмиголь Н. Н. Развивающиеся страны: проблемы достижения экономической самостоятельности. Моск. ун-т, 1974.

Экономический механизм функционирования международных совместных предприятий стран — членов СЭВ. Москва — София, 1974.

Ясный В. К., Древновская М. В. Современное состояние и тенденции развития угольной промышленности социалистических стран. (Метод. указание по экон. образованию.) М., 1974.

### 3. Партийная жизнь

Георгий Димитров — выдающийся революционер-ленинец. Политиздат, 1974.

Петренко Ф. Ф. Руководящая роль коммунистических и рабочих партий в строительстве социализма и коммунизма. «Знание», 1974.

### 4. Государственное строительство. Право

Гельфер М. А. Уголовное право зарубежных социалистических государств. Учебн. пособие. М., 1973.

Народная Республика Болгария. Основы государственного строя. М., 1974.

Новое уголовное законодательство зарубежных социалистических стран Европы. М., 1974.

Правовые формы организации и деятельности Совета Экономической Взаимопомощи. Научн. совещ., проводимое Ин-том с участием ученых-юристов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Тезисы докл. М., 1974.

### 5. Справочники. Библиография

Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1974. Политиздат, 1974.

Международное рабочее движение. Справочник. Вып. 3. Политиздат, 1974.

Мир социализма в цифрах и фактах. 1973. Справочник. Политиздат, 1974.

Названия СССР, союзных республик и зарубежных стран на 20 языках. Словарь-справочник. Политиздат, 1974.

Народное хозяйство социалистических стран в 1973 году. Сообщения стат. управлений. «Статистика», 1974.

Народонаселение стран мира. Справочник. «Статистика», 1974.

Политические партии. Справочник. Политиздат, 1974.

Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. 1974. «Статистика», 1974.

Страны мира. Краткий политико-экономический справочник. «Политиздат», 1974.

## II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

## 1. История

Брат для брата. Сборник очерков. Сов. Россия, На отечествен. фронт, 1974.

Бурлак-Вылканов П. По братской Болгарии. Путевые заметки. «Карта молдовеняскэ», 1974.

В сражениях за победу. Боевой путь 38-й армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. «Наука», 1974.

Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы, т. 3. «Наука», 1974.

Ганевич И. В. Деятельность Болгарской коммунистической партии по укреплению диктатуры пролетариата. Сентябрь 1944—1948. «Вища школа», 1974.

Германская восточная политика в новое и новейшее время. Проблемы истории и историографии. «Наука», 1974.

Годы братской дружбы и сотрудничества СССР и ПНР. Летопись важнейших событий советско-польских отношений 1944—1974 гг. Сост. В. П. Чугаев и др. «Наукова думка», 1974.

Данилова Г. М. Проблемы генезиса феодализма у славян и германцев (Сравнительный анализ франкских, древнерусских, хорватских, сербских и польских источников). «Карелия», 1974.

Добровольский Е., Северняк С. Болгария знакомая и незнакомая. Политиздат, 1974.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 8. Январь 1944 — декабрь 1945 г. «Наука», 1974.

Дорога начинается на Шипке. Из летописи советско-болгарской дружбы. Ростов-н/Д, 1974.

Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. «Мысль», 1974.

Евзеров Р. Я., Яжборовская И. С. Роза Люксембург. Биографический очерк. «Мысль», 1974.

Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1971. «Минтис», 1974.

Карасев В. Г. Сербский демократ Живоин Жуевич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. «Наука», 1974.

Класова борьба селянства Східної Галичини (1772—1849). Документи і матеріали. Київ, 1974.

Костиков П. К. Польская Народная Республика: 30 лет по пути социализма. «Знание», 1974.

Куйбышев — Стара Загора. Сост. Л. Кузьмина, К. Колев. Куйбышев, 1974.

Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. Моск. ун-т, 1974.

Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905—1907 гг. «Вища школа», 1974.

На магистралах дружбы і братерства. Участь Української РСР у співробітництві радянського союзу з європейськими соціалістичними країнами. (1966—1970 рр.). Київ, 1974.

Народная Республика Болгария. «Наука», 1974.

Новаковский Д. И., Марченко А. Д. Славное боевое содружество. Материалы к 30-летию Словацкого народного восстания и освобождения Чехословакии. «Знание», 1974.

Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. Сб. статей и материалов. «Наука», 1974.

Ольшанский П. Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921—1924. «Наука», 1974.

Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. Изд. 2. Политиздат, 1974.

Петрович И. П. В. И. Ленин о задачах революционной борьбы пролетариата Польши. Белорус. ун-т, 1974.

Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. «Наука и техника», 1974.

Польская Народная Республика. «Наука», 1974.

Польша и Русь. Черты общности и своеобразие в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. «Наука», 1974.

Попков Б. С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. Русская проблематика и контакты. «Наука», 1974.

Поплавский С. Г. Товарищи по борьбе. Изд. 2. Воениздат, 1974.

Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше. Москва — Варшава, 1974.

Пруниця С. Ю., Хланта О. В. Борьба за перемену пролетарского интернационализма в чехословацком рабочем руху. (1918—1938 рр.). Київ, 1974.

Ратников А. Н. В борьбе с фашизмом. О совместных боевых действиях советских и югославских войск в годы второй мировой войны. Воениздат, 1974.

Ромодин Б. От Ровно до Праги. Вологда, 1974.

Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР. Научное описание. Сост. И. П. Старовойта. «Наука», 1974.

Сергеев С. Д., Михеев С. В. 30 лет социалистической экономики Болгарии. (Цифры и факты.) «Знание», 1974.

Симуров А. Т. Сказания о болгарском брате. «Беларусь», 1974.

Советские люди в освободительной борьбе югославского народа. 1941—1945 гг. (Воспоминания, документы и материалы). «Наука», 1973.

Советский Союз — народная Польша. 1944—1974. Документы и материалы. Политгиздат, 1974.

Советско-болгарские отношения. 1948—1970. Документы и материалы. Политгиздат, 1974.

Советско-польские отношения. 1918—1945. Сб. статей. «Наука», 1974.

Туривненко Н. И. Освободительная миссия Советской Армии в Болгарии (сентябрь 1944). Учебн. пособие. Донецк, 1974.

Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф. Памятники древних славян (VI—VIII вв.). «Штиинца», 1974.

Федосова Т. Ф. Польские революционные организации в Москве. 60-е годы XIX века. «Наука», 1974.

Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. Сб. статей. «Наука», 1974.

Чернейко Г. А. Народной Болгарии — 30 лет. «Знание», 1974.

Язкова А. А. Малая Антанта в европейской политике 1918—1925. «Наука», 1974.

## 2. Культура. Наука

Бэлза И. Ф. Михал Клеофас Огинский. Изд. 2. «Музыка», 1974.

Венгеров Л. М. Зарубіжна література. 1871—1973. Огляди і портр. Навч. посібник для студентів філол. фак. ун-тів. «Вища школа», 1974.

Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Сборник статей в честь В. Н. Лазарева. «Наука», 1973.

Волынский Э. Кароль Шимановский 1882—1937. Краткий очерк жизни и творчества. «Музыка», 1974.

Грибовська О. І., Малирчук М. Д. Історія болгарської літератури (IX—XX ст.). «Вища школа», 1973.

Зарубежная литература. Изд. 2. Минск, 1973.

Исследование по славянской филологии. Сборник, посвященный памяти акад. В. В. Виноградова. Моск. ун-т, 1974.

Казбярук У. М. Ступені росту. Беларуская літаратура канца XIX — пачатку XX ст. і традыцыі польскіх пісьменнікаў. «Навука і тэхніка», 1974.

Киселев И. Н. Сотрудничество Академии наук СССР с Академиями наук стран — членов СЭВ. 1957—1967. «Наука», 1974.

Культура и общество в эпоху становления наций. (Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII — 70-х годах XIX в.). «Наука», 1974.

Література правди і прогресу. До питання розвитку літературного процесу в країнах соціалістичної співдружності. «Дніпро», 1974.

Медерский Л. А. Гданьск. Города — побратимы Ленинграда. Стройиздат, 1974.

Мельцар Д., Савачкин П. Беларусь и Балгария — дружба, сотрудничество, братарства. Минск, 1974.

Молодые поэты Югославии. «Молодая гвардия», 1974.

Пономарева Н. Н. Современная болгарская драматургия. «Наука», 1974.

Развитие педагогики и образования взрослых в социалистических странах. (Материалы конференции.) Л., 1974.

Риманов И. Ф. Встречи с Ярославом Гашеком. Чуваши книгоиздат, 1974.

Руда Т. П. Иван Франко — дослідник слов'янського фольклору. «Наукова думка», 1974.

Скрипкина Т. И. История библиотечного дела за рубежом. Европейские социалистические страны. Учебн. пособие. Л., 1974.

Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.). Тезисы докл. и сообщений. М., 1974.

Смирнов Ю. И. Славянские этнические традиции. Проблемы эволюции. «Наука», 1974.

Современные проблемы литературоведения и языкознания. К 70-летию со дня рождения акад. М. Б. Храпченко. «Наука», 1974.

Співдружність літератур і сучасна ідеологічна боротьба. «Наукова думка», 1974.

Сравнительное изучение славянских литератур. Мат-лы конференции 18—20 мая 1971. «Наука», 1973.

Станюкович Я. В. Реализм Марии Домбровской. «Наука», 1974.

Українське слов'янознавство. Історія зарубіжних слов'янських народів. Вип. 10. «Вища школа», 1974.

Файнгелеринт Д. М. Болгарская литература за 50 лет (1918—1968 гг.). Учебн. пособие для студентов 3—4 курсов филолог. фак-та. Калинин, 1974.

Цончева М., Войкова И., Иванова В. Современное искусство Болгарии. «Искусство», 1974.

Шедевры польской живописи. XIX — начало XX века. Из собраний польских музеев. Каталог выставки. Предисл. С. Лоренца. Сов. художник, 1974.

## 3. Языкознание

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. «Наука», 1974.

Болгарско-русский фразеологический словарь. Сост. А. К. Кошелев и М. А. Леонидова. «Наука и искусство», 1974.

Влчек Й. Русско-чешский словарь. 40 000 слов. Изд. 2, «Русский язык», 1974.

Вопросник общеславянского лингвистического атласа. М., 1974.

Вопросы романо-германского и славянского языкознания. «Наука», 1974.

Г а с п а р о в Б. М., С и г а л о в П. С. Сравнительная грамматика славянских языков. Пособие для студентов. Тарту, 1974.

Г о р ш к о в А. И. Старославянский язык. Изд. 2. «Высшая школа», 1974.

Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. «Наука», 1974.

Г р о м о в а А. П. Сравнительная фонетика славянских языков, ч. I. Учебн. пособие по спецкурсу. Свердловск, 1974.

И в а н о в В. В., Т о п о р о в В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. «Наука», 1974.

Карманный чешско-русский и русско-чешский словарь. Изд. 3. «Русский язык», 1974.

К р о т о в с к а я Я. А., Г о л ь д б е р г Б. М. Учебник польского языка. Изд. 2. «Высшая школа», 1974.

М а л ь к о Р. Н. Географическая терминология чешского и словацкого языков (на общеславянском фоне). «Наука и техника», 1974.

Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1974.

М и т р о н о в а И. П. и др. Карманный польско-русский и русско-польский словарь. Изд. 9. «Русский язык», 1974.

Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. «Наука», 1974.

Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. «Наука», 1974.

Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков. Предварительные материалы (15—16 января 1974). «Наука», 1974.

С и м у л и к М. В. Складні речення ускладненого типу в сучасних слов'янських мовах (Текст лекцій). Ужгород, 1974.

Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу (Воронеж, 11—16 сентября 1974. Тезисы докладов). Воронеж, 1974.

Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. «Наука», 1973.

Тези доповідей та повідомлень міжвузівської наукової конференції з питань східнослов'янського іменного словотвору. (Запоріжжя, 24—26 вересня 1974). «Наукова думка», 1974.

Х а б у р г а е в Г. А. Старославянский язык. Учебн. пособие для студентов пед. ин-та. «Просвещение», 1974.

Чешско-русский словарь, т. 1—2. 62 000 слов. Москва — Прага, 1973.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. I. «Наука», 1974.

Этимология. 1972, «Наука», 1974.

#### 4. Справочники. Библиография

А н и с и м о в В. В., К о с т и к о в П. К., С в е т л о в В. А. Польская Народная Республика. Справочник. Политиздат, 1974.

Антифашистское движение Сопротивления польского народа в годы второй мировой войны. 1939—1945. Информ.-библиогр. указатель сов. и заруб. книг по истории. «Книга», 1974.

Б е р н о в Ю. В., Ч е р н е й к о Г. А. Народная Республика Болгария. Справочник, Политиздат, 1974.

Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1974.

Памятные даты по зарубежной художественной литературе на 1975 год. «Книга», 1974.

Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. Вып. 1—2. Библиогр. материалы М., 1974.

### ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1974 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

#### I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

##### 1. Общие вопросы

А н и к и н С. Социалистическая Федеративная Республика Югославия: год активной политической активности. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1974 г. М., 1974.

Б е й л і с О. С., К у т и к В. Н. Народно-демократичні революції і світовий революційний процес. Укр. слов'янознавство, Львів, 1974, вип. 10.

Болгария глазами друзей. О судьбах страны и города, идущих по социалистическому пути. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 9.

В е к о в А., Х а д ж и н и к о л о в В. Интернациональная солидарность — основа победы социалистической революции. В кн. Социалистический интернационализм в действии. М., 1974.

Г р у з а И. Ведущая роль рабочего класса в Чехословакии и критика ее

фальсификаторов. В кн. Ведущая роль рабочего класса в социалистических странах. М., 1974.

Константинов Ф. Т. Социалистический интернационализм — высшая ступень в развитии интернационализма. В кн. Социалистический интернационализм в действии. М., 1974.

Константинов Ф. Т. Яркий пример всестороннего сближения социалистических государств. В кн. Социалистический интернационализм в действии. М., 1974.

Константинов Ф. Т., Чернейко Г. А. Знаменосцы интернационализма. В кн. Социалистический интернационализм в действии. М., 1974.

Кодар С. Ф. До питання про єдність національних та інтернаціональних інтересів соціалістичних країн. Питання наук. комунізму, Київ, 1974, вип. 26.

Кузнецов М. Чехословацкая Социалистическая Республика: 25 лет по пути строительства социализма. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1974 г. М., 1974.

Наумов Д. Ф. Критика некоторых теорий современного антикоммунизма и ревизионизма. В кн. Некоторые проблемы социально-политического развития социалистического общества. Воронеж, 1974.

Пайестка Ю. Польская Народная Республика: курс на ускорение общественно-экономического развития. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1974 г. М., 1974.

Тодоров Г. Социалистический интернационализм — основа дружбы и братства советского и болгарского народов. В кн. Социалистический интернационализм в действии. М., 1974.

Хромущин Г. Научно-технический прогресс и борьба против буржуазной и ревизионистской идеологии. План. хозяйство, 1974, № 12.

Чернейко Г. Народная Республика Болгария. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1974. М., 1974.

Ясинский О. А. ПНР на путях строительства развитого социалистического общества. Весн. Беларус. ун-та. Сер. гісторыя, філасофія, навуковы камунізм, эканоміка, права, Мінск, 1974, № 3.

2. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Гавриков Г. В. Международные отношения нового типа. (Единство действий СССР и НРБ в защиту мира и безопасности народов.) В кн. Социалистический интернационализм в действии. М., 1974.

Гранов В. Борьба идеологий и сотрудничество государств. Междунар. жизнь, 1974, № 12.

Крутько Н. Г. Воздействие мира социализма на рабочее движение в странах капитала. Весн. Беларус. ун-та. Сер. гісторыя, філасофія, навуковы камунізм, эканоміка, права, Мінск, 1974, № 3.

Петров В. Борьба Советского Союза и других стран социалистического сотрудничества за разоружение. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1974, М., 1974.

Хнеупек Б. Координация действий — основа успехов внешней политики социализма. «Коммунист», 1974, № 17.

Чембаров А. Страны социализма и европейская безопасность. Междунар. жизнь, 1974, № 12.

3. *Экономика. Экономическое сотрудничество*

Антошин Н. Н. Сотрудничество стран-членов СЭВ и СФРЮ в области гидроэнергетики. (К 25-летию создания СЭВ.) Гидротехн. стр-во, 1974, № 11.

Богданов О. С., Досталь А. А. Развитие экономических связей между социалистическими и промышленно развитыми капиталистическими странами. «Деньги и кредит», 1974, № 11.

Богомолов О. Два типа международной экономической интеграции. Мировая экономика и междунар. отношения, 1974, № 11.

Бодрова В. В. Процессы естественного движения населения в социалистических странах. В кн. Естественное движение населения современного мира. М., 1974.

Боротваш Э., Выриков А. Некоторые вопросы сотрудничества стран — членов СЭВ в области автомобильного транспорта. Внешн. торговля, 1974, № 12.

Вайс Т. А. Сотрудничество стран — членов СЭВ в использовании трудовых ресурсов. В кн. Трудовые ресурсы и научно-техническая революция. (Использование труд. ресурсов стран СЭВ в условиях научн.-техн. революции и совершенствования методов соц. хозяйствования.) Москва — Берлин, 1974.

Волков Ф. М. Критика антимарксистских концепций, извращающих характер труда в социалистическом обществе. В кн. Труд и коммунизм. Октябрьские чтения. М., 1974.

Воронин В. О новых мероприятиях по государственному регулированию цен в ЧССР. Вопр. ценообразования, 1974, вып. 6.

Дворжак И., Ежек Т. Пути повышения эффективности использования трудовых ресурсов в Чехословакии. В кн. Трудовые ресурсы и научно-техническая революция. (Использование труд. ресурсов стран СЭВ в условиях научн.-техн. революции и совершенствования методов соц. хозяйствования.) Москва — Берлин, 1974.

Дегтярь Л. С. Проблемы обеспеченности народного хозяйства стран — членов СЭВ трудовыми ресурсами. В кн. Трудовые ресурсы и научно-техническая революция. (Использование труд. ресурсов стран СЭВ в условиях науч.-техн. революции и совершенствования методов соц. хозяйствования.) Москва — Берлин, 1974.

Дженкова В. І. Удосконалення планомірних зв'язків соціалістичних країн — членів РЕВ у процесі відтворення. Вісн. Київського ун-ту. Сер. економіки, 1974, № 16.

Драганова И. Оплата труда в животноводстве в зависимости от результатов производства (в НРБ). Междунар. с.-х. журн., 1974, № 6.

Дудинский И. В. Социалистическая экономическая интеграция и развитие мировой социалистической системы. Вопр. истории, 1974, № 10.

Евтимов К., Вовко Д. 30 лет плодотворного экономического сотрудничества и братской дружбы Болгарии с Советским Союзом. Экономика Сов. Украины, Киев, 1974, № 10.

Заруба О. Д., Сліпоморій Р. А. Національні та міждержавні фактори зростання національного доходу в умовах соціалістичної економічної інтеграції. Вісн. Київського ун-ту. Сер. економіки, 1974, № 16.

Зеленев С. Международные монополии и критика теории «конвергенции». В кн. Современные проблемы развития и соревнования двух общественно-экономических систем. М., 1974.

Золоев В. Новая форма сотрудничества стран СЭВ в действии. Киембаевский асбестовый горно-обогатительный комбинат. Внешн. торговля, 1974, № 9.

Исупов В. Внешняя торговля СССР со странами — членами СЭВ. План. хоз-во, 1974, № 12.

Калинин К., Надь Я. Животноводство стран — членов СЭВ: состояние и перспективы развития. Междунар. с.-х. журн., 1974, № 6.

Карпич В. С. Социалистическая экономическая интеграция и благосостояние трудящихся стран — членов СЭВ. Рабочий класс и соврем. мир, 1974, № 6.

Касаркина Р. Проблемы формирования цен во взаимной торговле стран — членов СЭВ. Вопр. ценообразования, 1974, вып. 4.

Кобзарь Э. Сближение методов внутреннего ценообразования стран — членов СЭВ. Вопр. ценообразования, 1974, вып. 9.

Ковалева М. Аграрно-промышленные объединения в Болгарии. Экономика сельск. хоз-ва, 1974, № 11.

Конев Ю. В. Научно-техническая интеграция стран — членов СЭВ и рост производительности труда. В кн. Труд и коммунизм. Октябрьские чтения. М., 1974.

Константинов Ю. Интеграционные процессы в валютно-финансовой системе стран СЭВ. Внешн. торговля, 1974, № 12.

Кормнов Ю. Ф., Бух М. Е. Проблемы аграрно-промышленной кооперации в странах СЭВ. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1974, № 6.

Кулигин П. И. Объединения и хозрасчет в экономике европейских стран СЭВ. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1974, № 6.

Лебедев П. Н. Решение проблемы квалифицированных кадров в процессе строительства материально-технической базы социализма в ПНР. В кн. Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе. Киев, 1973.

Лебединская А. Совместная инвестиционная деятельность стран СЭВ. Междунар. жизнь, 1974, № 12.

Лезник А. Д., Алямовский Е. В. Углубление и совершенствование сотрудничества в обрабатывающей промышленности — важнейшее направление экономической интеграции стран СЭВ. В кн. Сотрудничество стран СЭВ в обрабатывающей промышленности. М., 1974.

Мандрыкин В. Сближение и выравнивание экономических уровней стран СЭВ. «Слово лектора», 1974, № 12.

Миккульский К. И. Узловые проблемы совершенствования использования трудовых ресурсов стран — членов СЭВ на современном этапе. В кн. Трудовые ресурсы и научно-техническая революция. (Использование труд. ресурсов стран СЭВ в условиях науч.-техн. революции и совершенствования методов соц. хозяйствования.) Москва — Берлин, 1974.

Минков М. Миграция населения в Болгарии. В кн. Народонаселение зарубежных стран. М., 1974.

Минков М. Перспективные сдвиги в балансе трудовых ресурсов Болгарии. В кн. Трудовые ресурсы и научно-техническая революция. (Использование труд. ресурсов стран СЭВ в условиях науч.-техн. революции и совершенствования методов соц. хозяйствования). Москва — Берлин, 1974.

Морское судоходство ПНР в 1973 году. Мор. транспорт за рубежом, 1974, № 9.

Новиков И. Т. Социалистическая интеграция в строительстве. «Новое время», 1974, 8 ноября, № 45.

Новожиллов В. В. Некоторые особенности развития специализации и кооперации в автомобилестроении стран — членов СЭВ. В кн. Труд и коммунизм. Октябрьские чтения. М., 1974.

Маергойз И. М., Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация в социалистических странах Европы. Вопр. географии, 1974, сб. 96.

Пекшев Ю. Важный фактор мира и социально-экономического прогресса. (Раз-

витие и углубление экономических связей социалистических стран с капиталистическими и развивающимися.) План.хоз-во, 1974, № 12.

Петухова С. П. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области производства товаров народного потребления. В кн. Сотрудничество стран СЭВ в обрабатывающей промышленности. М., 1974.

Подгорный А. З. Особенности естественного движения населения Болгарии (1944—1972 гг.). В кн. Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе. Киев, 1973.

Пописаков Г. Болгаро-советское экономическое сотрудничество. В кн. Социалистический интернационализм в действии. М., 1974.

Пошгащ Ш. Роль кооперативов в экономике стран — членов СЭВ. В кн. Колхозы в экономической системе социализма. М., 1974.

Прокудин В. Сотрудничество стран СЭВ по охране и улучшению окружающей среды. Междунар. жизнь, 1974, № 11.

Размеров В. Социалистические международные отношения. Мировая экономика и междунар. отношения, 1974, № 12.

Раковский С. Н. Научно-техническая революция и миграция населения. (На примере социалистических стран Европы.) Изв. Всесоюз. геогр. о-ва, 1974, т. 106, вып. 6.

Рябова Г. В. Производственные взаимосвязи стран СЭВ в машиностроении. В кн. Сотрудничество стран СЭВ в обрабатывающей промышленности. М., 1974.

Сабеди Е. Взаимосвязи между изменениями плодovitости и социально-экономическим развитием социалистических стран Восточной Европы. В кн. Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе. Киев, 1974.

Савчук В. І. Соціалістична економічна інтеграція — об'єктивна закономірність дальшого посилення інтернаціоналізації суспільного життя країн — членів РЕВ. Питання наук. комунізму, Київ, 1974, вип. 26.

Самсонкина Л. М. Возрастание роли сотрудничества, экономической интеграции социалистических стран в углублении международного социалистического разделения труда. В кн. Труд и коммунизм. Октябрьские чтения. М., 1974.

Сенешин Л. Международное сотрудничество в области механизации лесохозяйственных работ. Междунар. с.-х. журн., 1974, № 6.

Смитиенко Б. М. Роль международного социалистического разделения труда в формировании структуры производства стран — членов СЭВ. В кн.

Труд и коммунизм. Октябрьские чтения М., 1974.

Смолински З. Воспроизводство населения Польши. В кн. Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе. Киев, 1973.

Соревнование и стимулы в европейских странах СЭВ. Вестн. соц. соревнования, 1974, № 1.

Спиридонова Г. Система розничных цен в НРБ. (Информационный обзор.) Вопр. ценообразования, 1974, вып. 4.

Страны социализма в 1971—1972 годах. (Экономико-статистическое обозрение.) В кн. Проблемы теории и практики современного социализма. Прага, 1973.

Тарасов К. Г. Современное состояние, охрана и формирование окружающей среды в ЧССР и ПНР. В кн. Состояние природной среды в зарубежных странах. М., 1974.

Тарасов Л. А. Экономика стран СЭВ в 1973 году: путь подъема. Экономика и организация пром. производства, Новосибирск, 1974, № 4.

Теплицки З. Морские ворота Польши. (Развитие морских портов ПНР.) Мор. флот, 1974, № 10.

Ткачук М. И., Вуколова Т. И. Главные направления совершенствования хозяйственного механизма Польской Народной Республики. «Финансы СССР», 1974, № 12.

Фонхоф Х. Совместные меры по развитию лесного хозяйства. Междунар. с.-х. журн., 1974, № 6.

Хлебников В. Б. Социалистическая экономическая интеграция и черная металлургия стран — членов СЭВ. «Сталь», 1974, № 12.

Чечетв В. К. Особенности социалистических преобразований в сельском хозяйстве Польской Народной Республики. Научн. докл. выс. школы. Научн. коммунизм, 1974, № 6.

Чуканов О. Совет Экономической Взаимопомощи: новое в совместном планировании. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1974 г. М., 1974.

Шанина В. Проблемы рационализации транспортно-экономических связей стран — членов СЭВ. Вопр. экономики, 1974, № 10.

Шашаев Г. Международная специализация и кооперирование производства и ценообразование. Вопр. ценообразования, 1974, вып. 7.

Щеголев В. Дальнейшее развитие торговли стран — членов СЭВ. Вопр. и ответы, 1974, № 12.

#### 4. Коммунистические партии социалистических стран

Запкільняк Л. О. Боротьба Польської робітничої партії проти реакції напередодні виборів у законодавчий



сейм 1947 року. Укр. слов'язнавство, Львів, 1974, вип. 10.

П о х л е б к и н а Е. В. X съезд Болгарской коммунистической партии о путях превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. В кн. Труд и коммунизм. Октябрьские чтения. М., 1974.

С е м е н ю к С. М. Проблеми більшовизації БКП в історіографії Народної Республіки Болгарії. Укр. слов'язнавство, Львів, 1974, вип. 10.

Ч е р н і й А. І. Творче використання БКП ленінського плану соціалістичної індустріалізації (1948—1959 рр.). Укр. слов'язнавство, Львів, 1974, вип. 10.

### 5. Государственное строительство. Право

В е л ь я м и н о в Г. М. Правовое регулирование социалистической экономической интеграции. Сов. государство и право, 1974, № 11.

Ж и л ю н о в И. А. О социально-классовой структуре современной Югославии. Вестн. Ленингр. ун-та, 1974, № 17. Экономика. Философия. Право, вып. 3.

К у з н е ц о в а Н. И. Разграничение компетенции между Федерацией и ре-

спубликами в ЧССР. Труды Всесоюз. науч.-исслед. ин-та сов. законодательства, 1974, № 1.

К у р п а к о в а Л. Свобода совести в странах социализма. «Наука и религия», 1974, № 12.

Л а н о в е н к о І. Кримінальноправові гарантії трудових прав громадян у зарубіжних соціалістичних країнах. Рад. право, Київ, 1974, № 11.

Л у б е н с к и й А. И. Ускоренное производство по уголовно-процессуальному законодательству ПНР и СРР. Труды Всесоюз. науч.-исслед. ин-та сов. законодательства, 1974, № 1.

М а ч у л ь с к и й Э. И. Развитие конституционного статуса граждан в зарубежных социалистических странах Европы. Сов. государство и право, 1974, № 11.

Р ж е г у р ж е к М. Правовой режим и классификация объединений граждан в ЧССР. Сов. государство и право, 1974, № 12.

Т и х о н о в а В. В. Всеобщее избирательное право в народной Польше. В кн. Вопросы государства и права. Томск, 1974.

Я н и С. А. Правовые аспекты демографической политики в Чехословакии. Труды Всесоюз. науч.-исслед. ин-та сов. законодательства, 1974, № 1.

## II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

### 1. История

Б а ж е н о в Л. В. Лозунг «За нашу и вашу свободу!» у польском повстанні 1830—1831 рр. на Правобережній Україні. Укр. іст. журн. Київ, 1974, № 8.

Б а ж е н о в Л. В. Участь поляків Правобережній Україні у листопадовому повстанні 1830—1831 років. Укр. слов'язнавство, Львів, 1974, вип. 10.

Б і л я к е в і ч І. І. Білгородський польський запасний полк у боротьбі проти реакційного командування напередодні корніловського заклоту. (Серпень 1917 р.) Укр. слов'язнавство, Львів, 1974, вип. 10.

Б і л о у с В. А. Радянські громадяни в польському партизанському русі. Перші радянські партизанські загони в Польщі. (Осінь 1941 — літо 1942 рр.) Укр. слов'язнавство, Львів, 1974, вип. 10.

В е к с п е р А. Г. На раскопках в Праге. В кн. Музейное дело в СССР. М., 1974.

Дмитро Леонідович Похилевич. (Некролог.) Укр. слов'язнавство, Львів, 1974, вип. 10.

Е ф р е м о в а Н. В. Славные тридцатилетия. Развитие библиотечного дела в ПНР. «Библиотекарь», 1974, № 11. Зайцев Я. В. Ленинская оценка борьбы Розы Люксембург против реви-

зионизма и оппортунизма. «Новая и новейшая история». Саратов, 1974, вып. 2.

З а х а р о в В. В. Про роль орендних відносин в соціально-економічному розвитку Далмації XIII—XV ст. Укр. слов'язнавство, Львів, 1974, вип. 10.

З и м и н а Н. Г. Некоторые вопросы истории движения за Балканский союз (1929—1933 гг.). «Новая и новейшая история», Саратов, 1974, вып. 2.

К а і р о в С. Л. Висвітлення збройного повстання 1941 року в югославській історіографії. Укр. слов'язнавство, Львів, 1974, вип. 10.

К о в к е л ь И. И. Генуэзская конференция и белорусские буржуазные националисты. В кн. Гродненский педагогический институт им. Я. Купалы. Сборник научных работ. Минск, 1974.

К о з а к В. М. Радянські громадяни — бійці НВАЮ в Хорватії, Боснії та Герцеговині (1942—1945 рр.). Укр. слов'язнавство, Львів, 1974, вип. 10.

К р а в е ц ь М. М. Джерела з історії селянського руху у Східній Галичині в другій половині XIX ст. (Обзор источников ЦГИА УССР г. Львова.) «Архіви України», Київ, 1974, № 4.

К р и ж а н і в с ь к а В. В. Про вплив класової боротьби селян Правобережній Україні на зовнішню політику Речі Посполитої (Кінець XVII—60-ті

роки XVIII ст). Укр. істр. журн., Київ, 1974, № 11.

Ляшенко Л. А. О сближении польских и русских революционеров в 80-х гг. XIX в. (по страницам центрального органа партии «Народная воля»). В кн. Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974.

Мейендорф И. Ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. В кн. Институт русской литературы. Ленинград. Отдел древнерусской литературы. Труды... 29. Л., 1974.

Ойматов Х. Антиналоговая борьба крестьянства Болгарии в 1930—1934 гг. В кн. Таджикский университет им. В. И. Ленина. Сборник работ аспирантов. Ист. науки. Душанбе, 1974.

Пруниця С. Ю. До питання про склад пролетаріату Чехословаччини в 30-х роках XX сторіччя. (За матеріалами перепису населення 1930 року.) Укр. слов'язознавство, Львів, 1974, вип. 10.

Ратич М. О. Політика Польської соціал-демократичної партії в рабнічному русі Західної Галичини на початку XX ст. Укр. слов'язознавство, Львів, 1974, вип. 10.

Ремеников А. М. Взаимоотношения Римской империи и племен Подунавья в 324—337 гг. н. э. Уч. зап. Казан. пед. ин-та, 1974, вып. 136. Проблемы всеобщ. истории, сб. 4.

Сікора В. Джерела про Словацьке національне повстання в архівах Чеської Соціалістичної Республіки. «Архіви України», Київ, 1974, № 5.

Смирнов Ю. Д. О некоторых тенденциях развития англо-американской буржуазной историографии войны буржуазно-помещичьей Польши против Советской страны в 1920 году. В кн. Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974.

Трофимович В. В. Організаційне зближення російських і польських марксистів напередодні II з'їзду РСДРП. Укр. слов'язознавство, Львів, 1974, вип. 10.

Флоровский А. В. Русское летописание и Я. А. Коменский. (Начальная история Моравии и генеалогия рода Жеротина в недошедшем до нас трактате А. Коменского. Использование в трактате материала русской летописи.) В кн. Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974.

Фрейденберг М. М. Корпорации ремесленников в средневековом далматинском городе. Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового о-ва, 1974, вып. 1.

Челак П. П. Під прапором інтернаціоналізму. (По 50-річчя робітничого класу Кракова 1923 р.) Укр. слов'язознавство, Львів, 1974, вип. 10.

Чорний В. П. Про деякі дискусійні питання історії Квітневого повстання

в Болгарії (1876 р.). Укр. слов'язознавство, Львів, 1974, вип. 10.

Яжборская И. С., Евзеров Р. Я. Роза Люксембург. «Новая и новейшая история», 1974, № 6.

Якубский В. А. К вопросу о причинах развития фольварочной системы в Польше. Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества 1974, вып. 1.

## 2. Культура

Арнольдov А. И. Расцвет и сближение советской и болгарской культур. В кн. Социалистический интернационализм в действии. М., 1974.

Бижев С. Стимулы соревнования и формирование личности воина БНА. Коммунист Вооруж. Сил, 1974, № 23.

Богданов Ю. Шодо концепції сучасного літературного процесу в Чехословаччині (до суперечок не лише про традиції і новаторство). В кн. Література правди і прогресу. До питання розвитку літ. процесу в країнах соц. співдружності. Київ, 1974.

Бочко М. Г. Спільні риси емігрантських пісень українців і словаків. Нар. творчість та етнографія, Київ, 1974, № 6.

Будагова Л. На головному напрямі (нотатки про сучасну поезію Чехословаччини). В кн. Література правди і прогресу. До питання розвитку літ. процесу в країнах соц. співдружності. Київ, 1974.

Ванькович М. О расширении конвенции очерка. (Предисловие к книге «От Столбцев до Каира».) В кн. Писатель и современность. Худож. публицистика и докум. проза писателей зарубеж. соц. стран. М., 1974.

Ведіна В. Деякі тенденції розвитку польської драматургії 60-х років. В кн. Література правди і прогресу. До питання розвитку літ. процесу в країнах соц. співдружності. Київ, 1974.

Ведіна В. Сучасна польська антифашистська повість. В кн. Література правди і прогресу. До питання розвитку літ. процесу в країнах соц. співдружності. Київ, 1974.

Воейкова И. Современные фрески Болгарии. «Декоративное искусство СССР», 1974, № 10.

Гілевич Н. «Бо ець янчэ патрэба у наэтах». «Маладосць», Мінск, 1974, № 9.

Глушичка К. Постигая правду времени. Интервью с чешским актером о его творчестве. «Искусство кино», 1974, № 4.

Горецкий А. Соціальна проблематика сучасного словенського роману. В кн. Література правди і прогресу. До питання розвитку літ. процесу в країнах соц. співдружності. Київ, 1974.

Грабовський Л. Монументальна скульптура в народній Польщі. «Образотворче мистецтво», Київ, 1974, № 4.

Гранстрем Е. Э. Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XIV вв.). В кн. Институт русской литературы. Ленинград. Студии древнерусской литературы. Труды... 29. Л., 1974.

Ермонский А. Завтрашний день польской культуры. Иностр. лит., 1974, № 11.

Заборова В. И. Некоторые проблемы создания единой системы библиотек в Польской Народной Республике. Информ. о библиотеч. деле и библиогр. за рубежом, 1974, вып. 6 (65).

Зарев П. Драматургия гуманистическая и современная. Иностр. лит., 1974, № 12.

Захаржевська В. Жанрові стилі особливості сучасної болгарської поезії. В кн. Література правди і прогресу. До питання розвитку літ. процесу в країнах соц. співдружності. Київ, 1974.

Ільїна Г. Сучасна хорватська проза (Жанрові стилі тенденції). В кн. Література правди і прогресу. До питання розвитку літ. процесу в країнах соц. співдружності. Київ, 1974.

Казарина М. А. В музеях и музейно-ведческих центрах Чехословакии. В кн. Музейное дело в СССР. М., 1974.

Климчук В. Проза Благи Димитрової. В кн. Література правди і прогресу. До питання розвитку літ. процесу в країнах соц. співдружності. Київ, 1974.

Лоренц С. Шедевры польской живописи XIX — начала XX века. «Искусство», 1974, № 12.

Огнев В. Писатель и новая действительность. В кн. Писатель и современность. Худож. публицистика и докум. проза писателей зарубеж. соц. стран. М., 1974.

Помыкало В. Основные направления реформы просвещения в Польше. Нар. образование, 1974, № 10.

Посудневська Т. Література зарубіжних соціалістичних країн на Україні (Коротка бібліографія книжкових видань 1968-1972 років). В кн. Література правди і прогресу. До питання розвитку літ. процесу в країнах соц. співдружності. Київ, 1974.

Спасов И. Что значит быть современным? Размышления о болгарской лирике 70-х годов. Лит. обозрение, 1974, № 9.

Филимонова Н. Словацкая иллюстрация для детей. Дет. лит. 1974, № 12.

Фучик Ю. Человек и революция. Малоизвестные статьи Юлиуса Фучика. Иностр. лит., 1974, № 11.

Шахова П. Г. Художественный идеал цельной личности в современном болгарском романе. В кн. Идеи и образы. Вопросы худож. обобщения в литературе. Ульяновск, 1974.

Шевчук В. Новітній чеський роман. В кн. Література правди і прогресу. До питання розвитку літ. процесу в країнах соц. співдружності. Київ, 1974.

Яковлева Н. Людина в сучасному сербському романі (60—70-і роки). В кн. Література правди і прогресу. До питання розвитку літ. процесу в країнах соц. співдружності. Київ, 1974.

Ямпольский И. Кухач и Лысенко. Сов. музыка, 1974, № 11.

### 3. Наука

Ганковский В. Е. Экономическая роль государства в странах социалистического содружества: проблемы и мнения. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1974, № 6.

Клементьев С. В. Гость из Варшавского университета. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1974, № 6.

Л. З. VI Всесоюзная конференция историков-славистов у Львові. Укр. слов'янознавство, Львів, 1974, вип. 10.

Мороз В. К. Научная конференция, посвященная 30-летию Польской Народной Республики. (Львов, 20 июня 1974 г.) «Новая и новейшая история», 1974, № 6.

Павелко В. У. Про конференцію радянських і чехословацьких істориків. Укр. іст. журн., Київ, 1974, № 1.

Раздимаха Г. С. До історії формування наукових ідей Коперника. Філософ. проблеми сучас. природознавства, Київ, 1974, вип. 37.

Северина И., Сотак М. О международной методической конференции русистов в Нитре (Чехословакия) (9—12 сент. 1974 г.). Рус. яз. в школе, 1974, № 6.

Собинникова В. И. Славянские языки в Воронежском университете. (Изучение славянских языков в Воронежском университете в 60—70-е гг.) В кн. Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1974.

Трыярський Э. Польская тюркология за последние десять лет. (1964—1973). Сов. тюркология, Баку, 1974, № 4.

Дончева М. О Николе Маринове. «Искусство», 1974, № 9.

Цыбенко Е. З. О славистике в университетах Германской Демократической Республики. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1974, № 4.

Шаповалова Г. Г. Егорьевский цикл весенних календарных обрядов у славянских народов и связанный с ним фольклор. В кн. Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.

Шкампла Я. Марксистская эстетика и другие эстетические системы. В кн. Борьба идей в эстетике. Марксистско-ленинская критика реакционных эстетич. учений. М., 1974.

Штястны З., Крижова Е. Мобильность научных работников в ЧССР.

В кн. Наука и техника. Вопросы истории и теории, вып. 8, ч. I. Л., 1973.

Эўцімава Р. Балгарская тэма ў сучаснай беларускай паэзіі. Вестн. Беларус. ун-та. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, Мінск, 1974, № 2.

## СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1974, № 4—5

Три революционных и созидательных десятилетия; В. Хаджиниколов. Влияние Октября и социалистическая революция в Болгарии; Л. Б. Валев. Великая Отечественная война Советского Союза и вооруженная борьба болгарского народа против фашизма; Й. Илиев. Социально-классовая характеристика Первой средногорской партизанской бригады имени Христо Ботева; Й. Гончев. Агитационно-пропагандистская деятельность РСМ в годы вооруженной борьбы (1941—1944); Г. Мадолев. Благоевградская областная партийная организация на начальном этапе второй мировой войны; З. Златев. Переломные годы социалистической индустриализации НРБ (1944—1960); Г. Ненчовски. Болгарская деревня на пути к социализму (1944—1974); Цв. Манов. Социалистические преобразования в Родопском крае (1944—1974); Г. Н. Попов, В. В. Бойко. Советско-болгарское сотрудничество в развитии социалистического искусства (1944—1948); М. Исусов. Отечественный фронт и попытки изменения новой парламентской системы в Болгарии (1945—1946); А. с. Калинин. Помощь СССР болгарской армии в ходе Отечественной войны (1944—1945).

№ 6

Е. Дамянова. Польша, Болгария и отношения на Балканах (1930—1939); Й. Николов. Великая крестьянская война и раннебуржуазная революция в Германии; Й. Л. Портной. Интернациональные связи профсоюзов Советского Казахстана с болгарскими трудящимися; Г. В. Димитров. Из истории национально-освободительной борьбы в Благоевградском округе (1878—1812); С. Лишев. Еще раз о возникновении и развитии болгарского средневекового города.

«Литературна мисъл», 1974, № 5

С. Каролов. Эстетический спор Славейкова с Вазовым; Т. Жечев. Болгарская литературная панорама глазами Пантелея Зарева; Р. Димчева.

О некоторых проблемах теории сатиры; Б. Делчев. Из записной книжки писателя; Б. Ганчева. Присутствие автора в художественной прозе К. Константинова; Б. Богданов. «Поэтика» Аристотеля, трагедия и некоторые современные проблемы.

«Български език», 1974, № 4.

Л. Андрейчин. Научные достижения Института болгарского языка за годы народной власти (1944—1974); Вл. Мурдаров. Расширение семантики форманта в словообразовательном типе; М. Коспартова. Лексические антонимы в поэзии П. К. Яворова; Ст. Петрова. Синтаксическая характеристика сложноподчиненных предложений с личным местоимением в главной части; С. Кожухаров. Полные начертания в Орбельской триоди — среднеболгарском литературном памятнике XIII в.

«Kwartalnik Historyczny», 1974, № 3

Тридцатилетие историографии в народной Польше; С. Кеневич. Об этике профессии историка; Е. Топольский. Современные методологические проблемы исторических наук; Я. Замойский. Размышления о новейшей истории; Я. Бялостокский. Несколько слов о фактах и обобщениях в истории искусства; Я. Гоцьковский. Социально-технические мотивы в истории политической мысли.

№ 4

Г. Заремская. Живые перед мертвыми. Братские и цеховые похороны в Кракове в XIV — первой половине XVI в.; Ю. Бардах. Статуи Великого княжества Литовского — правовые памятники эпохи Возрождения; Р. В. Волошиньский. Начало деятельности Яна Потоцкого в России в конце XVIII века; З. Лагдау. Объем картелизации промышленности во время II Речи Посполитой; Ф. Земский. Рады народове в Силезско-Домбровском воеводстве в 1944—1947 гг.; Т. Филиповский. Начало поль-

ской школы в Вармии и Мазурах (1945—1949); А. Вычаньский. О научном творчестве Станислава Хербста.

«*Z pola walki*», 1974, № 2

30 лет народной Польше; Р. Колодзейчик. Исследования проблем рабочего класса в народной Польше; В. Важенский. Крайова Рада Народова — временный парламент народной Польши (1944—1947); Х. Слабек. Влияние рабочих партий на крестьянских земель (1944—1947); З. Козик. Рабочие партии в Краковском воеводстве накануне образования народной Польши; К. Май. Польские комитеты национального освобождения на территории Франции (февраль 1944—июль 1945); Е. Таргальский. ППС и раскол (май — июль 1900 г.).

«*Pamiętnik Literacki*», 1974, № 4

М. Барановская. Поэтический принцип географии Галичского; М. Плахецки. Пшибось прозой о поэзии. Механизм перемены в критической системе; С. Жулкевский. На примере журнала «Кузница»; А. К. Васкевич. Формы присутствия «отсутствующего поколения». Литературные группировки молодых 1960—1970 годов; М. Гопфингер. Аудиовизуальная культура и понимание литературы; С. Секерский. Сдвиги в интересах современных польских читателей; З. Флорчак. Начало языка во взглядах польского Просвещения; М. Прусак. Элементы внеязыковой ситуации, вписанные в текст драмы «В сети» Киселевского и «Золотое руно» Пшибышевского.

«*Slavia Orientalis*», 1974, № 4

Л. Дяковская. Две редакции «Девяти десятых судьбы» В. Каверина; В. Скрунда. Изменения в советском литературном батальном жанре; Э. Горнова. Польша и поляки в федералистских планах Драгоманова; М. Бобран. Глагольное единственное беспредложное вариационное сильное управление в польском и русском языках; И. Савицкая. Указательные местоимения в белорусских говорах Белостокского воеводства.

«*Język Polski*», 1974, № 5

С. Урбанчик. Ян Сафаревич (к 70-летию со дня рождения); Л. Беднарчук. К характеристике северовосточной периферии польского языка; С. Едловский. Откуда у Крайцко-го *reczuski*?; М. Карась. О названии *Trzykrzyska Góra* и подобных; М. Куцала. «*Weźmi zwierciadło ze ścianu i podaj go w moje ręce*»; И. Кураскевич.

Два писца основного текста Размышлений доминиканских; Е. Островская. Соответствия древнейшей польской песни; К. Писаркова. Об экспрессивной функции времени и вида; Ю. Речек. Явления релативизации некоторых заимствований в польском языке; С. Роспанд. Из исследований по истории польского литературного языка; VI. Исконные польские названия в рукописях Коперника; Ф. Славский. О польских материалах Словаря Межиниса; З. Штибер. О названии города *Stralsund* и реки Пяны; В. Ташицкий. Возвращение силезским топонимам польского облика; А. Заремба. Глаголы, выражающие способ обращения ко 2 лицу; М. Зарембина. Дистрибуция заимствований в «Пане Тадеуше» (на примере книги VII).

«*Ceskoslovenský časopis historický*», 1974, № 6

З. Шмолдас. Интернациональный характер Словацкого национального восстания; В. Пеша. Социально-демократическое движение в габсбургской монархии в 1868—1874 гг.; Э. Маур. Меркантилистический популяционизм и критика феодализма; Я. Млынски. Остфоршунг и новейшая история Чехословакии.

«*Historický časopis*», 1974, № 3

М. Барновски. Материальное положение рабочего класса во время национально-демократической революции (1945—1947); Л. Тайтак. Промышленная революция в Словакии и ее социальные последствия; Й. Бутвин. К вопросу возникновения и формирования современной словацкой науки в 1780—1848 гг.; Ж. Аврамовски. Отношение Англии к проекту договора о взаимопомощи между Францией и Малой Антантой.

«*Slovanský přehled*», 1974, № 5

В. Мелихар. 30-я годовщина народной Польши; З. Ландау, Е. Томашевский. Основные этапы развития народной Польши. 1944—1974; М. Заховал. 25 лет Германской Демократической Республике; Б. Легар. Экономическое сотрудничество ГДР и ЧССР в 1949—1960 гг.; Ч. Аморт. К 30-й годовщине победы болгарского народа над фашизмом; М. Тейхман. Августовское антифашистское восстание в Румынии — начало нового этапа чехословацко-румынских отношений; Р. Креуцова. Женевское совещание глав правительств в 1955 г. и борьба СССР за разрядку международной напряженности; И. Бакешова. Помощь СССР Китаю в первые годы войны против Японии.

## «Ceská literatura», 1974, № 3

## № 3

Г. Грзалова. Юлиус Фучик о чешской литературе; М. Рженкова. Искусство повествования Каролины Светлой; И. Опелик. Две монографии о Дыке.

## № 4

Б. Тругляр. Петр Илемницки; П. Пешта. Три проблемы творчества Гаусманна; И. Кучерова. От отрицания действительности к апофеозу человечности; Л. Кишкин. О влиянии Миколоша Алеша на литературу.

## № 5

И. Сеегасе. К проблематике культурного наследия в чешской литературе двадцатых годов, особенно к вкладу З. Нееды; Р. Пытлик. Попытка Сташека воплотить идеологического героя; К. Крейчи. Якуб Арбес и революция; П. Вашак. Иржи Волькер в 1974 году; М. Благинка. Волькер Незвала и Незвал Волькера; Р. Пытлик. Svatý Kopeček Волькера и Аполлинер; А. Чайкова. К балладам Волькера; Д. Молданова. Сказки Волькера; И. Иранек. Бедржих Сметана и чешская литература; И. Полак. Путь Сладека к Шекспиру; В. Мацура. Поэтика названия в переводах «Репортажа с петлей на шее».

## «Slavia», 1974, № 4

Х. Плевачова. К вопросу о славянском пер, -por-, «pořiti»; С. Урбанчик. Комиссия национального просвещения о польском языке; Р. Крайчович. Проблема праславянского генезиса словацкого языка; К. Крейчи. Некоторые нерешенные вопросы RKZ; Р. Пенгерска-Пиотровска. Первый труд XIX в., посвященный чешской литературе.

## «Slovenská literatúra», 1974, № 2

В. Турчаны. Силлабизм и силлаботонизм Яна Коллара; В. Кохол. Стих Крчмери; О. Чепан. К периодизации так называемой лирической прозы; Д. Дюришин. От перевода к творчеству; Н. Краусова. Литературный текст как процесс производства.

В честь словацкого национального восстания; А. Метуска, Й. Феликс. Тридцать лет спустя; Б. Труглярис. Проза о восстании, ее развитие, проблемы и перспективы; А. Багин. Восстание и поэзия; И. Кусы. Место прозы о восстании с точки зрения развития литературы; К. Розенбаум. Отношение к истории; С. Шматлак. Размышления о стихотворении Л. Новомеского «Анализ»; В. Петрик. Переживание и познание; С. Ракус. «Хроника» П. Илемницкого; З. Касац. Портреты погибших поэтов восстания.

## № 4

Ц. Краус. О проблеме поколений в штуровской литературе; З. Клатик. Тип баллады Янка Краля; С. Леснякова. Антон Павлович Чехов и революционная словацкая литература; Я. Юрчо. Эпические источники «Тернистого пути» Ф. Краля.

## № 5

Й. Минарчик. Отзвуки вагантской поэзии в словацкой литературе; Й. Грабак. Две заметки о словацких песнях разбойников XVIII в.; Г. Слаковска. Валацкая школа Гавловича; П. Штилица. Тематический план модной любовной поэзии; М. Окал. Жизнь и творчество Юрая Кошная.

## № 6

В. Кохол. Новомеский и Волькер; А. Багин. Эпические элементы в поэзии Л. Новомеского; В. Турчани. Вилла Тереза Л. Новомеского; С. Никольский. И. Волькер и Л. Новомеский.

## «Slovenská reč», 1974 № 6

Й. Мистрик. Стиль эссе; В. Углар. Словацкий язык ружомберской печати в 90-х годах прошлого века; Я. Сабол. О фонологии наречных аффиксов; С. Бартош. Словообразовательная продуктивность глагольных видов; Е. Красовска. Праславянское *tatъ* и словацкое *potatmo*.

## CONTENTS

### *To the thirtieth anniversary of the great victory over the fascist aggressors*

- The Epoch-making victory over the fascism. *E. A. Boltin*. The great feat of the Soviet people. *A. I. Nedorezov*. The Soviet-Czechoslovak relations, 1945—1948. *L. B. Valev*. The victories of the Red Army at Stalingrad and on the Orel-Kursk Bulge and the raising of the anti-Fascist movement in Bulgaria. *J. Hroziencič* (CSSR). The international character of the Slovak National Uprising, 1944. *F. E. Borżemski*. From the notes of annalist of the First Army of the Polish Forces. *Yu. Bogdanov, G. Iljina, V. Horev*. The general tendencies of the development of anti-Fascist literature (Bulgaria, Poland, Czechoslovakia, Yugoslavia). *I. V. Shablóvskaya*. The conception of the man in the Slavonic poetry of the Resistance. *V. Tikhomirova*. The anti-Fascist theme in modern Polish poetry . . . . . 3

### *Problems of history and linguistics*

- S. Grinberg*. The main tendencies and features of the development of manufacturing industry in Bulgaria in the beginning of the XX-th century (1900—1912). *M. Todorova* (Bulgaria). The «Blue Books» as a source Balkan and Turkish history in 1814—1856. *F. T. Zhylyko*. Some problems of cartography in the national atlases of Slav languages . . . . . 70

### REVIEWS AND REVIEW-ARTICLES

- V. N. Sidortsov*. Д. Б. Мельцар П. З. Савачкин. Беларусь і Балгария — дружба, супрацоўніцтва, братэрства. *V. A. Boris*. J. Kozik. Ukraiński ruch narodowy w Galicji w latach 1830—1848. *A. S. Mylnikov*. J. Petraň. Nevolnické povstání 1775. *Yu. F. Ivanov, A. I. Ozolin*. The burgher opposition in the Hussite movement. *O. M. Malevich*. *S. V. Nikolsky*. Karel Capek — fantast and satirist. *I. K. Gorsky*. A monographic essay on Krashevsky's life and activities. *S. V. Nikolsky*. The first soviet book on J. Jungman. *I. Kalliganov*. Боню Ангелов. Страници из историята на старобългарската литература. *I. P. Verezovsky*. Т. П. Рудая. Иван Франко—дослідник слов'янського фольклору. *L. Sofronova*. The study of the emblem in the Polish literary criticism. *Todor Boyadzhijev* (Bulgaria). L. Andreichin. Езикови треноги . . . . . 102

### Bibliography

- Books on the present state, history, culture and languages of the foreign slav peoples published in the Soviet Union in 1974. The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign slav peoples published in the Soviet periodicals in 1974 (continuation). The contents of foreign periodicals . . . . . 122

Технический редактор *Е. В. Синицына*

---

Сдано в набор 11/II-1975 г. Т-04288 Подписано к печати 24/IV-1975 г. Тираж 1295 экз.  
 Зак. 1749 Формат бумаги 70×108<sup>1/16</sup> Усл. печ. л. 11,9 Бум. л. 4<sup>1/4</sup> Уч.-изд. л. 13,4

---

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10



**Цена 1 руб.**  
**Индекс 70891**